

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 10/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 10/2021 (Latin America)

Founded in 1969
Established by
Academy of Sciences of the Soviet Union
Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences
Issued monthly
Published under the authority of the Global Problems
and International Relations Department of the RAS
Included in the list of the Higher Attestation Commission
Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science
ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

- 6 В.Л.Хейфец. **Обращение к читателям**

ЛЕВЫЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 7 Н.А.Добронравин. **Наставления Энрике Хосе Вароны и проблема «цветного населения» Кубы**
- 17 В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. **Коминтерн после Коминтерна. Эпизоды поиска новых форм единства латиноамериканскими коммунистическими партиями**
- 41 А.А.Щелчков. **Годы надежд: «новые левые» в Боливии, 1960—1980-е годы**
- 57 Р.В.Костюк. **Левые социалисты в современной Латинской Америке: идеология и политика**
- 71 Э.Камареро, К.М.Эррера. **Долгое будущее? Несколько заметок о современной истории аргентинских левых**
- 87 М.Д.Монтеро. **Собственный путь или альянс? Парагвай и вечное обещание прогрессивного цикла. Замкнутый круг разобщенных левых (1989—2021)**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 101 С.В.Малявина, А.А.Куракина-Дамир. **Российско-испанские научные связи в условиях пандемии**
- 109 Памяти **Бориса Николаевича Комиссарова** (1939—2021)

SUMARIO

- 6 Víctor Jefets. **Mensaje a los lectores**

LA IZQUIERDA: HISTORIA Y MODERNIDAD

- 7 Nikolai Dobronravin. **Los sermones de Enrique José Varona y el problema de la “población de color” en Cuba**
- 17 Víctor Jefets, Lázar Jefets. **La Comintern después del fin de la Comintern. Episodios de la búsqueda de nuevas formas de unidad por los comunistas latinoamericanos**
- 41 Andrey Schelchkov. **Los años de esperanza: la “nueva izquierda” en Bolivia, los años 1960—1980**
- 57 Ruslán Kostiuk. **Los socialistas de izquierda en la América Latina contemporánea: ideología y política**
- 71 Hernán Camarero, Carlos M.Herrera. **¿Un largo porvenir? Algunas notas sobre la historia de la izquierda argentina en tiempos recientes**
- 87 Mariano D.Montero. **¿Camino propio o alianza? El Paraguay y la eterna promesa de un ciclo progresista. Las limitaciones de una izquierda fragmentada (1989—2021)**

VIDA CIENTIFICA

- 101 Svetlana Maliávina, Alexandra Kurákina-Damir. **Los vínculos científicos entre Rusia y España durante la pandemia**

CONTENTS

- 6 Victor Jeifets. **Message to readers**

THE LEFT: HISTORY AND MODERNITY

- 7 Nikolai Dobronravin. **Admonitions of Enrique Jose Varona and the problem of Cuba’s “men of colour”**
- 17 Victor Jeifets, Lazar Jeifets. **The Comintern after the end of Comintern. Some episodes of search of new forms of unity by Latin American communists**
- 41 Andrey Schelchkov. **Years of hope: “the new left” in Bolivia, 1960—1980**
- 57 Ruslan Kostiuk. **Left socialists in contemporary Latin America: ideology and politics**
- 71 Hernan Camarero, Carlos M.Herrera. **A long future? Some Remarks on the history of Argentine left in recent times**
- 87 Mariano D.Montero. **Own way or alliance? Paraguay and the eternal promise of a progressive cycle. The limitations of a shattered left (1989—2021)**

SCIENTIFIC LIFE

- 101 Svetlana Maliavina, Alexandra Kurakina-Damir. **Russian-Spanish scientific relations during pandemic**

Уважаемые читатели!

Перед Вами десятый номер «Латинской Америки» за 2021 год. Он посвящен истории и современности левых сил. Латинская Америка, когда-то получившая эпитет «пылающего континента», и сегодня остается регионом, где левые силы играют заметную роль. Десятилетиями продолжается реконфигурация данного политического лагеря, а «исторические левые», которые, казалось бы, уступили место «новым левым», демонстрируют, что их рано полностью списывать со счетов.

Номер открывается статьями «исторического» блока. Н.А.Добронравин анализирует «политическое завещание» кубинского политика Энрике Хосе Вароны и его роль в дискуссии о «цветном населении» Кубы после падения режима президента Херардо Мачадо 12 августа 1933 г. В.Л.Хейфец и Л.С.Хейфец в статье «Коминтерн после Коминтерна» исследуют эволюцию форм и способов интернационального сотрудничества между латиноамериканскими компартиями и их взаимодействия с Москвой во второй половине XX столетия, обращая особое внимание на роль Народно-социалистической партии Кубы, международные совещания компартий и деятельность журнала «Проблемы мира и социализма».

Автор статьи «Годы надежд: «новые левые в Боливии» А.А.Щелчков показывает, что в этой стране «новые левые» формировались на основе синтеза марксизма и национализма, обновления идей социализма за счет западного, неортодоксального марксизма, союза с социал-католицизмом и при доминирующем влиянии Кубинской революции. При этом сохранилась явная преемственность «новых левых» 60—70-х годов XX в. и их сегодняшних «наследников».

Исследованию левого социализма посвящены статьи Р.В.Костюка «Левые социалисты в современной Латинской Америке: идеология и политика» и Э.Камареро и К.Эрреры «Долгое будущее? Несколько заметок о современной истории аргентинских левых». Из этих текстов читатель сможет узнать, как история социалистов отражается в их современной деятельности и как активность соцпартий и других левых обусловлена уже новыми условиями существования; подспорьем в анализе станут несколько примеров из современной политики ряда стран континента.

В последней статье тематической части номера, принадлежащей перу М.Монтеро («Собственный путь или альянс? Парагвай и вечное обещание прогрессивного цикла»), анализируется еще один национальный южноамериканский кейс. История левых Парагвая рассматривается в связи с коротким пребыванием этой страны в лагере государств «левого поворота». Автор приходит к неутешительному выводу: парагвайские левые не сумели сделать серьезные выводы в отношении своего короткого «романса» с правительством и остаются раздробленными. А это делает проблематичным расширение их электоральной базы.

Сквозной нитью статей остается вопрос: насколько развитие современных левых партий связано с их историей, а какие аспекты их деятельности оказываются совершенно новыми. И, last not least, авторы не могли не обойти стороной вопрос: каковы кратко- и среднесрочные перспективы латиноамериканских левых сил.

Главный редактор

В.Л.ХЕЙФЕЦ

Н.А.Добронравин

Наставления Энрике Хосе Вароны и проблема «цветного населения» Кубы

В статье рассматривается последний труд (фактически политическое завещание) Энрике Хосе Вароны и роль этой работы в дискуссии о «цветном населении» Кубы после падения режима президента Херардо Мачадо 12 августа 1933 г. В дискуссии затрагивался лозунг самоопределения «негритянского меньшинства», с которым выступала Коммунистическая партия Кубы. В последующих публикациях текст завещания Э.Х.Вароны был изменен. Автор данного материала раскрывает причины и характер такого редактирования, связанные с кубинской этнополитической историей и ее интерпретацией после 1959 г.

Ключевые слова: ПСС, Энрике Хосе Варона, Коминтерн, самоопределение, политическая цензура.

DOI: 10.31857/S0044748X0016569-4

Статья поступила в редакцию 02.04.2021.

Первой Коммунистической партии Кубы (*Partido Comunista de Cuba*, ПСС), одной из секций Коммунистического Интернационала, посвящена обширная литература [1; 2; 3; 4], хотя в большинстве этих работ не уделено достаточно внимания «этнической политике» ПСС. Об отношениях между кубинскими коммунистами и «цветным» населением писали, в частности, Каридад Массон и Барри Карр [5; 6]. С 1990-х годов исследователям стали доступны многие документы из архива Коминтерна в Москве (в Российском государственном архиве социально-политической истории), серьезно обогатившие картину отношений компартии с различными секторами кубинского общества.

Не имеющее аналогов в мировой истории положение Острова Свободы после революции 1959 г. (шесть десятилетий блокады и противостояния с США) не могло не повлиять на национальную историческую науку (вклю-

Николай Александрович Добронравин — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой политики, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, 191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, <https://orcid.org/0000-0002-4248-5857>, n.dobronravin@spbu.ru).

Финансирование: Российский научный фонд (РНФ), проект № 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

чая подходы к публикации источников по истории Кубы в первой половине XX в.). В борьбе с реальными или гипотетическими фальсификациями истории использовались не только партийные документы, но и труды некоммунистических авторов, таких, как Энрике Хосе Варона (1849—1933 гг.).

К XIX — началу XX в. Э.Х.Варона входил в число авторитетных общественных деятелей Кубы. В последние годы жизни он приобрел национальную известность как «наставник юношества» и кумир прогрессивного студенчества. Труды Вароны публиковались не только на Кубе, но и за рубежом, в том числе и в СССР [7, сс. 239-260].

Вскоре после падения режима президента Херардо Мачадо (1925—1933 гг.) Варона написал краткое обращение к молодым революционерам, вероятно, по просьбе поэта и журналиста Хосе Антонио Фернандеса де Кастро (1887 или 1897—1951 [8, с. 534; 9, р. 60]): «Учитель... пообещал мне обобщить основные моменты его идей в наставлении. Так возникли эти строки, которые сегодня я хочу вновь передать всем кубинцам как последние слова избранного ума и чистого сердца...» [10, р. 10]. Уже тогда Варона был тяжело болен. 19 ноября 1933 г., в разгар революции, «наставник юношества» скончался в Гаване; его похороны превратились в массовую демонстрацию, в стране был объявлен национальный траур.

Работа Вароны «Мой совет» (*Mi consejo*) впервые была напечатана в гаванской газете *El País* 17 августа 1933 г. [11; 12, р. 314]. В наши дни этот текст обычно публикуется под авторским названием «Мои советы» (*Mis consejos*). Одно из наставлений кубинского мыслителя заслуживает особого внимания: «Я не возлагаю всю вину на равнодушных кубинцев. Наши деловые люди, иностранцы, в том числе в первую очередь испанцы, забыли, что наше благополучие — это и их благополучие, и что на них, как и на нас, падают бедствия, которых мы не смогли избежать» [13, р. 33].

На первый взгляд эти слова вполне соответствуют современным представлениям о политических взглядах Вароны как прогрессивного общественного деятеля. В 1999 г. авторы комментария к «Моим советам» писали о нем как о «радикальном либерале»: «В первой части статьи он проанализировал некоторые особенности ситуации, в которой жила страна. Он оценил людей, занявших государственные должности в результате революционного процесса, выше, чем тех, кто занимал их [до революции]; он указывал на «равнодушных кубинцев» и, в частности, испанских деловых людей, среди иностранцев, как на виновных в кризисе республики...» [14, pp. 94-95].

«ПРОПАВШЕЕ» НАСТАВЛЕНИЕ Э.Х.ВАРОНЫ (АВГУСТ 1933 ГОДА) И ЕГО РЕВОЛЮЦИОННАЯ КРИТИКА

На авторитетное мнение Вароны часто ссылались в кубинской прессе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его имя упоминалось и в гаванской газете *Diario de la Marina*. К 1933 г. это частное издание являлось, пожалуй, самым влиятельным на Кубе; его владельцы были иммигрантами из Испании. Газету часто называли консервативной, реакционной и профашистской. В то же время ее страницы были доступны и для «цветных» авторов. Самым известным среди них был афрокубинский публицист, ар-

хитектор по образованию Густаво Э.Уррутиа (1881—1958 гг.), регулярно, начиная с 1928 г., публиковавший в газете собственную колонку [15].

До революции президент Мачадо стремился быть лидером всей кубинской нации, включая «цветных» граждан республики. После падения режима в стране усилилась межрасовая напряженность и враждебность по отношению к афрокубинцам, которых обвиняли и в поддержке свергнутой тирании, и в попытках захвата власти на местах. 17 августа 1933 г. корреспондент *Diario de la Marina* М.Вега сообщил из Сантьяго-де-Куба: «В этом городе отмечается интенсивная коммунистическая пропаганда как результат триумфа революции. Проходит большое число митингов и демонстраций, пока разрешенных властями. Сегодня распространились слухи о том, что коммунисты дали белым 72 часа на то, чтобы оставить [занимаемые ими] должности, что вызвало большую тревогу населения. Однако все это, кажется, сводится к коварным и совершенно необоснованным кампаниям» [16].

26 августа 1933 г. в той же газете вышла колонка Г.Э.Уррутиа *Armonías*, посвященная ситуации в провинции Ориенте: «Что происходит в Ориенте с определенными элементами цветной расы? ... Согласно неофициальным и частным новостям, некоторые цветные Ориенте использовали революционный повод, чтобы выдвинуть, среди коллективных требований момента, и особые требования негров. Позже сообщалось, что эта неудачная попытка провалилась... Неудивительно, что некие агитаторы использовали участие цветных рабочих в последней революционной стачке, чтобы повлиять на некоторых из них и заставить их выступить сегодня с требованием господства в тех местах, где черное население составляет большинство. Своего рода мятежный «блэк белт» (*black belt*, т.е. «черный пояс»), как тот, который пытались создать такие же агитаторы на юге Соединенных Штатов, с кровавыми результатами для негров» [17].

В своей колонке Уррутиа ссылался на «краткую официальную информацию», согласно которой полковник Эдуардо Гонсалес дель Реаль (капитан 1 ранга, начальник Генерального штаба Военно-морских сил Кубы до «заговора сержантов» 5 сентября 1933 г. [18]) уведомил президента республики «о волнениях среди цветных элементов Камагуэя и Ориенте и о необходимости того, чтобы победоносные революционные организации занимались пропагандой и убеждением этих элементов для их умиротворения на благо Республики и их собственного» [17].

Агитацию, о которой писал Уррутиа, в тот период вели коммунисты. Применяя к местным условиям директивы Коминтерна, они в некоторых исторических и политологических работах выступали с лозунгом национального самоопределения вплоть до отделения для «негритянского меньшинства» как в США, так и на Кубе в так называемой «черной полосе Ориенте» (*faja negra de Oriente*).

25 августа 1933 г. группа «цветных» деятелей, называвших себя «подлинными революционерами» (*elementos distinguidos de la raza de color, auténticamente revolucionarios*), подписала заявление, содержащее протест против слов Вароны, относившихся к афрокубинскому населению Кубы. 27 августа информация об этом протесте была напечатана в *Diario de la Marina* [19]. 28 августа газета опубликовала сам текст заявления, «Мани-

фест революционных элементов цветной расы» (*Manifiesto de los elementos de la raza de color revolucionarios*):

«К НАРОДУ КУБЫ

17-го дня сего месяца в одной из столичных газет были опубликованы заявления прославленного мыслителя и философа, бывшего вице-президента Республики, доктора Энрике Хосе Вароны, который своей строгостью и патриотизмом завоевал почитание и уважение всех кубинцев, молящихся в это время вместе с интеллигенцией Америки, чтобы Бог вернул здоровье мудрому наставнику, сломленному тяжестью лет.

Эти заявления великого мыслителя вместе с некими слухами о волнениях среди цветных элементов в некоторых частях Республики, которые нашли отражение в прессе, побудили нас поднять голос публично, чтобы уточнить понятия, дать совет заблуждающимся; и да воссияет истина чистая и ясная.

Мы никогда не возвышали свой голос, как черные, потому что мы со всей силой чувствуем себя только кубинцами, и так мы поступаем в вопросах, которые затрагивают нацию. Мы не хотим и не должны создавать расовые проблемы, потому что это преступно и самоубийственно. Мы не делим кубинцев по их этническим различиям, мы лишь восхищаемся моральным и интеллектуальным мужеством наших людей...

Доктор Варона указывает в своих заявлениях, что он «не возлагает всю вину на равнодушных, но также и на цветных, иностранцев и в первую очередь испанцев». В некотором смысле возлагая на них ответственность, из-за их равнодушия, за сохранение одиозного махадистского режима» [20].

Далее перечислялись черные предшественники-революционеры, такие, как дон Хуан Гуальберто Гомес Феррер (1854—1933 гг.), и лидеры революционного движения среди «цветных элементов», в том числе доктор Мартин Кастельянос в Сантьяго-де-Куба. Авторы протеста оценили как неудачное обвинение в адрес иностранцев и особенно испанцев. «Манифест» также включал в себя патетическое проклятие в адрес контрреволюционеров и слова великого кубинского «Апостола» (Хосе Марти): «Будь проклят кубинец — черный или белый, — который не чувствует, как его душа наполняется радостью, видя Родину снова свободной, свободной и демократической, где есть мир и права. ...Родина должна быть, как мечтал Апостол: «Со всеми и для всех». Но для всех людей чести и совести» [20].

Чернокожий психиатр Мартин Кастельянос Мартинес (1901—1989 гг.), упомянутый в «Манифесте революционных элементов цветной расы», был в тот период одним из руководителей компартии Кубы [8, сс. 237-239]. Позднее ему приписывали идею национального самоопределения «негритянского меньшинства» в «черной полосе Ориенте» (скорее всего — ошибочно или в ходе внутривнутрипартийной борьбы). Как отмечал Рауль Роа Гарсия (1907—1982 гг.), участник событий 1933 г., а после 1959 г. — один из политических лидеров социалистической Кубы, «хотя впоследствии [М.Кастельянос] вышел из Коммунистической партии и примыкает к традиционной политике, он остался на Кубе и работает врачом-психиатром» [21, р. 300; 22].

30 августа 1933 г. была опубликована очередная колонка Г.Э.Уррутиа, в которой снова обсуждались проблемы «черной расы на Кубе» или «афрокубинцев». Высоко оценив «Манифест», публицист писал: «В этом документе дан ответ на болезненные обвинения в отсутствии патриотизма, предъявленные нашим выдающимся Энрике Хосе Вароной цветным людям по случаю новой революции, и в то же время все поставлено на свои места относительно абсурдной новости о расовом восстании в Ориенте и Камагуэе. Обсуждению этого сомнительного, вводящего в заблуждение и злонамеренного известия я посвятил свои последние «Гармонии». То, что я должен был написать относительно несправедливого замечания почтенного деятеля, не могло быть обнародовано в свое время, потому что газеты страдали от нехватки бумаги в результате забастовки в порту. Потом доктор Варона тяжело заболел, и оставалось лишь беспокоиться о его жизни» [23].

И Уррутиа, и авторы афрокубинского протеста в *Diario de la Marina* неслучайно так резко реагировали на упоминание «цветных» в наставлениях Вароны. В этот момент политическая ситуация на Кубе оставалась крайне напряженной. На востоке острова новая власть была особенно слаба, либо принадлежала улице, чинившей самосуд над представителями старого режима [24]. Мнение Вароны, несмотря на его преклонный возраст и тяжелую болезнь, имело большое значение для революционной молодежи; обвинение в адрес небелого населения в этой обстановке могло еще больше осложнить ситуацию и в конечном счете привести к трагическим последствиям (в памяти кубинцев тогда еще была «война рас» (*Guerra de Razas*; 1912 г.).

Говоря об афрокубинских публикациях в *Diario de la Marina*, следует отметить один любопытный нюанс. Цитируя текст из газеты *El País* за 17 августа 1933 г. (к сожалению, ознакомиться с ним не удалось), авторы «Манифеста революционных элементов цветной расы» практически без изменений цитировали «Мои советы» Вароны. Однако в изданиях, опубликованных после революции 1959 г., ничего не говорилось о небелом населении острова. Очевидно, первоначальный текст наставлений, против которого выступали Уррутиа и другие афрокубинцы, отличался от «исправленного» варианта статьи кубинского мыслителя.

К счастью для исследователей, в современных кубинских изданиях «Моих советов» содержится утверждение, что текст статьи Вароны печатается по публикации в журнале *Bohemia* (10 декабря 1933 г.). В наши дни большинство номеров журнала, изданных после падения диктатуры Мачадо, доступны в Интернете. Это бесспорно яркие образцы революционной публицистики; заслуживают внимания и талантливо выполненные черно-белые и цветные иллюстрации. Наставления Вароны были напечатаны в *Bohemia* вместе с фотографией авторской рукописи [10] (хорошо читается первая страница, остальные видны частично).

Текст в журнале *Bohemia* почти ничем не отличается от более поздних изданий и от заявления в *Diario de la Marina* за одним лишь исключением. В уже процитированном высказывании «наставника юношества» среди тех, кто мешает развитию кубинской революции, названы не деловые люди, а некие *hombres de colos* [10, p. 10]. Есть все основания полагать, что здесь имела место опечатка, и речь шла о «цветных», как и в уже упоми-

навшемся афрокубинском «Манифесте». Во всяком случае, судя по этому изданию, Варона писал не о бизнесменах.

Благодаря известности кубинского мыслителя, его наставления были напечатаны не только в *Bohemia*. Еще 10 сентября 1933 г. тот же текст был опубликован в газете *La Prensa*, которая издавалась на Канарских островах, в городе Санта-Крус-де-Тенерифе. В этом издании также нет никаких отличий от более поздних публикаций, за исключением упоминания о «цветных» (*hombres de color*, без опечаток) [25; 26, pp. 83-84 (с ошибочной датой 12 августа 1933 г.)].

Вероятно, лишь после революции 1959 г. «Мои советы» были «исправлены» при переиздании. «Исправление» было малозаметным, но политически, безусловно, значимым. Весь остальной текст передавался точно и без изменений. Едва ли можно предполагать, что при переиздании в тексте заголовка Вароны слово *color* было случайно заменено словом *negocios*, отличающимся и графически, и по смыслу.

Э.Х.ВАРОНА КАК ПРОГРЕССИСТ И «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НЕГРОВ» НА КУБЕ

Насколько можно судить по «Моим советам», Варона до конца жизни оставался прогрессивным общественным деятелем. В более поздний период глобальная борьба за прогресс была тесно связана с движением за права людей африканского происхождения — «афропотомков» (*afrodescendientes*). Однако такая связь вовсе не была очевидной при жизни выдающегося кубинского мыслителя. Напротив, в странах Латинской Америки в XIX — нач. XX в. были широко распространены представления о несовместимости черного населения с прогрессом, порядком и гигиеной. Африканское происхождение связывалось с преступностью и психическими расстройствами. Такие взгляды были распространены и среди образованных кубинцев, опасавшихся превращения острова во «второе Гаити» [27].

И консервативные, и либеральные общественные деятели испытывали негрофобию и не считали «цветных» кубинцами. Вероятно, самое известное высказывание такого рода принадлежит либералу Хосе Антонио Сако-и-Лопесу Сиснеросу (1797—1879 гг.): «Я не отрицаю, это верно, очень верно, что я являюсь сторонником медленного и постепенного (но ни в коем случае не насильственного или революционного), *сокращения*, и, по возможности, *полного вытеснения* (курсив Х.А.Сако; точнее: «уничтожения», или «вымирания», *extinción*. — *Н.Д.*) негритянской расы; и желаю этого потому, что в сложившейся на американском континенте (точнее: «на американском архипелаге», *archipiélago americano*, т.е. на Антильских островах. — *Н. Д.*) политической ситуации она может стать тем могучим инструментом, который приведет к уничтожению нашего острова» (перевод Л.А.Ивкиной) [28, p. 18; 29, с. 108].

Разделение рас сохранялось вплоть до Десятилетней войны за независимость 1868—1878 гг. Неслучайно в народной песне того времени говорилось:

«Мы — негр и кубинец — в одном строю идем,
Жестокого испанца на смертный бой зовем» [30, с. 169; 31].

Даже те общественные деятели, которые признавали «цветных» уроженцев острова кубинцами, исходили из того, что роль носителя национальной идентичности (*cubanidad*, или *cubanía*) принадлежит белому населению [32].

Не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки многие политики того времени считали, что путь к прогрессу лежит через «отбеливание» (в испаноязычных странах — *blanqueamiento*, в португальскоязычной Бразилии — *branqueamento*). Здесь следует уточнить, что речь не шла о геноциде или насильственном переселении всех черных соотечественников в Африку. Предполагалось, что после запрета работорговли механический прирост африканского населения прекратится, а место «цветных» займут белые иммигранты из стран Европы. В конечном счете в таких странах, как Аргентина и Уругвай такая политика была успешной: процент черного населения резко сократился. В Бразилии «отбеливание» не было повсеместным; в итоге увеличились лишь внешне заметные различия между жителями более благополучного «белого» Юга и экономически отсталого Северо-Запада.

На Кубу после испано-американской войны 1898 г. и особенно после Первой мировой войны шел значительный приток как белого, так и «цветного» населения (с островов Британской Вест-Индии, прежде всего с Ямайки, а также из Гаити). Черные рабочие требовались в основном для кофейных и сахарных плантаций. Рост численности «цветных» иммигрантов был особенно заметен в восточной части Кубы. В 1920—1930-х годах Коминтерн воспринимал все эти группы населения как часть пролетариата или его потенциальных союзников в борьбе за мировую революцию и защиту Советского Союза от грядущей империалистической интервенции. В рамках такого подхода коммунисты исходили из того, что «негритянское меньшинство» имеет право на национальное самоопределение вплоть до отделения.

Абсолютное большинство кубинских политиков (включая афрокубинцев) такой подход не поддержало. Сами коммунисты, видимо, также не очень ясно понимали директивы, переданные из Москвы и Нью-Йорка (из Карибского бюро Коминтерна); на практике речь шла, скорее, о равенстве всех трудящихся в борьбе против американского империализма и за Советы на Кубе. Лозунг национального самоопределения вплоть до отделения для афрокубинцев в «черной полосе Ориенте» оказался недолговечным (1933—1935 гг.) и малоприменимым в повседневной работе ПСС.

Расовая проблема оставалась актуальной для всех политических партий Кубы и после 1935 г. Коммунисты успешно боролись за права афрокубинцев, действуя через общественные организации, такие как Национальная федерация негритянских обществ (*Federación Nacional de Sociedades Negras*) [5].

После революции 1959 г. новые власти объявили об «окончательном решении негритянского вопроса» [33]. В новых условиях широко пропагандировалась концепция «мулатской Кубы». Например, коммунист, участник революции, а позднее политический эмигрант Карлос Франки писал: «Куба — не индейская. Куба — не белая. Куба — не черная и не желтая. Куба — мулатская, метисская, черно-белая, коричневая. Среди белых стран Америки — вместе с Бразилией — одна из самых черных. Среди черных стран — одна из самых белых» [34].

Однако на практике полной метисации кубинского населения и его культуры не произошло. В наши дни в афрокубинской общественной жизни существуют различные течения и тенденции, развивающиеся под влиянием афроамериканского движения в США.

ИСПРАВЛЕНИЕ «МОИХ СОВЕТОВ» КАК ПРИМЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Замена одной категории населения на другую («цветных людей» на «деловых») в переизданиях статьи Вароны — интересный случай политической цензуры. Пример «Моих советов» заслуживает особого внимания; исправление было сделано уже после того, как оригинальный текст вызвал общественную дискуссию.

Современные технологии, включая базы данных, позволяют реконструировать хронологию политически мотивированного изменения текста после смерти его автора и первых публикаций. Сложнее установить, кто мог быть инициатором исправления статьи. Можно лишь предполагать, что редактор или цензор еще помнил о дискуссии 1933 г. и стремился избежать ее повторения. Текстологический анализ наставлений Вароны позволяет лучше понять особенности кубинской политической жизни в XX в. и вплоть до наших дней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rojas Blaquier A. El Primer Partido Comunista de Cuba, t. 1–3. Santiago de Cuba, Oriente, 2005—2010.
2. Alonso Avila A., García Montes J. Historia del Partido Comunista de Cuba. Miami, Ediciones Universal, 2005, 584 p.
3. Jelifets V., Jelifets L. El encuentro de la izquierda cubana con la Revolución Rusa: el Partido Comunista y la Comintern. *Historia Crítica*, 2017, N64, pp. 81-100. Available at: <https://doi.org/10.7440/historicrit64.2017.05> (accessed 29.07.2021).
4. Cabrera O. La Tercera Internacional y su influencia en Cuba. 1919—1935. *Sociedad/Estado*, Guadalajara, enero – abril 1989, N2, pp. 52–59.
5. Massón Sena C. La cuestión racial en la política del Partido Comunista de Cuba (1925–1940). *Perfiles de la cultura cubana* [En línea]. Revista del Instituto Cubano de Investigación Cultural Juan Marinello, La Habana, agosto — diciembre 2016, N20. Available at: <http://www.perfiles.cult.cu/index.php?r=site/articulo&id=431> (accessed 01.08.2021).
6. Carr B. Identity, Class and Nation: Black Immigrant Workers, Cuban Communism, and the Sugar Insurgency, 1925–1934. *Hispanic American Historical Review*, 1998, Vol. 78, N 1, pp. 83–116. Available at: <https://doi.org/10.2307/2517379> (accessed 01.08.2021).
7. Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., Мысль, 1965, 431 с. [Progressivnye mysliteli Latinskoj Ameriki (XIX – nachalo XX v.) [Progressive thinkers in Latin America (XIX - the beginning of the XX century)], Moscow, Mysl', 1965, 431 p. (In Russ.).
8. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите мировой революции. М., Политическая энциклопедия, 2020, 759 с. [Jelifets V.L., Jelifets L.S. Latinskaya Amerika v orbite mirovoj revolyutsii [Latin America in the Orbit of the World Revolution]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2020, 759 p. (In Russ.).
9. Fernández de Castro J.A. Mi Ultima Conversación con el Maestro. *Bohemia*, 1933, XI.26, N 41, pp. 4, 60. Available at: https://ufdcimages.uflib.ufl.edu/UF/00/02/90/10/01970/26_noviembre_1933_41.pdf (accessed 20.07.2021).

10. Fernández de Castro J.A. Los últimos Consejos de Varona. *Bohemia*, 1933, XII.10, N 42, pp. 10, 59. Available at: https://ufdcimages.uflib.ufl.edu/UF/00/02/90/10/01971/10_diciembre_1933_42.pdf (accessed 20.06.2021).
11. Varona E.J. Mi Consejo. *El País*, 1933, VIII.17, N220, p.2.
12. Peraza F. Bibliografía de Enrique José Varona (complemento). *Revista Bimestre Cubana*. La Habana, mar.–jun. 1938, N41 (2), pp. 304–316.
13. Varona E.J. Mis consejos (agosto de 1933). *Documentos para la historia de Cuba*. La Habana, 2000, Vol.4, pp. 31–33.
14. Enrique José Varona, política y sociedad. Selección e introducción J.Meza y P.P. Rodríguez. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1999, 292 p.
15. Cubas Hernández P.A. Gustavo Urrutia y sus “Ideales de una Raza”: un periodismo crítico e incisivo. *Cuba Posible*, 2017, III.24. Available at <https://cubaposible.com/gustavo-urrutia-ideales-una-raza/> (accessed 25.07.2021).
16. Vega M. Existe una gran propaganda comunista en Santiago de Cuba. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.18, p.8. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
17. Urrutia G. Armonías. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.26, p.6. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
18. Gálvez Aguilera M. La Marina de Guerra en Cuba, 1909-1958. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 2007, t. 1, 333 p.
19. Un manifiesto de elementos de color condenando toda agitacion racial, caso que exista. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.27, p.1. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
20. Manifiesto de los elementos de la raza de color revolucionarios. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.28, p.8. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
21. Roa García R. El fuego de la semilla en el surco. La Habana, Editorial Letras Cubanas, 1982, 512 p.
22. Dueñas Becerra J. Doctor Martín Castellanos Martínez (1901–1989). *Revista del Hospital Psiquiátrico de La Habana*, 2005, Vol.2, N1. Available at: <http://www.revis-tahph.sld.cu/hph0105/hph01605.htm> (accessed 20.07.2021).
23. Urrutia G. Armonías. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.30, p.14. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
24. Vega M. El Gobierno y Alcaldía de Santiago de Cuba no han sido aun cubiertos. *Diario de la Marina*, 1933, VIII.28, p.8. Available at: <https://prensahistorica.mcu.es/> (accessed 30.07.2021).
25. Un comentario del doctor Enrique J. Varona sobre la situación de Cuba. *La Prensa*, 1933, IX.10, p.1. Available at: https://prensahistorica.mcu.es (accessed 21.06.2021).
26. Leal Cruz M. Cuba en la prensa canaria 1934–1962, antecedentes y revolución. Tesis Doctoral en Ciencias de la Información. San Cristóbal de La Laguna, Santa Cruz de Tenerife, Universidad de La Laguna, 2007, 801 p. Available at: <https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/9833/cs230.pdf> (accessed 20.07.2021).
27. García González A., Alvarez Pelaez R. En busca de la raza perfecta: eugenesia e higiene en Cuba (1898-1958). Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1999, 529 p.
28. Saco J.A. Memoria sobre caminos en la isla de Cuba . Nueva York , G. F. Bunce, 1830, 96 p .
29. Ивкина Л.А. История в лицах. Хосе Антонио Сако и его время. *Латиноамериканский исторический альманах*, 2016, сс. 81–113 [Ivkina L.I. Istoriya v litsah. José Antonio Saco i ego vremya [History in Persons. José Antonio Saco and his Time]. *Latinoamerikanskij istoricheskij almanakh*, 2016, pp. 81–113. Available at: <https://ahl.igh.ru/uploads/article/file/58/ивкина1.pdf> (accessed 20.07.2021). (In Russ.).
30. Лукин Б.В. Истоки народнопозитической культуры Кубы. Крестьянские импровизаторы. Л., Наука, 1988, 272 с. [Lukin B.V. Istoki narodno-poeticheskoy kul'tury Kuby. Krestyanskie improvizatory [Sources of the National Poetic Culture of Cuba. Peasant Improvisers]. Leningrad, Nauka, 1988, 272 p. (In Russ.).
31. Александренков Э.Г. Стать кубинцем: проблемы формирования этнического самосознания, XVI–XIX вв. М., Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998, 278 с. [Aleksandrenkov E.G. Stat' kubintsem: problemy formirovaniya etnicheskogo samosoznaniya (XVI–XIX vv.) [To become a Cuban: Problems of Forming an Ethnic Consciousness (XVI–XIX Centuries)]. Moscow, Institut Etnologii i Antropologii RAN, 1998, 278 p. (In Russ.).

Николай Добронравин

32. Naranjo Orovio C. Blanco sobre negro. Debates en torno a la identidad en Cuba (1898–1920). *Relatos de Nación*. Ed. Francisco Colom González. Frankfurt am Main, Madrid, Vervuert Verlagsgesellschaft, 2005, pp. 849–868.

33. Serviat P. Problema negro en Cuba y su solución definitiva. La Habana, Editora Política, 1986, xiii, 197 pp.

34. Franqui C. Diario de la revolución cubana. Paris, Éditions Ruedo ibérico, 1976. Available at: <http://www.ruedoiberico.org/libros/textos.php?id=10> (accessed 30.07.2021).

Nikolai A. Dobronravin (n.dobronravin@spbu.ru)

Dr. (Habil.) in Philology, Professor, Saint-Petersburg State University

Smolny street, 1/3, 191060 Saint-Petersburg, Russian Federation

Admonitions of Enrique Jose Varona and the problem of Cuba's «men of colour»

Abstract. The article examines the last work (actually a political testament) of Enrique José Varona (1849–1933) and its role in the debate on Cuba's "men of colour" after the fall of President Gerardo Machado's regime in August 1933. The debate touched upon the slogan of «Negro minority» self-determination proclaimed by the Communist Party of Cuba. In subsequent publications, the text of Varona's testament was changed. The article discusses the reasons and nature of such editing, related to Cuban ethno-political history and its interpretation after 1959.

Key words: PCC, Enrique José Varona, Comintern, self-determination, political censorship.

DOI: 10.31857/S0044748X0016569-4

Received 02.04.2021.

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Коминтерн после Коминтерна

Эпизоды поиска новых форм единства латиноамериканскими коммунистическими партиями

В статье проанализирована эволюция различных форм интернационального сотрудничества между латиноамериканскими компартиями и способов их взаимодействия с Москвой после роспуска Коминтерна. Поиск оптимальной модели поддержания связей зачастую осуществлялся по инициативе самих компартий и привел к формированию компартии Гватемалы и восстановлению единства компартии Венесуэлы (в последнем случае — благодаря усилиям Народно-социалистической партии Кубы). Международное коммунистическое движение и КПСС, претендовавшая на роль его лидера, инициировали проведение ряда совещаний с целью обсуждения сложных проблем отношений между партиями. Одновременно КПСС взяла на себя функцию подготовки кадров в своих учебных заведениях (ИОН и ВПШ при ЦК КПСС). Важным центром координации деятельности партий и выработки новых подходов к стратегии и тактике стал также международный журнал «Проблемы мира и социализма», деятельности которого в статье уделено немалое место.

Ключевые слова: Коминтерн, международное коммунистическое движение, Коминформ, «Проблемы мира и социализма».

DOI: 10.31857/S0044748X0016570-6

Статья поступила в редакцию 08.02.2021.

Если у деятельности латиноамериканских компартий в коминтерновский период имеется обширная современная историография [1]; [2]; [3], то послевоенный этап их истории в научной литературе освещен крайне фрагментарно. В опубликованных мемуарах видных деятелей партий [4]; [5]; [6]; [7]; [8] и литературе о роли коммунистов в политической жизни

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, Санкт-Петербург, Большая Морская, 67, <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>, jeifets@gmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (<https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>, ilaranspb@hotmail.com).

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

своих стран [9]; [10] за скобками остается (включая фундаментальный восьмитомный труд «Международное рабочее движение» [11]) международная деятельность компартий. Данный вопрос должен стать предметом серьезного исследования. Авторы статьи сделали попытку осветить некоторые аспекты этой деятельности, нисколько не претендуя на полноту исследования и понимая, что находятся только в начале длинного пути.

Для достижения поставленных целей вниманию читателей представлен текст, разделенный на шесть параграфов. В первом очерчены основные подходы Москвы к координации коммунистического движения после роспуска Коминтерна. В двух последующих разделах исследованы предпринятые латиноамериканскими коммунистами усилия по активизации межпартийных связей. Четвертый параграф содержит анализ Международных совещаний коммунистических и рабочих партий (главным образом 1957 г.) как новой формы координации деятельности левых сил. Центром внимания в последних двух разделах стали деятельность журнала «Проблемы мира и социализма», а также учебных заведений ЦК КПСС, где обучались латиноамериканские партийные кадры.

Мы пользуемся как источниками в виде коммунистической прессы, так и рядом документов Международного отдела ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории, с целью выявления фактов, релевантных в рамках нашего исследования. Сопоставляя их с ранее опубликованной литературой мемуарного плана и неопубликованными воспоминаниями участников событий, мы планируем восстановить картину формирования отношений между Москвой и латиноамериканскими коммунистами этого времени, равно как и между отдельными компартиями. Такой подход позволяет лучше осознать суть эволюции левого движения в ряде латиноамериканских государств.

НЕДОРАСПУСТИТЬ РАСПУСКАЯ

VII конгресс Коминтерна, совершив исторический поворот к стратегии Народного фронта, достиг вершины своей деятельности как двигатель мировой революции. Однако за высшей точкой неизбежно следует спуск. Сокращение международной активности III Интернационала было связано с внутренними процессами, происходившими в СССР и ВКП(б), повлиявшими на жизнедеятельность штаб-квартиры и национальных секций Коминтерна. Аппарат его Исполкома (ИККИ) в результате процесса «русификации» и чисток оказался лишен квалифицированных кадров, знавших ситуацию на местах, имевших опыт обсуждения сложных проблем стратегии и тактики на всемирных конгрессах и пленумах ИККИ. Ушла в небытие система подготовки кадров для партий (Международная Ленинская школа, Коммунистические университеты). Исчезли региональные органы Коминтерна (Южноамериканское и Карибское бюро) и сократилось число представительств национальных секций при ИККИ. Видоизменились и сократились функции Отдела международной связи, все больше переплетавшиеся с решением задач советской разведки.

Вторая мировая война усугубила описанные выше процессы. Большинство европейских компартий вынуждено было перейти в подполье и искать

иные формы борьбы. ИККИ же в этих условиях пробовал новые формы руководства партиями. В Латинской Америке ни у них, ни у Коминтерна не было ни сил, ни средств для значительной активности. Координаторами связи в этот период стали руководители американской секции Эрл Браудер и Александр Трахтенберг, и раньше выполнявшие эту функцию [12, pp. 292, 309]. Последним предвоенным опытом такой работы оказалось совещание компартий Западного полушария, состоявшееся в Нью-Йорке 6 мая 1939 г., в котором приняли участие руководители компартий США, Канады, Мексики, Кубы, Чили и Венесуэлы. На совещании рассматривалась стратегия объединения «всех миролюбивых и антифашистских сил» [13, с. 379]. Каналом связи Москвы с компартиями региона КП США оставалась и после формального выхода из Коминтерна в 1940 г. Через Нью-Йорк ИККИ направил 17 июля 1941 г. общую директиву для коммунистов США, Канады и латиноамериканских стран в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Браудеру (для передачи в компартии Латинской Америки) был послан 12 мая 1943 г. и проект постановления о роспуске Коминтерна [12, pp. 804-805].

Член Коммунистической партии Аргентины (*Partido Comunista de Argentina, PCA*) Викторио Кодовилья, направленный в 1939 г. советником Коминтерна («чтобы бороться против фашистского проникновения в Латинскую Америку»), за два года побывал в США, на Кубе, в Мексике, Чили, Аргентине, и, работая практически в автономном режиме, развернул масштабную деятельность по «чистке» партий, от активистов, объявленных «сектантами и оппортунистами» [14, сс. 252-253].

В Москве понимали недостаточность связей с Латинской Америкой. Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров не раз в частных беседах критически высказывался о том, что компартии Южной Америки из-за войны и географической оторванности «варятся в собственном соку», не всегда верно ориентируются в изменчивой международной ситуации, допускают ошибки в ее анализе, в вопросах политической тактики и стратегии [15, с. 75].

Попытки восстановить утраченные во время войны связи потерпели крах. Не удалась и едва не привела к провалу советской разведывательно-диверсионной группы «Артура» (Иосифа Ромуальдовича Григулевича) миссия «последнего агента Коминтерна» в Южной Америке Виктора Дефрутоса, которого Димитров лично инструктировал 13 апреля 1943 г. по вопросам «установления связи между нами и нашими партиями в Уругвае, Аргентине, Бразилии, Мексике» [12, p. 791]. Провал миссии произошел и из-за того, что к моменту прибытия Дефрутоса (человека, доселе неизвестного в мировом коммунистическом движении) в Южную Америку за спиной посланца Москвы уже не было международной компартии, и его полномочия координатора деятельности бывших секций III Интернационала свелись к нулю. Запланированная поездка бразильца Отавиу Брандау и его дочери Сатвы на родину (Димитров лично инструктировал их 27 января 1943 г.) [16, с. 18] так и не состоялась.

Распад интернациональных связей стал одной из причин принятия руководством Коминтерна и его секциями решения о роспуске. Еще утром 8 мая в ИККИ решаются повседневные дела, а уже ночью у Вячеслава Михайловича Молотова Г. Димитров и Дмитрий Захарович Мануильский об-

суждают будущее мировой партии и приходят к выводу, что Коминтерн как руководящий центр при сложившихся условиях является помехой для самостоятельного развития компартий и выполнения «их особых задач», и тут же решают выработать документ о роспуске этого центра [12, р. 803]. Это неожиданное для руководителей Интернационала решение было принято без дискуссий. Молотов выступал в роли ретранслятора указаний И.В.Сталина, а его директивы выполнялись беспрекословно.

Главную мысль постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 мая сформулировал лично секретарь ЦК ВКП(б): «...Мы переоценили свои силы, когда создавали К.И. и думали, что сможем руководить движением во всех странах», «дальнейшее существование К.И. — это будет дискредитация идеи Интернационала, чего мы не хотим. ...Предпринимаемый шаг, несомненно, усилит компартии, как нац[иональные] рабочие партии, и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз» [12, pp. 809-810]. При этом мог ли И.В.Сталин не понимать, что условия функционирования Коминтерна с его жесткой международной дисциплиной отучали партии от самостоятельности?

Латиноамериканские компартии еще на излете деятельности Коминтерна пытались самостоятельно найти новые пути контактов и формы сотрудничества. Для организации кампании в поддержку объявления войны державам «оси» и кампании солидарности с лидером бразильских коммунистов Луисом Карлосом Престесом в 1942 г. поездку по Южной и Центральной Америке совершил руководитель Революционно-Коммунистического союза Кубы (*Unión Revolucionaria Comunista, URC*) Блас Рока (Франсиско Вильфредо Кальдеро). В июле 1942 г. при посредничестве министра иностранных дел Бразилии Освалду Араньи он посетил в тюрьме «рыцаря надежды». Эта поездка, несомненно, стала возможной из-за статуса депутата Палаты представителей и позиции кубинского правительства, в 1941 г. объявившего войну державам «оси».

С ликвидацией III Интернационала партии должны были действовать самостоятельно. При этом, как показал Грант Михайлович Адиебеков, непосредственные «ликвидаторы» Коминтерна (Сталин, Димитров и др.) ставили сложную и хитроумную задачу — «Распуская — недораспустить», исходя из неготовности Москвы лишиться в разгар войны серьезной пропагандистской базы и оставить без работы подготовленные кадры коминтерновцев [17, р. 226]. Варианты «недороспуска» Сталин рассматривал с самого начала. Так, 11 мая 1943 г. он предлагал возможность замены единого международного руководящего центра региональными объединениями: «напр[имер], Южной Америки, Соед[иненных] штатов и Канады, некоторые европ[ейские] страны и пр[очее], но и с этим делом нельзя торопиться...» [12, р. 804].

После окончания Второй мировой войны в ВКП(б) и во многих компартиях, укрепивших позиции в политической жизни своих стран, стала ощущаться потребность в восстановлении разрушенных интернациональных связей. Определяя необходимость основания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа), секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов на Информационном совещании представителей компартий (1947 г.) заявил: «Некоторые товарищи поняли дело таким образом, что роспуск Коминтерна означает ликвидацию всякой связи,

всякого контакта между братскими коммунистическими партиями. Между тем опыт показал, что такого рода разобщенность между коммунистическими партиями неправильна, вредна и, по сути дела, неестественна... Социалисты, которые из кожи вон лезли, чтобы доказать, что Коминтерн якобы диктовал для коммунистов всех стран директивы Москвы, восстановили свой Интернационал, а коммунисты воздерживаются даже от того, чтобы встречаться между собой и тем более консультироваться по взаимно интересующим вопросам из опасения клеветы врагов насчет «руки Москвы»... Эта потребность в консультации и добровольной координации действий отдельных партий в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщенность может приводить к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьезным ошибкам» [18, с. 3].

Коминформ появился в качестве организации европейских коммунистов. В докладе Жданова Латинская Америка упоминалась только дважды: как констатация перехода роли Англии в доминионах Британской империи и в Южной Америке к США и поддержки империалистического лагеря странами Ближнего Востока, Южной Америки, Китая, которые политически и экономически зависят от США [18, с. 2].

Мостиком между европейским и латиноамериканским коммунистическим движением стала газета «За прочный мир, за народную демократию», издававшаяся и на испанском языке. В ней публиковались статьи руководителей компартий Гало Гонсалеса (Чили), Помпейо Маркеса (Йорме Сантоса) (Венесуэла), Викторио Кодовильи (Аргентина), Альфредо Алькорты (Парагвай), Дионисио Энсины (Мексика), Бернардо Альварадо Монсона (Гватемала), Бласа Роки и Ласаро Пеньи (Куба), материалы партийных съездов и пленумов ЦК, информация о репрессиях против левых активистов. Среди материалов газеты были и статьи лауреатов Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Жоржи Амаду и Пабло Неруды [19]; [20]; [21].

Исходя из принципа пролетарского интернационализма, компартии должны были выработать в изменившихся условиях существования новые принципы взаимоотношений. В идеале в основе должно было лежать единство, основанное на единых подходах к теории, выработке стратегии и тактики на базе дискуссии и без единого руководящего центра. Латиноамериканские коммунисты пытались решать сложные вопросы развития рабочего движения своими силами и по своему разумению, руководствуясь основополагающим принципом пролетарского интернационализма.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПАРТИИ ГВАТЕМАЛЫ

Октябрьская революция 1944 г. открыла новые перспективы для развития рабочего движения, но оно оказалось без руководства: секция Коминтерна в Гватемале была разгромлена диктатором Хорхе Убико в 1932 г. Учитывая новые возможности, сальвадорские эмигранты-коммунисты (Вирхилио Герра, Даниэль Кастаньеда, Моисес Кастро и Моралес) и эмигрантка из Гондураса, одна из основателей Коммунистической партии Гондураса (*Partido Comunista de Honduras, PCH*) Грасиела Гарсия [22] в 1945 г. создали школу *Claridade* — учебный центр политического и проф-

союзного просвещения для обучения «наиболее передовых революционеров Гватемалы». Это в значительной мере была их собственная инициатива, а не реализация целенаправленного плана компартии Сальвадора (*Partido Comunista de El Salvador, PCS*). Но вскоре к ним присоединился прибывший для участия в Конгрессе трудящихся Гватемалы Мигель Мармоль, получивший указание ЦК *PCS* остаться там и «сразу же окупившийся в организационную деятельность рабочего класса». Партийное поручение не было подкреплено ни материально, ни организационно: сальвадорская партия была слишком слаба, чтобы содержать аппарат функционеров, активисты буквально голодали [5, p. 375]. В воспоминаниях Мармоля говорится о разных позициях организаторов школы, хотя суть существовавших между ними разногласий неясна. Преподаватели строили обучение на примерах борьбы в Сальвадоре, исходя из того, что условия развития рабочего движения обеих стран были весьма схожи, а также опыта компартии Центральной Америки, действовавшей некоторое время в 1920-е годы.

Школа функционировала в очень сложной ситуации. Новая власть на первом этапе революции значительно демократизировала политическую жизнь страны, но крайне настороженно относилась «к идеям марксизма и коммунизма, к рабочему движению и не желала идти с ним на сближение». Антисоциалистическая кампания постоянно усиливалась, и в ее центре, по оценке Мармоля, находились сальвадорские коммунисты, систематически подвергавшиеся арестам и депортациям [5, pp. 377-378]. Другим препятствием для развития рабочего движения, по его мнению, стали «наивность и простодушие народа, отсутствие политического опыта». И тем не менее Мармоль позитивно оценивал перспективы: Гватемала «шла в авангарде Центральной Америки, хотя и напоминала кривого предводителя толпы калек» [5, p. 376].

Теоретическую подготовку активистов рабочего движения в школе сочетали с практической профсоюзной деятельностью, не забывая о сверхзадаче, поставленной при ее основании, — воссоздании Коммунистической партии Гватемалы (*Partido Comunista de Guatemala, PCG*), которая могла бы возглавить трудящихся в условиях, «когда страна переживала столь интересный момент, открывавший большие перспективы». Две попытки гватемальских и сальвадорских товарищей не достигли цели. Это дало повод Моисесу Кастро и гондурасцу Рамону Амайя Амадору утверждать, будто создать *PCG* невозможно из-за низкого политического уровня трудящихся страны. Они предлагали подождать еще несколько лет, сосредоточившись на профсоюзной деятельности. Другие считали необходимым форсировать ее основание, опираясь на «небольшое ядро сальвадорских коммунистов, умудренных опытом и готовых к самопожертвованию», а также нескольких «оставшихся в живых гватемальских товарищей», входивших в *PCG* в 1920-е годы [5, pp. 375-378].

25 января 1946 г. под давлением командующего вооруженными силами полковника Карлоса Мануэля Араны правительство закрыло школу, ссылаясь на то, что ее существование противоречит конституции [23, с. 30]. Однако это не остановило процесса формирования *PCG*. Инициаторы ее создания сменили тактику и пошли по пути установления контактов с политическими партиями «гватемальской революции», то есть с партиями

радикально настроенной мелкой буржуазии, со студенческим движением и т.д. Этот расчет оказался верным, поскольку ряд активистов «партий революции» получили свою первую политическую подготовку именно в школе *Claridade*. Группа, назвавшая себя оргкомитетом *PCG*, сформировалась во Всеобщей конфедерации трудящихся Гватемалы. Социалистическая ассоциация была создана студентами юридического факультета, сотрудничавшими с профсоюзами. Еще одна группа действовала в Народном освободительном фронте. Совместная работа в профсоюзах, необходимость выработки общей позиции по отношению к политическим событиям позволили преодолеть недоверие и боязнь. Выработать взаимные связи между группами помогли коммунисты из других стран, в первую очередь генеральный секретарь *PCS* Хулио Фаусто Фернандес [23, с. 31] и эквадорская коммунистка Нела Мартинес, приехавшая в Гватемалу на Международный конгресс латиноамериканских женщин (1946 г.) и по просьбе коллег задержавшаяся в стране [24]*.

Эти усилия в конечном итоге привели к созданию в 1947 г. Демократического гватемальского авангарда (*Vanguardia Democrática Guatemalteca, VDG*), ставшего выражением «политического и организационного единства лучших представителей марксистских групп, объединившихся под единым руководством» и подготовившего Первый съезд *PCG* (1949 г.), после которого партия продолжала действовать нелегально в составе Партии революционного действия (*Partido de Acción Revolucionaria, PAR*) под руководством Центрального Комитета, в состав которого вошли гватемальцы, три сальвадорца и гондурасец [23, с. 36].

Во второй этап революции — президентство Хакобо Арбенса (1951—1954 гг.) — *PCG* вступила уже будучи легальной. Рамки подпольной группы в легальной *PAR* стали узкими для проведения самостоятельной линии в условиях динамично развившегося революционного процесса, и 20 мая 1950 г. *PCG* объявила о своем существовании и выходе из *PAR*. Она имела четырех депутатов в парламенте, ее члены работали в различных органах власти и активно участвовали в прогрессивных преобразованиях, осуществлявшихся Арбенсом [25, pp.24-25]. Так как Конституция 1945 г. запрещала существование «международных организаций», *PCG* «не изменяя своей марксистско-ленинской сущности», на Втором съезде (1952 г.) приняла новое название — Гватемальская партия труда (*Partido Guatemalteco del Trabajo, PGT*) [23, с. 53].

Действия в условиях легальности требовали новых подходов, и руководство *PGT* обратилось за поддержкой к Народно-социалистической партии Кубы (*Partido Socialista Popular, PSP*), направившей в Гватемалу для оказания помощи в 1951 г. Северо Агирре, отвечавшего в Национальном Комитете за политическое просвещение и имевшего опыт работы в Коммунистическом Интернационале молодежи и опыт создания коммунистических организаций. В центральноамериканской стране кубинский советник участвовал в партийном строительстве *PGT* вплоть до падения правительства Арбенса в 1954 г. [26, р. 71].

* После поездки по центральноамериканским странам предполагалось возвращение Мартинес в Гватемалу, но угроза безопасности вынудила ее вернуться в Эквадор (1948 г.).

Переворот 1954 г. застал в Гватемале другого кубинца — ответственного за Латинскую Америку Всемирной Федерации демократической молодежи (*Federación Mundial de la Juventud Democrática, FMJD*), одного из руководителей Социалистической молодежи Хорхе Рискета Вальдеса, находившегося здесь для организации регионального мероприятия солидарности. Несколько месяцев он участвовал в подпольном молодежном сопротивлении хунте. В Гватемале он познакомился с аргентинцем Эрнесто Геварой, став через 11 лет его соратником по африканской эпопее. Нелегально покинув Гватемалу в сентябре 1954 г., Рискет, после рабочих поездок в более чем 20 стран Европы и Америки, тайно вернулся на Кубу в конце декабря 1955 г. и включился в подпольную работу Социалистической молодежи и *PSP*, а затем по поручению партии присоединился к Повстанческой армии (*Ejército Rebelde*) [27].

Гватемальские товарищи, испытывавшие чувство солидарности с кубинскими коммунистами, подняли настоящую бурю протеста против батистовского переворота 1952 г. и репрессий нового режима против лидеров *PSP*, развернув пропагандистское наступление на диктатуру [25, p. 293]. Газета *PGT La Tribuna Popular* (до ее запрета диктатурой Кастильо Армас) систематически публиковала материалы о ситуации на Кубе, борьбе антибатистовских сил за демократические свободы.

РОЛЬ PSP КУБЫ В ПРОЦЕССЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КОММУНИСТОВ ВЕНЕСУЭЛЫ

Другая форма интернациональной солидарности проявилась в Венесуэле, где после смерти диктатора Хуана Висенте Гомеса (1908—1935 гг.) в политической жизни сложилась новая реальность. По оценке Эмми Кроэс, политическое движение того времени было «проникнуто марксистскими идеями, но интерпретированными на самый различный лад большинством тех, кто на словах называл себя марксистом» [28, сс. 37-38]. Истосковавшиеся по демократическим свободам венесуэльцы активно включились в процесс бурного партийного строительства. Однако свободы, дарованные режимом Элеасара Лопеса Контрераса (1935—1941 гг.), были строго дозированы и не распространялись на компартию, остававшуюся под запретом. Многие активисты, считавшие себя коммунистами, в поисках легальных возможностей политической деятельности вступили в ряды Венесуэльской Организации (*Organización Venezolana, ORVE*), Прогрессивной республиканской партии (*Partido Republicano Progresista, PRP*) или Демократического национального блока (*Bloque Democrático Nacional, BND*). Но в их руководстве не оказалось известных политиков, таких, как братья Густаво и Эдуардо Мачадо, Сальвадор де ла Пласа, «убежденных и уличенных коммунистов», членов Коммунистической партии Венесуэлы (*Partido Comunista de Venezuela, PCV*), широко известных в стране и за рубежом [29, с. 44]. «Двойное членство» в легальных и нелегальных партиях вызвало к жизни практику действия коммунистических фракций. Эта двойственность отражалась на идеологии партий и их отдельных членов, вызывала серьезные разногласия, в первую очередь по поводу отношения к действиям власти и о формах осуществления коммунистической деятельности в стране.

Особо ожесточенный характер дискуссия о формах и методах борьбы коммунистов приобрела в годы Второй мировой войны. Венесуэльская ситуация, как в зеркале отражала дискуссию, развернувшуюся в этот период в международном коммунистическом движении вокруг теории «браудеризма», сформулированной лидером компартии США (*The Communist Party of the United States of America, CP USA*) Э.Браудером, считавшим, что преследуемые коммунистами цели долгое время будут по основным вопросам будут такими же, как и цели более широкой массы некоммунистов. Наиболее радикальный вывод Браудера сводился к отказу от существования отдельной компартии и необходимости иных организационных форм с принятием нового названия, которое больше бы соответствовало текущим задачам. По оценке генсека *PCV* Хесуса Фариа, Рикардо Мартинес и Эдуардо Мачадо, венесуэльские браудеристы, выдвинувшие лозунг «С Мединой* против реакции», «соревновались между собой в том, кто наберет больше «положительных очков» у представителей олигархии, засевших в президентском дворце «Мирафлорес»... оспаривали между собой доверие Браудера и закончили тем, что стали союзниками в борьбе против *PCV*» [7, с. 121].

Внутрипартийная полемика велась в то время вокруг решений I Национальной конференции: появилось много активистов, предпочитавших легальную и некоммунистическую партию. На заседании руководства *PCV* (1944 г.) Р.Мартинес заявил, что партия должна понять «трудное положение генерала Медины и «помочь» (!) ему посредством роспуска коммунистической партии [7, с. 123]. Парадоксом в его позиции было то, что в Коминтерне Мартинес был яростным и бескомпромиссным борцом против всяческих оппортунистических течений, ревнителем «генеральной линии» международного коммунистического движения.

Эта разногласия сохранилась и после легализации *PCV* в 1945 г. Коммунистическое движение вышло из подполья расколотым: сложились три организации — собственно *PCV*, *Partido Comunista de Venezuela Unificado (PCVU)*, созданная временно вышедшими из Венесуэльского народного союза (*Unión Popular Venezolana, UPV*) активистами и выступавшая за легальную форму работы партии, не называя ее коммунистической, и Группа «НЕТ!» (*NO!*), выступавшая с позиции «Ни с теми, ни с другими»).

Ничего удивительного в возникновении в коммунистическом движении стран Латинской Америки движения последователей Браудера не было. Привыкнув за годы пребывания в III Интернационале к роли компартии США как ретранслятора «генеральной линии», многие партийные лидеры восприняли «браудеризм» как руководство к действию, увидев в демократизации политической жизни в своих странах путь радикальных перемен, позволяющих решить ряд задач на пути к социализму без классовой борьбы.

* Исаяс Медина Ангарита — венесуэльский военный и политический деятель, президент страны (1941—1945 гг.). Проводил умеренно-демократические реформы: легализовал оппозиционные партии, в том числе к концу правления — коммунистическую, предоставил женщинам избирательное право, сделал прозрачной систему муниципальных выборов. При формальном нейтралитете Венесуэлы в годы Второй мировой войны проявил себя как активный противник нацизма. — *Прим. ред.*

Для ликвидации раскола Группа *NO!* и *PCVU* попросили авторитетную в революционном движении Латинской Америки *PSP* выступить в роли арбитра. По оценке американского историка Рональда М.Шнейдера, кубинские коммунисты сыграли весомую роль на начальном этапе развития гватемальского рабочего движения, став одним из наиболее значимых «рычагов» продвижения международного коммунизма в Западной Америке [25, р. 193]. Кубинская компартия пережила некоторое влияние браудеристской концепции, выдвинув лозунг превращения партии в «массовую партию сотен тысяч членов» [30, с. 36]. Ее опыт был реализацией идеи создания эффективной легальной коммунистической организации под другим названием и с лидерами, ранее не замеченными в публичной деятельности компартии, формально не связанными с ней. Такой подход позволил сформировать Революционный союз, своей работой подготовивший легализацию компартии и объединение с вышедшей из подполья *PCC* в *URC* и занявшей важную нишу в политической жизни страны перед выборами в Учредительное собрание. Замена в 1944 г. названия *URC* на *PSP* была определенной данью браудеризму, стремлением найти более широкую социальную базу. Но кубинские коммунисты, реализовавшие идеи Хулио Антонио Мельи, опирались при этом на массовые организации — рабочие, студенческие, антиимпериалистические, женские и т.д. Задача объединения легальных и нелегальных организаций коммунистов, осложненная фрагментацией левого фланга политической жизни страны, стояла и в Венесуэле. А опыт, успехи кубинских коммунистов в борьбе за влияние на массах объяснял обращение за помощью в Гавану.

Руководство *PSP* направило в Каракас в качестве «координатора процесса единства» Ладислао Гонсалеса Карвахалья, уже выполнявшего в 1930-е годы ряд поручений своей партии в Мексике и Пуэрто-Рико [14, с. 168]. Как вспоминал Х.Фария, «он обладал как терпением, так и твердостью в общении с нами... Были свежи в памяти взаимные политические нападки, беспринципные нападки личного характера». Один из лидеров *PCV* считал, что «стоило еще немного подождать и, прежде всего, прекратить словесные перепалки... Тем не менее Карвахаль посвятил беседам со мной много времени. Иногда и он взрывался и говорил мне резкие, но справедливые слова» [7, с. 146]. Кубинский советник занял твердую позицию, пригрозив руководству *PCV* «отозвать признание, данное партии международным коммунистическим движением, если оно откажется согласиться на единство с *PCVE*». Сославшись на авторитет нового лидера *CP USA* Уильяма З.Фостера и других руководителей компартий Карибского региона, от имени которых, по его словам, он также действовал, Гонсалес Карвахаль настоял на принятии его позиции [6, р. 316].

Получив известие о том, что Карвахаль преуспел в поставленной задаче, в Каракас приехал генеральный секретарь *PSP* Блас Рока, разработавший «Платформу», ставшую основой компромисса, одобренного «съездом единства» венесуэльских коммунистов. В своих мемуарах Хуан Баутиста Фуэнмайор, тогдашний генеральный секретарь *PCV*, оценил документ как содержащий «тяжелые браудеристские ошибки и ошибочные оценки по поводу *PCVU* и Группы *NO!*, которым делались недопустимые уступки». При этом документ объявлял историю *PCV* лишь историей борьбы фрак-

цией, уравнивая, «тех, за спиной у кого была долгая история героической борьбы, тюрем и эмиграции с совершившими «сектантские, левооппортунистические ошибки ... которые подпитывались и оправдывались браудеристской политикой, принятой и проводившейся *PCV* с 1943 г.» [6, pp. 316-317]. Эта оценка, по мнению Фуэнмайора, «являлась безответственной и противоречившей правде, поскольку основополагающей позицией членов *PCVU* и *UPV* являлась ликвидаторская тенденция в отношении партии, представлявшая собой тяжелый правый уклон, тем более тяжелый, учитывая, что он появился с самого момента основания *PCV* в 1931 г. и не имел ничего общего с браудеризмом». В «Платформе» *PCV* обвинялась в правом уклоне, а *PCVU* — в левом.

Тем не менее «Платформа» содержала ряд четких утверждений, как то указание на слабость и незрелость венесуэльского рабочего класса в качестве причины дефектов и ошибок его партии, заявление о доминировании лиц мелкобуржуазного происхождения (интеллектуалов и служащих) в руководстве партии, осуждение плохого усвоения марксизма-ленинизма руководящими кадрами и в целом всеми активистами [6, pp. 318-320]. Документ послужил основой для резолюций «съезда единства», несмотря на обструкцию со стороны делегатов *PCVU*, покидавших съезд и подвергших резкой критике Б.Рока и лидеров *PCV*. В конечном итоге съезд принял решение об объединении двух компартий, создании Политбюро на паритетных началах (по четыре представителя от *PCV* и *PCVU*), ликвидации поста генерального секретаря и создании коллективного органа — Секретариата ЦК (Х.Б.Фуэнмайор, Х.Фария и Г.Мачадо). Это решение было подготовлено усилиями кубинских координаторов Роки и Карвахалья и подкреплено авторитетом присоединившихся к ним на самом съезде братских делегатов компартий Мексики (генерального секретаря ЦК Д.Энсины), Колумбии (генерального секретаря ЦК Аугусто Дурана), США, Испании, Социалистической партии Санто-Доминго.

Достижение единства при участии посредника, за спиной которого не стоял авторитет Коминтерна и его аппаратный механизм, являлось успехом. Бесспорную роль сыграли авторитет *PSP* и его посланцев, их аргументация и умение убеждать. Но нельзя не отметить, что единство, достижение которого далось так тяжело, оказалось очень хрупким, и уже в ближайшем будущем противоречия между лидерами партии вновь обострились, и с иными мотивами. Былые соратники по фракциям зачастую оказывались по разные стороны баррикады. Однако *PCV* сумела сохранить свое лицо и до сих пор участвует в политической жизни страны, не без оснований гордясь тем, что является старейшей политической партией страны, имеющей полное право на собственную политику.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОВЕЩАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Единственная послевоенная попытка создать организационную форму единения коммунистов — Коминформ — оказалась неэффективной. Через девять лет после его создания компартии-основатели признали его функции исчерпанными и прекратили деятельность Бюро и издание его газеты «За прочный мир,

за народную демократию!» [31]. Образовавшийся вакуум надо было заполнить. Новую форму интернационального сотрудничества коммунисты нашли в Международных совещаниях коммунистических и рабочих партий. Впервые с VII конгресса Коминтерна представители компартий (в том числе 18 латиноамериканских) смогли собраться вместе на всемирную встречу в 1957 г. в Москве, куда съехались для участия в мероприятиях, посвященных празднованию 40-летия Октябрьской революции.

О необходимости новых форм интернациональных связей говорили латиноамериканские делегаты, среди которых были и ветераны III Интернационала (Викторио Кодовилья, Орестес Гиольди, Флориндо Моретти, Мануэль Лусардо, Дионисио Энсина), и представители нового поколения партийных лидеров (Хосе Мануэль Фортунни, Родней Арисменди и др.). Р.Арисменди признавал, что после того, как перестал существовать единый международный центр, компартии не нашли «практических и эффективных форм для обмена опытом и для координации общих для всех задач». Первый секретарь *PCU* предлагал искать формы, сочетающие «независимость каждой партии с тесным единством рядов международного коммунистического движения» [32, с. 502].

На изолированность партий указывал член ЦК *PGT* Х.М.Фортунни*, призвавший установить связи с «братскими партиями всего мира, укрепить наши отношения и контакты и принять участие в работе возможно большего числа конференций коммунистических партий, которые будут организованы в будущем как в масштабах нашего географического района, так и в международном масштабе» [32, с. 516].

Одной из причин этой изолированности Фортунни назвал дефицит информации, отметив, что существующие издания на испанском языке не заменяют газету «За прочный мир, за народную демократию!», которая «была одним из самых лучших источников информации», и внес предложение о «целесообразности изучения возможности создания информационного агентства в Латинской Америке», которое «держало бы нас в курсе дела относительно вопросов развития и деятельности латиноамериканских коммунистических партий» и могло бы быть общим информационным центром партий. При этом, подчеркнул Фортунни, «частные вопросы наших связей могли бы осуществляться по другим каналам» [32, с. 517].

В выступлении кубинского делегата Мануэля Лусардо международному коммунистическому движению впервые был «представлен» Фидель Кастро. По оценке *PSP*, борьба партизан в Ориенте была центром демократического сопротивления правительству, хотя и являлась «весьма ограниченной» и не обладавшей перспективами распространиться на другие районы страны и тем более «превратиться в решающий фактор кубинской действительности». Движение 26 июля (*Movimiento 26 de Julio, M-26*) и его лидер были охарактеризованы как представители мелкой буржуазии, «которые в ряде случаев имели, правда, весьма робкие, антиимпериалистические тен-

* Фортунни обратил внимание на то, что делегаты пяти центральноамериканских компартий смогли впервые встретиться только в Москве, чтобы обменяться опытом и информировать друг друга о своих деятельности и возможностях.

денции»... По словам Лусардо, «это весьма разнородное движение не признает ни борьбы масс, ни широкого и открытого единства. Участники этого движения стоят за террористические индивидуальные действия». Признавая, что *M-26* «пользуется большим престижем и влиянием в стране», *PSP* своей важной задачей считала попытки направить его «на правильную позицию массовой борьбы и единства» [32, с. 514]. Но уже вскоре позиция *PSP* на сближение с Ф.Кастро стала одной из основ формирования на Кубе единства революционных сил. Через пять лет Лусардо войдет в состав Революционного правительства Кубы и Национального руководства объединенных революционных организаций (*Organizaciones Revolucionarias Integradas, ORI*), а еще через год в этом же Георгиевском зале Кремлевского дворца Кастро будут вручать медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина.

VIII Национальная Ассамблея *PSP* (август 1960 г.) — последний съезд «первой марксистско-ленинской партии Кубы» перед ее объединением с *M-26* и Революционным директоратом — 13 марта собрала невиданное доселе на континенте число «братских делегатов» (от 17 компартий латиноамериканских стран, США и Канады, правящих партий Китая, Кореи, Болгарии, Чехословакии, ГДР, лидеры компартий Испании и Франции). Ассамблея получила приветствия еще 28 компартий Европы, Азии и Африки, в том числе от КПСС. С высокой степенью достоверности можно предположить, что в кулуарах происходил оживленный обмен мнениями с ветеранами и известными теоретиками коммунистического движения — Жаком Дюкло, Сантьяго Каррильо, Джеймсом Джексоном, Роднеем Арисменди, Альсирой де ла Пенья и др. Ассамблея предоставила возможность донести до партий и народов, проявивших солидарность с коммунистами Кубы, идеи революции, единства всех революционных сил и благодарность *PSP*, всего народа и его Революционного правительства за поддержку [33, с. 178].

Международные совещания превратились в одну из важнейших форм взаимодействия компартий, возможность согласовывать свои позиции по вопросам стратегии и тактики. Для латиноамериканских коммунистов участие в них стало важнейшей платформой сотрудничества при сохранении других форм связи — двусторонних контактов, присутствия на съездах братских партий.

В 1960-е годы коммунисты континента оказались в очень сложном положении. Драматический выбор между позициями КПСС и КП Китая привел в ряде стран к появлению «параллельных» промаоистских компартий [34, с. 60-80]. Так, в Перу общественное мнение стало говорить о «русской» и «китайской» партиях» [35, л. 65]. Триумф Ф.Кастро вызвал настоящую волну солидарности и стал мощным импульсом радикализации революционного движения на континенте, привел к вспышке ультралевых настроений, исходивших из стремления «сделать как Фидель», получивших полную поддержку позиции кубинского руководства, которую посетивший в 1964 г. Латинскую Америку депутат итальянского парламента Р.Сандри, отвечавший в ЦК ИтКП за связи с компартиями континента, назвал стремлением к «отцовству над революционными движениями и партизанским движением в Латинской Америке» [35, л. 65]. В ЦК *PCC*, наряду с Департаментом международных связей, был создан Департамент Америк, поддерживавший контакты с радикальными революционными

движениями континента, повстанческими группировками во главе с команданте Мануэлем Пинеиро.

Это вызвало затяжной кризис в отношениях большинства латиноамериканских компартий с кубинским руководством: они совершенно искренне проявляли солидарность с первой на континенте социалистической страной и в то же время всеми силами сопротивлялись навязыванию им стратегии герильи как единственной. Лидеры компартий осуждали поддержку Кубой «всех авантюристов и «идеалистов» континента», пытавшихся «зажечь очаги партизанской войны (Боливия, Эквадор, Колумбия, Перу, Аргентина)... В результате «авантюры превратились или превращаются в катастрофу для их авторов. Они дали предлог различным правительствам для принятия репрессивных мер в отношении рабочего движения, а империализму — важные удобные случаи для изоляции Кубы и обвинений ее в агрессии» [35, лл. 71-72].

Выход из конфликта ряд латиноамериканских компартий видел в новом Всемирном совещании с проведением региональных совещаний и двусторонних встреч, а также посредничестве КПСС. Но встреча Никиты Сергеевича Хрущева с Фиделем Кастро, Роднеем Арисменди, Викторией Кодовильей и Марио Монхе в Волгограде (1963 г.) и Гаванская континентальная конференция компартий (1964 г.) не привели к улучшению ситуации. Кубинцы не отказались от поддержки единомышленников в леворадикальных кругах, минимизировав контакты с сопротивлявшимися их линии компартиями и создав Конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки «Триконтиенталь», 1966 г.) и солидарности народов Латинской Америки (1967 г.), на которых разногласия вышли на поверхность [36, pp. 2752-2776].

Поворот стал намечаться после Международного совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.), на котором *РСС* еще занимала особую позицию, но под влиянием поражения латиноамериканской герильи и менявшейся международной ситуации, постепенно склонилась к сотрудничеству. За отсутствием герильи исчез и Департамент Америки ЦК *РСС*. Точка в противоречиях была поставлена Гаванской конференцией компартий Латинской Америки (1975 г.), выработавшей новые подходы коммунистов континента к развитию революционного движения, зафиксировавшей отказ *РСС* от ставки на поддержку партизан в большинстве стран региона и определившей ставку на единство коммунистического сектора.

«ПРАЖСКИЙ ВАТИКАН» И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Одним из важнейших итогов Международного совещания 1957 г. стало создание журнала «Проблемы мира и социализма». Необходимость подобного теоретического и информационного международного журнала шеф-редактор газеты Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» Марк Борисович Митин обосновал интересами дальнейшего идеологического и организационного укрепления компартий, многосторонностью и сложностью проблем «социалистического строительства в странах народной демократии», развитием движения за единство рабочего

класса и «объединение всех демократических сил в борьбе за мир, независимость и демократические свободы в капиталистических, колониальных и зависимых странах». В таком журнале должны были публиковаться материалы, в которых обобщался бы практический опыт коммунистического и рабочего движения, вопросы пропаганды марксизма-ленинизма и его творческого применения в конкретных условиях отдельных стран [17, с. 223].

Для решения этих задач в 1958 г. в Праге был основан журнал «Проблемы мира и социализма», к концу своего существования (1991 г.) издававшийся на 34 языках и распространявшийся в 145 странах. Постепенно он превратился в нечто большее, чем теоретический и информационный орган всего коммунистического движения. В воспоминаниях сотрудников журнала звучат слова «Пражский Ватикан» [37, с. 157]*, «Новый Коминтерн», «наследник, можно сказать, правнук Коминтерна» [38]. Все подобные сравнения не совсем верны, но то, что в отсутствие единого центра международного коммунистического движения журнал превратился в структуру, объективно претендовавшую на роль подобного центра, несомненно. Не обладая такими оргструктурой, финансированием и кадрами, как Коминтерн, издание в новых условиях оказалось важным центром международного коммунистического движения.

В состав редсовета на пике деятельности журнала входили представители 20 латиноамериканских компартий [39, с. 9]; [40, с. 93]; [41, с. 96], разных по уровню теоретической подготовки, образованию и месту в партийной иерархии. Среди первых латиноамериканцев был Паулино Гонсалес Альберди, один из видных теоретиков *РСА*, в 1930-е годы работавший в аппарате ИККИ. *РСА* представляли также Хулио Лаборде (директор еженедельника *РСА Qué pasa*) и Леонардо Пасо (директор Центра марксистских исследований им. В.Кодовильи), *РСС* — Рауль Вальдес Виво (ректор Высшей партийной школы *РСС*, заведующий Департаментом международных связей ЦК, член Секретариата ЦК), *РССН* — Уго Фасио (член Политкомиссии и Секретариата ЦК), *РСВ* — Херонимо Каррера (директор газеты *Tribuna Popular*, председатель *РСВ*). В роли партийных посланцев были и люди, которые не являлись теоретиками. Так, Феликса Диксона направили в журнал, чтобы «спрятать от полиции, которая могла докопаться до того, какое задание партии он выполнил: задушил своими могучими ручищами предателя, кого-то выдавшего его властям» [42]. Представителем *РСС* был революционный романтик, поэт Роке Дальтон, который помимо работы в редакции активно общался с латиноамериканскими эмигрантами в Праге, встречался там с теоретиком «фокизма» Режи Дебре [37, сс. 172-182]. Очевидно, что находившиеся постоянно в Европе делегаты были связующим звеном с европейскими компартиями, в первую очередь правящими. В журнале, как в зеркале, отражались разные этапы развития международного коммунистического движения. По оценке ответственного секретаря редакции Георгия Хосроевича Шахназарова, журнал «и должен,

* Здание на ул. Тхакурова ранее принадлежало католическому теологическому факультету Карлова университета. Но очевидно, что остроловы из журнала имели в виду не только это обстоятельство, но и роль журнала в международном коммунистическом движении.

и будет соответствовать нынешнему состоянию коммунистического движения. А оно такое, какое есть». На страницы издания не мог не выплескиваться все более охватывавший комдвижение идейный разброд, «иначе сказать, идейное многоцветье» [38].

Советские сотрудники, составлявшие ядро редакционного коллектива, подбирались и направлялись в Прагу Международным отделом ЦК КПСС. Явным преувеличением является утверждение Андрея Вячеславовича Куряева (отец которого работал в журнале), что это и был тот «мозговой штаб, откуда и вышла сама по себе идеология перестройки» [42], но известно, что среди ее активных пропагандистов и идеологов было несколько бывших сотрудников редакции: Анатолий Сергеевич Черняев, Юрий Федорович Карякин, Мераб Константинович Мамардашвили, Владимир Петрович Лукин и др. Как писал Александр Борисович Вебер, в редакции работали «представители зарубежных партий, люди, мыслившие совершенно свободно, которые не могли подчиняться нашей дисциплине. А мы не могли не общаться с ними, и нельзя было не учитывать эту среду. И это была довольно сложная задача: нельзя было из Москвы посылать в редакцию людей твердокаменных», потому что они не смогли бы «нормально взаимодействовать с зарубежными участниками, включенными в общую работу по изданию журнала» [43].

На латиноамериканском направлении трудились молодые, талантливые исследователи из институтов Академии наук, научных журналов, газет. Далеко не полный список этих специалистов позволяет констатировать, что они уже тогда представляли цвет отечественной латиноамериканистики, олицетворяли ее будущее: Владимир Михайлович Давыдов, Кива Львович Майданик, Ирина Николаевна Зорина, Юрий Николаевич Королев, Владимир Леонидович Лобер, Эмиль Суренович Дабагян, Степан Петрович Мамонтов, Валерий Геннадиевич Бушуев и др. [44]. Их росту как ученых способствовали постоянное общение с латиноамериканскими левыми, погружение в социально-экономические и политические проблемы континента, глубокое знание проблем развития революционного движения во всем его многообразии, со всеми его противоречиями.

Активно действовала Комиссия журнала по проблемам стран Латинской Америки и Карибского бассейна. По ее инициативе проводились теоретические конференции, симпозиумы по широчайшему кругу вопросов, собиравшие представителей латиноамериканских партий в редсовете, партийных теоретиков и идеологов, специально приезжавших в Прагу, ученых из соцстран, сотрудников редакции. Для участия в дискуссиях приглашались заинтересовавшиеся проблематикой представители братских партий из других регионов [45, с. 72].

Во время посещения Чехословакии по приглашению правившей партии или журнала руководители компартий выступали на заседаниях редсовета, информируя о политическом положении в своих странах, борьбе коммунистов «против империализма и местной реакции», «за революционные преобразования, мир и социальный прогресс», обсуждая вопросы сотрудничества с журналом. При этом отмечался вклад издания «в разработку и пропаганду актуальных проблем марксизма-ленинизма, в обмене опытом

борьбы»*. В составе делегаций журнала латиноамериканские представители выезжали в различные страны по приглашению партий для изучения опыта их деятельности и подготовки материалов для публикации в «Проблемах мира и социализма» [46].

Параллельно с журналом издавался ежемесячный информационный бюллетень (на испанском языке под названием *Boletín de información*), в котором публиковались документы коммунистических и рабочих партий, статьи и интервью их руководителей, существенно дополнявшие содержание, в том числе позволявшие судить о полемике в международном коммунистическом движении по ключевым вопросам теории и практики.

Создание при журнале издательства «Мир и социализм» позволило расширить возможности координации аналитической и пропагандистской работы. В книжной серии «Трибуна марксистской мысли» печатались сборники статей, опубликованных в журнале, материалов конференций и симпозиумов, проводившихся по инициативе редакции в Праге, Москве, Гаване, Сантьяго-де-Чили и других городах. Их издание позволяло читателю знакомиться с марксистской интерпретацией сложных социально-политических проблем континента [47]; [48]; [49].

В годы «перестройки» журнал пробовал найти новые формы работы. В 1988 г. в обсуждении работы издания в Праге участвовали представители 93 коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий. Совещание пришло к выводу о необходимости совершить «решительный поворот к новым реальностям и проблемам в духе творческого марксистского подхода к наиболее актуальным проблемам общественного развития с учетом специфики положения в отдельных странах и регионах», отмечая значение «нового политического мышления» [50].

Свое видение ситуации в мировом революционном движении и роли в нем журнала предлагали латиноамериканские участники дискуссии. Член Исполкома *PCU* Э.Родригес констатировал: «Мы начинаем осознавать вызов времени, видим, что многие старые концепции уже непригодны, они отжили свое время или были ошибочными». Его поддержал член Политбюро ЦК Народной партии Панамы (*Partido Popular de Panamá, PPP*) Л.Томас: «...изменения стучатся в двери наших партий, бросая нам вызов, который мы должны принять со спокойствием, решимостью, смелостью и чувством объективности, с глубоким критическим и творческим сознанием» [51]. Член Политкомиссии и Секретариата ЦК Доминиканской компартии (*Partido Comunista Dominicano, PCD*) Х.А.Рива призвал «обновить журнал... дабы помочь обновлению международного коммунистического движения» [52]. Для этого кандидат в члены Политкомиссии *РСН* М.Махано предложил публиковать материалы полемикального характера и мнения авторов-некоммунистов.

На страницах «Проблем мира и социализма» появилась такая фраза: «Мнения авторов публикуемых материалов необязательно разделяются членами редсовета». Необходимость такой ремарки была вызвана публикацией материалов, невысказанных раньше для коммунистического журнала.

* См., например, информацию о посещении редакции делегациями компартий Уругвая (Родней Арисменди), Перу (Хорхе дель Прадо), Боливии (Симон Рейес), Бразилии (С.Малина), Эквадора (Рене Може и М.Хихон), Гондурас (Ригоберто Падилья).

Комиссия по изучению проблем стран Латинской Америки приглашала к дискуссии приверженцев разных политических взглядов, организовав, например, диалог марксистов и верующих, в ходе которого затрагивались вопросы отношения религии к марксизму, сотрудничества христиан и марксистов, роли теологии освобождения и отношения к ней Ватикана и т.д. Вопросы народовластия в свете нового политического мышления обсуждались в ходе совместного семинара в Москве советскими учеными и представителями наиболее влиятельных социал-демократических партий Латинской Америки. Дискуссию в журнале «Проблемы мира и социализма» продолжили участники семинара от Институционно-революционной партии Мексики (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) Деметрио Соди де ла Тихера и партии Демократическое действие Венесуэлы (*Acción Democrática, AD*) Х.Ранхель Барон в беседе с членом Редсовета журнала, членом ЦК компартии Колумбии (*Partido Comunista de Colombia, PCCol*) Хосе Арисалой. Важнейшим выводом, сделанным на этой встрече, стало признание появления новых доводов в пользу возможности «более тесного сотрудничества социал-демократов, социалистов и коммунистов для достижения общих целей, в частности, таких, как независимость, народовластие, права человека, прогрессивные экономические и социальные реформы» [53, сс. 83-86]; [54, сс. 74-79].

Однако послевоенный период деятельности международного коммунистического движения заканчивался. «Бархатная революция», покончившая с чехословацким социализмом, лишила возможности существования в Праге международных левых организаций, в том числе и журнала — одной из самых эффективных форм сотрудничества коммунистических партий за всю их историю.

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК — РЕИНКАРНАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Другой важной формой интернационального сотрудничества была поддержка партий в подготовке руководящих кадров. Латиноамериканские компартии, в большинстве своем действовавшие в сложнейших условиях преследований и подполья, испытывали особый дефицит теоретически подготовленных кадров. Реальную возможность помочь латиноамериканским партиям в этом деле имела КПСС, стремившаяся поддерживать свою ведущую роль в международном коммунистическом движении. Но в 50—60-х годах эта работа не носила системного, планомерного характера в отличие от коминтерновской эпохи. Первоначально использовался имевшийся в наличии ресурс: обучение в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (ВПШ)*. [35, лл. 76,79]. Сегодня достоверно известно о немногих слуша-

* Позднее к решению этих задач подключились компартии отдельных соцстран (в первую очередь китайская) и западных государств. Примером может быть компартия Италии, которую сами латиноамериканцы просили о возможности направить слушателей в партшколу для «изучения организации, пропаганды и идеологической работы». Итальянцы считали необходимым найти противовес усилиям христианских демократов взять на себя роль «образовательного центра южноамериканских христианско-демократических тенденций (партийные школы и т.д.)», желали помогать компартиям континента приспособлять свои разработки и действия к новой политической действительности, которая существовала в каждой из латиноамериканских стран.

телях ВПШ: в разное время в Москве учились кубинцы Сесар Эскаланте (1954—1956?) [14, с. 598] и Рауль Вальдес Виво (1957—1959) [55], боливец Марио Монхе, сальвадорец Сальвадор Каэтано Карпио (1954—1957) [56]*. Обучение продолжалось два с половиной года, велось на русском языке. Было практически невозможно учесть специфические условия деятельности партий. Это создавало значительные трудности в подготовке партийных руководителей, и КПСС вернулась к опыту учебных заведений Коминтерна, открыв в 1962 г. в Москве Институт общественных наук (ИОН), вторым названием которого было Международная ленинская школа (МЛШ). Он даже расположился в здании, построенном для МЛШ в конце 1930-х** [57]. Но войти в одну реку дважды нельзя: организация работы ИОН существенно отличалась от того, что происходило в учебных заведениях Коминтерна. Главное отличие института от традиционных партшкол заключалось в том, что в нем обучались не только коммунисты, но и активисты революционно-освободительного движения почти из 60 партий.

У слушателей, как отмечал экс-профессор кафедры коммунистического движения ИОН Борис Иосифович Коваль, был разный образовательный уровень (многие вовсе не учились в школе), они были разного возраста; женщин было не более 20%. Часть студентов добиралась до Москвы нелегально ввиду репрессий на родине [58]. Занятия велись на языках слушателей — с помощью переводчиков и самими преподавателями. Б.И.Коваль вспоминал: «Боже мой, с какими только национальными группами мне не довелось работать! Приведу только тех, которых запомнил: из Мексики, Анголы, Греции, Бразилии, Аргентины, Кении, Боливии, Франции, Панамы, Португалии. Одни занимались по плану трехмесячных курсов. Другие приезжали сроком на полгода. Несколько самых сильных студентов учились у нас до двух лет и работали над кандидатскими диссертациями». Особенно активно, по оценке Б.И.Коваля, велись коллективные споры и обсуждения, в которых преподаватели участвовали наравне с учащимися. В программу обучения входили и так называемые практические занятия, иначе говоря, встречи и беседы с советскими людьми на производстве, в профсоюзах и парторганизациях, на заводах и в колхозах, в научных центрах, музеях и проч. Срок обучения во многом зависел от уровня подготовки слушателей, который был выше у представителей традиционных партий (например, *РСА*), «приезжавших для дискуссий» [58].

На характере и содержании обучения отражался период «разброда и шатаний», который переживало мировое революционное движение из-за противоречий между КПСС и компартией Китая, зарождения «еврокоммунизма», распространения в Латинской Америке идей Че Гевары, роста пар-

* Секретарь по оргвопросам *PCS* Кайетано Карпио, находясь в Мексике (1949 г.) и получив приглашение генерального секретаря *PSP* Бласа Роки, ознакомился на Кубе с опытом партийной и профсоюзной работы (до октября 1950 г.), а после обучения в Москве вместе со своей женой профсоюзным активистом Тулой Алваренго совершил «ознакомительную поездку» по Китаю.

** Впоследствии был создан загородный филиал ИОН для теоретической подготовки кадров из революционно демократических партий, который возглавил латиноамериканист Марат Иосифович Мохначев.

тизанского движения, вызвавшего глубокий кризис в компартиях континента [36, pp. 2752-2776]. Это требовало привлечения к преподаванию творчески мыслящих сотрудников, способных вести дискуссию. И такая атмосфера была создана в ИОН, несмотря на то, что коллектив института, как отмечает бывший заведующий кафедрой философии ИОН Алексей Викторович Шестопал, отражал «борьбу подъездов ЦК КПСС» — противоречия между международным отделом (Юрий Владимирович Андропов) и отделом пропаганды и агитации (Михаил Андреевич Сулов). Позицию Старой площади слушатели узнавали из первых рук: на площадке ИОН регулярно выступали кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев, заместитель заведующего международным отделом Вадим Валентинович Загладин и другие ответственные работники ЦК.

Несмотря на различия в подходах преподавателей к обучению, в институте царил дух дискуссий, активную роль в организации которых играл Латиноамериканский симпозиум ИОН, сокоординаторами которого были Алексей Викторович Шестопал и Сергей Иванович Семенов, а в неофициальный совет входили сотрудники Международного отдела ЦК Михаил Федорович Кудачкин и Игорь Евгеньевич Рыбалкин, профессор ИОН Борис Иосифович Коваль. Активное участие в его работе принимал член-корреспондент АН СССР Иосиф Ромуальдович Григулевич. Особую роль в обсуждении играли лидеры латиноамериканских компартий, приезжавшие в Москву или жившие в советской столице как политэмигранты. Раз в месяц или чаще кто-то приезжал в ИОН. Особую активность проявлял Первый секретарь *PCU* Р.Арисменди, анализировавший соотношение региональных, мировых, национальных проблем в латиноамериканской революции. Тон в обсуждении уроков чилийской революции задавали генеральный секретарь *PCCh* Луис Корвалан и член Политкомиссии ЦК Володя Тейтельбойм. Возможности диалога с гуманитарными партиями пропагандировались секретарем ЦК *РСА* по культуре Эктором Агости [59].

ИОН при ЦК КПСС перестал существовать в августе 1991 г. вслед за прекращением деятельности самой партии. Этим символическим актом закончилась целая эпоха в истории международного коммунистического движения.

С ликвидацией КПСС завершился важнейший этап развития мирового коммунизма, начавшийся с роспуска Коминтерна. В это время — эпоху борьбы и надежд, побед и поражений — международное коммунистическое движение являлось важным фактором мировой политики. Оно стремилось достичь главной цели — единства в борьбе против общего противника — империализма — и выработало многочисленные формы интернационального сотрудничества. В условиях жесточайших преследований латиноамериканские коммунисты искали и находили разнообразные возможности сотрудничества с иными левыми силами (Народное единство в Чили, Широкий фронт в Уругвае), пытались сочетать легальные и нелегальные методы борьбы (в Венесуэле, Колумбии), вели партизанскую борьбу против жестоких диктатур (Сальвадор, Гватемала). Настоящим центром идеологического и организационного единства коммунистов стала деятельность журнала «Проблемы мира и социализма». Существенную помощь в подготовке руководящих кадров латиноамериканских революционных организаций оказали учебные заведения КПСС — ВПШ и ИОН при

ЦК КПСС. Эти и другие формы интернационального сотрудничества сыграли значительную роль в становлении компартий как важного фактора революционного движения континента.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Caballero M. Latin America and the Comintern. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 213 p.
2. Щелчков А.А., Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. (ред.). Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка. М., Наука, 2018, 767 с. [Schelchkov A.A., Jeifets V.L., Jeifets L.S. (ed.). Rossiyskaya revolyutsiia, Komintern i Latinskaya Amerika [The Russian Revolution, the Comintern and Latin America]. Moscow, Nauka, 2018, 767 p. (In Russ.).]
3. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка. Люди, структуры, решения. М., РОССПЭН, 2019, 759 с. [Jeifets L.S., Jeifets V.L. Komintern i Latinskaya Amerika. Liudi, struktury, resheniia [The Comintern and Latin America. Persons, structures and decisions]. Moscow, Rosspen, 2019, 759 p. (In Russ.).]
4. Laferte E. Vida de un comunista. Santiago, Libro Libre, 1961, 348 p.
5. Marmol M. y Dalton R. Los sucesos de 1932 en El Salvador. 412 p. Available at: <https://elsudamericano.wordpress.com/2020/07/22/miguel-marmol-los-sucesos-de-1932-en-el-salvador-por-roque-dalton/> (accessed 12.11.2020).
6. Fuenmayor J.B. 1928-1948. Veinte años de política. Caracas, Editorial Mediterráneo, 1968, 358 p.
7. Фария Х. Становление коммуниста. Воспоминания. М., Издательство политической литературы, 1983, 320 с. [Faria J. Stanovleniye kommunist. Vospominaniya [Becoming a Communist. The Reminiscences]. Moscow, Politizdat, 1983, 320 p. (In Russ.).]
8. Корвалан Л. Мы верим в победу. Воспоминания и размышления. М., Политиздат, 1985, 248 с. [L. Corvalan. My verim v pobedu. Vospominaniya i razmyshleniya [We believe in the Victory. Reminiscences and Reflections]. Moscow, Politizdat, 1985, 248 p. (In Russ.).]
9. Rojas Blaquier A. El primer Partido Comunista de Cuba: Tomos 1-3. Santiago de Cuba, Editorial Oriente, 2005.
10. Medina M. Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo I. 1910-1950. Bogotá, Centro de Estudios e Investigaciones Sociales (CEIS), 1980, 624 p.
11. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. т. 7, М., Мысль, 1985, 591 с. [Mezhdunarodnoye rabochee dvizhenie. Voprosy istoriy i teorii [International Workers' Movement. History and Theory Issues]. Vol. 7. Moscow, Mysl, 1985, 591 p. (In Russ.).]
12. Moullec, G. (ed.). Georgi Dimitrov. Journal 1933-1949. Version intégrale introduite et annotée par Gaël Moullec. Paris, Belin, 2005, 895 p.
13. Шириня К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., Политиздат, 1979, 460 с. [Shirinia K.K. Strategiya i taktika Kominterna v borbe protiv faschizma i voynu [The strategy and tactics of the Comintern in the Fight against the fascism and war]. Moscow, Politizdat, 1979, 460 p. (In Russ.).]
14. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите мировой революции. М., Росспэн, 2020, 759 с. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika v orbite mirovoi revolyutsii [Latin America in the orbit of the world revolution]. Moscow, Rosspen, 2020, 759 p. (In Russ.).]
15. Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик, «которому везло». М., Молодая гвардия, 2005, 405 с. [Nikandrov N. Iosif Grigulevich. Razvedchik, "kotoromu vezlo" [Iosif Grigulevich, a Lucky Spy]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2005, 405 p. (In Russ.).]
16. Okuneva L.S., Okuneva O.V. From Brazil to the USSR and Back: the Life Trajectory of Laura and Otávio Brandão. *Journal of Education and Science «Istoriya»*. 2019, № 11, p. 18.
17. Адиебеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956 гг. М., Россия молодая, 1994, 235 с. [Adibekov G.M. Kominform i poslevoennaya Evropa. 1947-1956 gg. [The Cominform and post-War Europe, 1947-1956]. Moscow, Rossiya molodaja, 1994, 235 p. (In Russ.).]
18. А. Жданов. О международном положении. *Правда*. 22 октября 1947 г. [A. Zhdanov. O mezhdunarodnom polozhenii [About the international situation]. *Pravda*. 22.10.1947.

19. *За прочный мир, за народную демократию*. Октябрь 1947 г. [*Za prochnyi mir, za narodniyu demokratiyu*, October of 1947].
20. *За прочный мир, за народную демократию*. Октябрь 1953 г. [*Za prochnyi mir, za narodniyu demokratiyu, za narodniyu demokratiyu*, October of 1953].
21. *За прочный мир, за народную демократию*. 16 сентября 1955 г. [*Za prochnyi mir, za narodniyu demokratiyu, za narodniyu demokratiyu*, September 16, 1947].
22. Marroquí V.R. María Graciela Amaya Barrientos, heroína revolucionaria centroamericana. Available at: <https://ecumenico.org/maria-graciela-amaya-barrientos-heroína-revolucion> (accessed 10.01.2021).
23. Альварато Арельяно У. Раздумья. Избранные статьи и материалы. М., Прогресс, 1979, 214 с. [Alvarado Arellano H. Razdumia. Izbrannye statyi i materialy [Reflections. Selected articles and materials]. Moscow, Progress, 1979, 214 p. (In Russ.).
24. Nela Martínez Espinosa. Available at: https://www.ecured.cu/Nela_Martínez_Espinosa (accessed 12.12.2020).
25. Schneider R.M. Communism in Guatemala. 1944-1954. New York, Frederick A. Praeger, 1959, 350 p.
26. Abascal López J. Cara a cara con Severo Aguirre. *Cuba*. 1985, N 5, pp. 65-74.
27. Jorge Risquet Valdés. Available at: https://www.ecured.cu/Jorge_Risquet_Valdés (accessed 14.11.2020).
28. Кроэс Э. Рабочее движение Венесуэлы. М., Прогресс, 1977, 183 с. [Kroes E. Rabochee dvizhenie Venesuely [Venezuelan Workers' Movement]. Moscow, Progress, 1977, 183 p. (In Russ.).
29. Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., Наука, 1972, 273 с. [Dabagian E.S. National Reformism v sovremennoi Venesuele [National Reformism in the contemporary Venezuela.]. Moscow, Nauka, 1972, 273 p.
30. Великий Октябрь и коммунистические партии Латинской Америки. Отв. ред. М.Ф. Кудачкин. М., Наука, 1978, 224 с. [Kudachkin M.F. (ed.). Velikii Oktiabr' i kommunisticheskiye partii Latinskoi Ameriki [The Great October and Latin American Communist Parties]. Moscow, Nauka, 1978, 224 p. (In Russ.).
31. *За прочный мир, за народную демократию! 17 апреля 1956 г.* [*Za prochnyi mir, za narodniyu demokratiyu, za narodniyu demokratiyu!* April 17, 1956].
32. Наследники Коминтерна. Международные совещания коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.): документы. М., РОССПЭН, 2013, 623 с. [Nasledniki Kominterna. Mezhdunarodnye soveshaniya kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noyabr 1957 g.): dokumenty [The heirs of the Comintern. International Reunions of the Communist and Workers' parties in Moscow (November of 1957): the documents]. Moscow, Rosspen, 2013, 623 p. (In Russ.).
33. VIII Национальный съезд Народно-Социалистической партии Кубы (Гавана, 16-21 августа 1960 г.). М., Госполитиздат, 1961, 291 с. [VIII Natsionalnyi syezd Narodno-Sotsialisticheskoi partii Kuby (Gavana, 16-21 avgusta 1960 g.) [The VIII National Congress of Cuba's Popular Socialist Party (Havana, August 16-21, 1960)]. Moscow, Gospolitizdat, 1961, 291 p. (In Russ.).
34. Щелчков А.А. Коммунистическое движение в Аргентине и китайско-советский раскол. *Латинская Америка*. М., 2020, № 5, сс. 60-80. [Schelchkov A.A. Kommunisticheskoe dvizhenie v Argentine i kitaisko-sovetskii raskol [Argentinean Communist Movement and Chinese-Soviet Split]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, pp .60-80. (In Russ.).
35. Viaggio di Sandri in Uruguay, Argentina, Cile, Peru, Messico (16 giugno-16 luglio 1964). Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5, оп. 50, д. 598 [Russian State Archive of the Contemporary History, f. 5, op. 50, folder 598].
36. Jeifets, V., Jeifets, L. ¿Moscú, Beijing o La Habana? Los conflictos dentro de la izquierda latinoamericana en torno a la lucha insurreccional. *Izquierdas*. Santiago, 2020 (marzo-abril), N 49, pp. 2752-2776.
37. Зорина И. Распеленать память. СПб, Издательство Ивана Лимбаха, 2020, 560 с. [Zorina I. Raspelenat' pamiat' [Opening the memory]. Saint-Petersburg, Ivan Limbakh Press, 2020, 560 p. (In Russ.).
38. Волков А.И. Редакция журнала «Проблемы мира и социализма» 1958-1990. Воспоминания сотрудников и современников [Volkov A.I. Redaktsiya zhurnalnala "Problemy mira i sotsializma" 1958-1990 [The editorial of "World Marxist Review,

- 1958-1990]. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Redakciya-zhurnala-Problemy-mira-i-socializma-1958-1990> (accessed 14.11.2020).
39. *World Marxist Review*. Prague, 1982, № 8.
 40. *World Marxist Review*. Prague, 1986, № 2.
 41. *World Marxist Review*. Prague, 1989, № 2.
 42. Кураев А. Реформации РПЦ не будет, мы опоздали. Радиостанция «Свобода», 17.06.17. [Kuraev A. Reformatzii RPTs ne budet, my opozdali [There will be no Reformation at the Russian Orthodox Church, we came late]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28557251.html> (accessed 02.02.2021).
 43. На идеологическом посту: 1960-е. *Журнальный клуб «Интелрос»*. «Неприкосновенный запас». 2008, № 4. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_60/2925-na-ideologicheskome-postu-1960-e.html (accessed 10.01.2021).
 44. Интервью с членом-корреспондентом РАН В.М.Давыдовым, 25.02.21. [Interview with corresponding member of the RAS V.M.Davydov, 25.02.21]. Личный архив В.Л.Хейфеца и Л.С.Хейфеца.
 45. Тенденции новые, оковы старые. *Проблемы мира и социализма*, 1982, № 7 [Tendentsii novye, okovy starye [The new tendencies and the old chains]. *Problemy mira i sotsializma*, 1982, N 7. (In Russ.)].
 46. *World Marxist Review*, 1983, № 12.
 47. Политический портрет Латинской Америки. Чили: уроки прошлого и задачи современного этапа борьбы. Выпуск 1-3. *Прага, Мир и социализм*, 1974-1976 [Politicheskii portret Latinskoj Ameriki. Chili: uroki proshlogo i zadachi sovremennoogo etapa borby [The political portrait of Latin America. Chile: the lessons of the past and the challenges of the contemporary etap of the struggle]. Issues 1-3. *Prague, Mir i sotsializm*, 1974-1976 (In Russ.)].
 48. Битва за второе освобождение. (Коммунисты Латинской Америки о проблемах освободительной борьбы на континенте.) *Прага, Мир и социализм*, 1971 [Bitva za vtoroye osvoboditeleniye. (Kommunisty Latinskoj Ameriki o problemakh osvoboditelnoi borby na kontinente) [The battle for the second liberation (The Latin American Communists about the problems of the liberation fight in continent)]. *Prague, Mir i sotsializm*, 1971. (In Russ.)].
 49. Некоторые проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке. *Прага, Мир и социализм*, 1977 [Nekotorye problem natsionalno-osvoboditelnoi borby v Latinskoj Amerike [Some problems of the National Liberation War in Latin America]. *Prague, Mir i Sotsializm*, 1977 (In Russ.)].
 50. Информационное сообщение об итогах обсуждения работы международного журнала «Проблемы мира и социализма». *Правда*, 17.04.88. [Informatsionnoe soobschenie ob itogakh obsuzhdeniia raboty mezhdunarodnogo zhurnala "Problemy mira i sotsializma" [Information about the outcomes of discussion over the work of international journal "World Marxist Review"], *Pravda*, 17.04.88. (In Russ.)].
 51. Совещание в Праге завершило работу. *Правда*, 17.04.88 [Sovechaniie v Prage zaver-shilo rabotu [The Reunion in Prague is over]. *Pravda*, 17.04.88. (In Russ.)].
 52. Обсуждается работа журнала. *Правда*. 16.04.88 [Obsuzhdaetsia rabota zhurnala [The work of the journal in discussion], *Pravda*, 17.04.88 (In Russ.)].
 53. Фрай Бетто. Когда вера обретает политическое звучание. *Проблемы мира и социализма*. 1989, № 10, сс. 84-86. (In Russ.) [Frai Betto. Kogda vera obretayet politicheskoe zvuchanie] [When Faith Gets Political]. *Problemy mira i sotsializma*, 1989, N 10, pp. 84-86.
 54. Продвигаясь за рамки традиционного парламентаризма. Обмен мнениями. *Проблемы мира и социализма*, 1989, № 10, сс. 74-79 (In Russ.) [Prodvigayas za ramki traditsionnogo parlamentarizma. Obmen mneniyami] [Moving beyond traditional parliamentarism. Opinion exchange]. *Problemy mira i sotsializma*, 1989, N 10, pp. 74-79.
 55. Raúl Valdés Vivó. EcuRed. Available at: https://www.ecured.cu/Raúl_Valdés_Vivó (accessed 10.01.2021).
 56. Y quien carajo dice que Marcial esta Muerto? Salvador Cayetano Carpio (Biografía). Available at: http://www.cedema.org/uploads/Biografia_Marcial.pdf (accessed 12.01.2021).
 57. Поздравляем! *Правда*. 3-4.06.08. [Pozdravljaem! [Congratulations!]. *Pravda*, 3-4.06.08. Available at: <https://kprf.ru/pravda/issues/2008/58/article-21423/> (accessed 12.01.2021) (In Russ.)].

Виктор Хейфец, Лазарь Хейфец

58. Коваль Б.И. Из воспоминаний Б.И.Коваля. Личный архив Т.Б. Коваль [Koval B.I. Iz vospominanii B.I.Kovalia [B.I.Koval's reminiscences]. T.B.Koval's personal archive.

59. Интервью авторов с заведующим кафедрой философии ИОН (МЛШ) при ЦК КПСС профессором А.В.Шестопадом. 30 марта 2021 г. Личный архив В.Л.Хейфеца и Л.С.Хейфеца [Interview with the Chair of the Department of Philosophy of the Institute of Social Sciences under the CC of the CPSU, professor A.V.Shestopal, March 30 of 2021. Victor and Lazar JEIFETS' personal archive].

Victor L.Kheifets (jeifets@gmail.com)

Dr. (Hist.), professor at the Saint-Petersburg State University

Lazar S.Kheifets (ilaranspb@hotmail.com)

Dr. (Hist.), professor at the Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

The Comintern after the end of the Comintern. Some episodes of search of new forms of unity by Latin American Communists

Abstract. The article analyzes the evolution of various forms of international cooperation between Latin American Communist Parties and the ways of their interaction with Moscow after the dissolution of the Comintern. The search for an optimal model of interaction was often carried out on the initiative of the Communist Parties themselves and led to the formation of the CP of Guatemala as also to the restoration of the unity of the Venezuelan CP (in the latter case, due to the efforts of the Cuban Popular Socialist Party). The international communist movement and the *CPSU*, which claimed the role of its leader, initiated a serie of conferences with a purpose to discuss complex problems of relations between Left-Wing parties. At the same time, the *CPSU* took over the function of training personnel in its own educational institutions (the Institute of Social Sciences and the Higher Party School under the Central Committee of the *CPSU*). The international journal "World Marxist Review" has also become an important center for coordinating the activities of parties and developing new approaches to strategy and tactics.

Key words: Comintern, International Communism, Cominform, *World Marxist Review*.

DOI: 10.31857/S0044748X0016570-6

Received 08.02.2021.

А.А.Щелчков

Годы надежд: «новые левые» в Боливии, 1960—1980-е годы

Данная работа посвящена историческому феномену «новых левых» в Латинской Америке в 60-е годы XX в., который будет рассмотрен на материале Боливии. Предлагается проанализировать организации «новых левых», образовавшиеся в результате кризиса традиционного ортодоксального марксизма и коммунизма, а не те левые движения, которые появились на континенте после краха СССР и перестройки всего левого лагеря, возникновения различных вариантов «социализма XXI в.» и которых в литературе также именуют «новыми». В Боливии «новые левые» формировались на основе синтеза марксизма и национализма, обновления идей социализма за счет западного, неортодоксального марксизма, союза с социал-католицизмом. Все политические и идейные течения «новых левых» возникли при доминирующем влиянии Кубинской революции, герильи Эрнесто Че Гевары, «теологии освобождения» и «мировой революции» 1968 г. В конце 1980-х годов «новые левые» погрузились в глубокий кризис, но при этом оставили богатое наследие следующим поколениям боливийских левых: явная преемственность «новых левых» 60—70-х годов XX в. и сегодняшних латиноамериканских левых очевидна.

Ключевые слова: «новые левые», Боливия, левый национализм, христианская демократия, «Спартак», *MIR*.

DOI: 10.31857/S0044748X0016571-7

Статья поступила в редакцию 30.01.2021.

Формирование «новых левых» в Боливии явилось результатом близких и взаимосвязанных процессов, проходивших, во-первых, в старых марксистских партиях, где копилось недовольство доктринальной бесплодностью и вертикализмом партийной жизни, во-вторых, на левом крыле традиционного популизма, «революционного национализма», представители которого пытались найти в марксизме более прочную основу будущей ре-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а, <http://orcid.org/0000-0002-7780-781X>, sch2000@mail.ru).

При поддержке РНФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

волюции, и в-третьих, в среде левых христианских демократов, социал-католиков, также искавших синтеза с новыми революционными теориями и марксизмом. Именно эти политические силы и стали тремя источниками возникновения течения «новых левых».

Данное исследование методологически опирается на многочисленные работы предшественников, изучавших феномен «новых левых», исходя из критического подхода к левым теориям общественного развития, среди которых следует выделить Перри Андерсона, Эдварда П. Томпсона, Михаэля Лёви, Эрнесто Лакло и Энцо Траверсо*. Базовым остается анализ «новых левых» аргентинца Оскара Терана, методологические подходы которого послужили основой для данной статьи. Близкие боливийским характеристики имеют и перуанские «новые левые», что продемонстрировано в работах Марио Меса Базана [1, p. 3172].

Выдающийся английский историк-марксист Э.П. Томпсон отмечал, что «новым левым» свойственно особое внимание к демократии, судьба которой в результате деятельности «старых» левых представлялась печальной в странах реального социализма. Другой стороной этого течения было стремление вернуться к народным корням социального и национального освобождения. Общей чертой всех «новых левых» являлся интернационализм, а применительно к континенту особое место занимала идея латиноамериканской революции. Налицо было также особое отношение к проблемам культуры и этики революции, порой противопоставляемых чисто экономическому детерминизму «старых левых» [2, pp. 85-86]. 1960-е годы оказались сложными политически, но богатыми на зарождение новой, продуктивной мысли на всем континенте. Например, об этой особой атмосфере аргентинских 60-х годов О. Теран писал: «В интеллектуальной сфере течения различной идейной традиции создали особое явление критической культуры... Сартровский экзистенциализм предложил благоприятный идейный климат, подтолкнул к «социализации» и «национализации» повестки дня» [3, p. 25]. Марксизм был принят всеми течениями левых, в том числе и сильно отстоявшимися от него в предыдущий период, как, например, левыми католиками, поскольку, по словам видного представителя аргентинских «новых левых» Хосе Арико, «марксизм стал основой знания нашей эпохи, мы все в той или иной степени марксисты» [4, p. 76]. Все это применимо и к боливийской ситуации.

«Новые левые», по мнению одного из основателей британского неомарксизма Стюарта Холла, появились в обстановке, сложившейся после XX съезда КПСС с его критикой сталинизма, но событиями, давшими толчок к обособлению этого течения, стали подавление советскими вой-

* Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., Common place, 2016; Lowy M. El marxismo en América Latina. Santiago de Chile, LOM, 1980; Lowy M. The Theory of Revolution in the Young Marx. Boston, Brill, 2003; Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory. London - New-York, Verso, 1977; Traverso E. Melancolía de izquierda. Marxismo, historia y memoria. Buenos Aires, FCE, 2018.

сками Венгерского мятежа 1956 г. и франко-британская интервенция в Суэцком канале. Все это в комплексе создало в среде будущих «новых левых» настрой на противостояние и западному империализму, и курсу СССР. С.Холл отмечал два основных временных этапа формирования «новых левых». Во-первых, 1956 г., связанный с советской интервенцией в Венгрию и с разоблачением «культы личности», а во-вторых, «мировая революция» 1968 г., ознаменовавшая крушение старых культурно-психологических устоев капитализма и социализма [5, pp. 177-179]. Применительно к Латинской Америке следовало бы добавить еще и 1959 г. — победу Кубинской революции, породившей надежду на освобождение, но и создавшей массу проблем традиционным левым. В движении «новых левых» нашли свое выражение независимые традиции социализма, демократии, недогматического восприятия марксизма и других левых течений. В Латинской Америке они, в свою очередь, привели к появлению различных «национальных» течений социализма, в том числе и на фланге, который называли «национально-народным».

Латиноамериканские «новые левые» появились либо в результате раскола традиционных левых — социалистов и коммунистов, либо зародились внутри популистских движений как отдельное течение «левого национализма, или марксистского национализма» [3, pp. 92-95]. В 60-е годы XX в. происходили серьезные идеологические процессы размежевания в рядах «старых» левых. Стресс, вызванный Кубинской революцией, советско-китайским разрывом, герильей и событиями 1968 г., привел к многочисленным выходам из этих партий групп и лиц, искавших новых рецептов революционной деятельности [6, pp. 2757-2771]. Их устремления совпадали со схожими мотивами диссидентов из националистических, популистских движений. Слияние этих течений привело к возникновению «новых левых», главной характеристикой которых стал не только радикальный антикапитализм, но и идейный поиск, включавший обращение к трудам «молодого Маркса», работам Розы Люксембург, Антонио Грамши, европейскому неомарксизму и структурализму (главным образом Луи Альтюссеру), национализму, экзистенциализму, революционному христианству. «Новые левые» отвергали не только реформистские и умеренные политические задачи традиционных левых, прежде всего, коммунистов, но и их вертикальную модель построения партий.

ПЕРВЫЕ ГРУППЫ «НОВЫХ ЛЕВЫХ»

После Национальной революции 1952 г. в Боливии доминирующей политической силой стало Националистическое революционное движение (*Movimiento Nacionalista Revolucionario, MNR*), а идеологией — «революционный национализм». На левом фланге ему противостояли «традиционные» левые партии — троцкисты и коммунисты. Одной из причин возникновения такого многогранного политического и идейного движения, как «новые левые», была утрата коммунистами и троцкистами своего моно-

польного положения. Одной из отличительных черт периода появления «новых левых» стал растущий политический и идейный плюрализм на левом фланге.

В 60-х годах XX в. из-за политики *MNR* в Боливии наступил глубокий внутривластный кризис. Рабочее движение порвало с правящей партией. В 1964 г. левый сектор *MNR* во главе с Хуаном Лечином сформировал Левую революционно-националистическую партию (*Partido Revolucionario de la Izquierda Nacionalista, PRIN*). Помимо *PRIN* из «материнского» тела *MNR* вышла левая группа молодежи «Спартак» (*Espartaco*)*, в которую входили Амадо Канелас, Пабло Рамос Санчес, Альберто Муньос де ла Барка, братья Кисберт (Вальтер и Октавио) и Дульфредо Руа Бехарано [7, л. 142]. Затем к ним присоединился будущий выдающийся боливийский мыслитель, а тогда молодой политик и самый молодой министр во втором правительстве Виктора Паса Эстенсоро (1952—1956, 1960—1964, 1985—1989) Рене Савалета Меркадо.

Espartaco появился в конце 50-х годов как кружок по изучению революции и марксизма внутри *MNR*. В начале 1960-х из-за серьезных разногласий с руководством *MNR* группа перешла на полуполюгальное положение и в 1962 г. провела свой съезд, на котором объявила себя марксистско-ленинской партией. За эти годы она превратилась в общенациональное движение, в котором преобладали студенты, интеллигенция и рабочие.

Кубинская революция стала решающим фактором для активизации этой группы и ее перехода к политической деятельности. Группа выступала с прокубинских позиций, более того — считала себя участницей процесса, начатого Кубинской революцией. При этом идеи фокизма, особенно ярко выраженные в работах Режи Дебре, разделяли лишь небольшое количество «спартаковцев». Отношения как с Коммунистической партией Боливии (*Partido Comunista de Bolivia, PCB*), так и с маоистами были сложными, а *PCB* неприязненно относилась к критике в свой адрес, и тем более к критике СССР. Хотя в начале 60-х годов некоторые активисты предлагали, чтобы *Espartaco* вступила в *PCB*, по итогам внутренней дискуссии было решено укреплять свою партию как проект объединения всех левых. Впрочем, после военного переворота 1964 г. многие «спартаковцы» все же перешли в компартию [7, л. 143].

Члены *Espartaco* увлекались китайским опытом, в частности, видя в маоизме адекватную марксистскую оценку национальной действительности применительно к Боливии. Они, являясь диссидентами *MNR*, объявляли себя наследниками Национальной революции, призывая к синтезу идей «революционного национализма» и марксизма. Группа также интересовалась неортодоксальными идеями, теорией зависимости и терсермундизмом. *Espartaco* стала первым явлением «новых левых» в Боливии.

* Большую часть данных об этой группе автор почерпнул из записанного им интервью с одним из ее основателей Пабло Рамосом Санчесом в августе 2020 г.

ГЕРИЛЬЯ — НОВЫЙ ВЫЗОВ

Герилья Че Гевары в Боливии и гибель ее лидера вызвали глубокий кризис внутри левых сил, в том числе и в *Espartaco*. Пока шла партизанская война, «спартаковцы» поддерживали партизан, некоторые искали контакта с ними, желая присоединиться, что было непросто. В 1967 г. в *Espartaco* сформировалась фракция фокистов, члены которой выступали за приоритет вооруженной борьбы и тактики герильи. Однако партийное большинство их не поддержало, так как главная тактика движения состояла в политической борьбе и мобилизации масс.

Герилья ускорила процесс формирования движений «новых левых», которые в 1971 г. привели к созданию Социалистической партии (*Partido Socialista, PS*) Марсело Кироги Санта Круса и Левого революционного движения (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*). Прямым продолжателем герильи Че Гевары стала Армия национального освобождения (*Ejército de Liberación Nacional de Bolivia, ELN*) во главе с Инти Передо. Самый серьезный кризис претерпела *PCB*: большой ущерб был нанесен не только ее репутации, но и руководящим кадрам. Многие коммунисты как прокитайской, так и промосковской партий покинули их ряды. Некоторые присоединились к *ELN*, готовившей новую герилью в Боливии. Возобновление герильи было предпринято *ELN* в Теопонте в 1970 г.

Герилья и кровавая «резня Сан-Хуана» в 1967 г. привели к брожению даже в проправительственных партиях. Молодежь в Христианско-демократической партии (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*) разделилась. Появилось радикальное левое крыло, молодые католики стали поддерживать революционные политические тенденции. Отражением этих настроений стала популярная тогда повесть «Основатели зари» Ренато Прады Оропесы, получившая в 1969 г. премию «Дома Америк». Опубликована она была ранее, когда в Боливии еще шла герилья. Важен сюжет этой повести, напрямую связанный с партизанской борьбой. Протагонистом является молодой семинарист, присоединившийся к герилье, что отражало реальные процессы, происходившие в среде боливийской молодежи, объединявшейся в католических организациях [8, p. 47].

Левое течение демохристиан сформировалось под воздействием широко распространенной на континенте теории «теологии освобождения», призывавшей католическую молодежь к вооруженному сопротивлению во имя национального и социального освобождения [9, p. 25]. В 1969 г. на съезде партии в Потоси левая фракция *PDC* покинула партийные ряды и основала Революционную христианско-демократическую партию (*Partido Demócrata Cristiano Revolucionario, PDCR*), в которую вошли Хорхе Риос Даленс, Антонио Аранибар, Адальберто Куахара и другие боливийские политики [10, pp. 66-67]. «Революционные демохристиане» стали увлекаться не просто революционной, геваристской практикой, но и решительно повернули к марксизму. Особую популярность среди них имели работы творца

«теории зависимости» Андре Гундера Франка и чилийской социалистки Марты Харнекер [11, p. 57].

Члены *PDCR* были близки к геваристам *ELN*, и их даже считали «политическим крылом» военной организации *ELN*, что было не так, хотя взаимосвязь и сотрудничество были установлены. Они отмежевались от фокизма *ELN*, выбрав своей тактикой «революционное повстанчество масс» [12, pp. 28-31]. С началом герильи *ELN* в Теопонте левые демокристе выразили ей свою солидарность, но предпочли остаться в легальном политическом поле.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ 1970-е

В это время до Боливии докатилась всемирная революционная волна, начатая французским маем 1968 г. В стране бурлили студенты, молодежь, происходила «университетская революция», ставшая важным политическим фактором, повлиявшим на ситуацию в Боливии в целом. Это был поколенческий вызов «старым» левым партиям. Помимо мировых, точнее всеобщих тенденций, влиявших на боливийскую молодежь, важно учитывать, что это было поколение, выросшее после и во время Национальной революции, пережившее пору надежд и фрустраций. Это было поколение, при котором не быть левым считалось признаком отрицания прогресса, молодости, жизни. Молодежь и студенты стали основной питательной средой «новых левых».

Приход к власти Хуана Хосе Торреса (1970—1971 гг.) вызвал подъем левых сил, внутри которых стали образовываться новые группы и партии, претендовавшие на главенствующую роль в революционном процессе. Таковым было движение *MIR*, ставшее частью общеконтинентального процесса создания одноименных партий, провозглашавших цель континентальной революции и критиковавших традиционные левые партии за реформизм и европоцентризм. Боливийское *MIR* было создано в 1971 г. Инициатором его создания стала *Espartaco*. Само название *MIR* вызывало некоторые сомнения: существовали широко известные чилийский, перуанский и венесуэльский *MIR*, которые выступали исключительно за вооруженную борьбу, что не имело места в боливийском случае. Генеральный секретарь *Espartaco* Пабло Рамос Санчес все же настоял на этом названии, которое было символическим для «новых левых» в Латинской Америке.

В качестве второй составляющей *MIR* выступила *PDCR*. В основном это была студенческая группа [11, p. 50]. После событий герильи в Теопонте она резко радикализировалась и искала союза с другими революционными силами, чтобы создать «политико-военный авангард» рабочего класса в борьбе за национальное освобождение и социализм. Революционные демокристе критически относились к коммунистам и троцкистам, считая их замкнутыми объединениями, неспособными к руководству массами. *PDCR* видела в студенческой молодежи главный субъект революции и ее руководящую силу [12, pp. 28-31].

25 мая 1971 г. был создан Комитет революционной интеграции *MIR*. Его задача состояла в подготовке учредительного съезда движения на основе идеологического единства, которое должно было определяться через газету *Vanguardia*. В его состав вошли *PDCR*, *Espartaco* и независимые марксисты, среди которых уже в то время выделялся будущий лидер партии Хайме Пас Самора (1989—1993 гг.). В состав членов организации также вошел и Рене Савалета Меркадо. В 60-е годы Пас Самора, находясь в Европе, испытал влияние идей Мао Цзэдуна. По возвращении в Боливию он входил в маоистскую группу «Сталин» (*Stalin*), но впоследствии разочаровался в маоизме. Лидер маоистской компартии Оскар Самора приходился ему дядей. Другим его дядей был Виктор Пас Эстенссоро, несколько раз занимавший пост президента Боливии. Его младший брат Нестор присоединился к герилье в Теопонте, где и погиб [13, р. 82]. Помимо Паса Саморы в группу независимых марксистов — основателей партии, имевших личный опыт европейского 1968 г. и привнесших в Боливию новые подход к марксизму, проблематику и дискурс, входили Кармен Перейра и Рикардо Наварро. На тот момент крупнейшей фигурой в новой партии был Хорхе Риос Даленс, убитый в 1973 г. в Чили после переворота Аугусто Пиночета [10, р. 69].

Новая партия объявила себя марксистским-ленинским авангардом пролетариата в борьбе за социалистическую революцию. В заявлении ее комитета говорилось: «Мы, христиане и марксисты, должны создать революционный инструмент, благодаря которому насилие масс станет катализатором народного восстания» [12, р. 39]. Среди членов *MIR* особый интерес вызывали работы западных последователей марксистских идей, прежде всего, идеи Антонио Грамши. Для некоторых из них, например, для Савалеты Меркадо, последний стал путеводителем в погружении в марксизм, который подчеркнуто называли «критическим марксизмом», то есть неортодоксальным [14, р. 16]. Марксизм Савалеты был ленинизмом, дополненным грамшианством и наоборот [15, р. 163]. Более того, со временем его марксизм превратился в своего рода местный (боливийский) марксизм. И если это постепенное «завоевание» марксизма одних привело к новым идеям западных левых, то других, например, того же Савалеты Меркадо или Рамоса Санчеса — к укреплению более традиционного, почти ортодоксального спектра марксистских взглядов; правда, путь к ним пролегал через освоение работ Грамши и Альтюссера.

Учредительный съезд *MIR* не удалось провести из-за правого военного переворота Уго Бансера Суареса (1971—1978 гг., 1997—2001 гг.), произошедшего в августе 1971 г. [16, р. 24]. Однако 7 сентября 1971 г. комитет в подполье постановил, что *MIR* уже создан и начал формировать сеть подпольных ячеек [17, р. 4]. В партии сложилась специфическая ситуация: лидеры из *Espartaco* оказались в эмиграции, в основном в Чили, в стране остались бывшие члены *PDCR* и независимые во главе с Пасом Саморой. У нее не было единого лидера, и это было обусловлено принципиальными соображениями о новом типе политической организации, преодолевающей недостатки традиционного вертикализма и каудильизма. Партией руково-

дила коллегия из трех человек — Хайме Паса Саморы, Антонио Аранибара и Оскара Эида Франко. Такое положение просуществовало до 1984 г., впрочем, с 1986 г. единоличное лидерство Паса Саморы стало неоспоримым.

Оставшиеся в стране Пас Самора и Аранибар выступали за вооруженное свержение диктатуры, за переворот, но не за социальную революцию. Эти идеи были положены в основу их воззвания «Стратегия борьбы *MIR*». Пас Самора предлагал союз с антибансеровскими военными, поддерживая возможный переворот. Против этой путчистской линии выступили находившиеся в эмиграции в Чили П.Рамос Санчес, Р.Савалета Меркадо и А.Куахара. Они выступили с документом «Против националистической стратегии *MIR*», в котором отмежевались от тезисов Паса Саморы, обозначив первый раскол в истории движения [18, р. 40]. Их фракция не смогла оформиться в отдельную организацию, поскольку многие ее члены вступили в *PCB* (Р.Савалета, А.Куахара и др.). Дульфредо Руа сначала также вступил в *PCB*, но затем воссоздал *Espartaco (MRE)*, которое в 1984 г. вошло в Соцпартию-1 (*Partido Socialista-1, PS-1*). Кроме того, в 1972 г. Пас Самора настоял на том, чтобы подпольный комитет *MIR* принял резолюцию, согласно которой действительными считались исключительно решения партии, принятые руководством, находящимся на территории Боливии, без учета мнения эмигрантов, что стало еще одним знаком раскола.

В начале 1970-х *MIR* позиционировала себя как ядро «военно-политического авангарда», способного повести массы к социализму и национальному освобождению, подчеркивая свою приверженность насильственным революционным действиям [16, р. 22]. В движении заявляли, что оно представляет собой попытку преодолеть ограниченность «научного социализма», успешного только в теории, и «революционного национализма», имевшего богатую политическую практику; *MIR* — это народная и революционная альтернатива [17, р. 4].

С самого момента стратегия партии строилась на сочетании разнонаправленных тенденций и идей. Это касалось и вопроса революционной борьбы. Аранибар заявлял, что партия является авангардом рабочего класса и выражает интересы пролетариата, а Куахара утверждал, что главной силой революции станет крестьянство. В этот период *MIR* была очень радикальна. Уже тогда выделились два крыла: одно — с революционными марксистскими убеждениями, второе — правое, социал-демократическое и склонное к старой креольской политике верхушечных альянсов [19, р. 235]. Одной из особенностей *MIR* был тот факт, что через нее прошли многие политические лидеры страны поколения конца XX — начала XXI в. левоцентристского направления [18, р. 85].

Помимо *MIR* к «новым левым» следует отнести *PS* М.Кироги Санта Круса. Этот яркий представитель «новой левой» вышел из политического круга самых реакционных сил, поддерживавших режим Рене Баррьентоса Ортуньо (1964—1969 гг.). Однако он прошел удивительную эволюцию к социализму и марксизму. Идеиная платформа Кироги базировалась на возрождении духа Национальной революции, антиимпериализме и «подлин-

ном революционном национализме» [20, р. 32]. Этот боливийский политик склонялся к синтезу марксизма и национализма, и было неудивительно, что он высоко оценивал идеи «левого перонизма» в Аргентине, особенно, Хорхе Абелардо Рамоса. Кирога считал необходимым создать течение «национальной левой», которая в первую очередь будет «революционной левой». В июне 1968 г. он приходит к убеждению о своевременности создания такой партии в Боливии. Пришедшие в 1969 г. к власти военные-реформисты во главе с генералом Альфредо Овандо Кандиа (1969—1970 гг.) обратили внимание на яркого политика, отличавшегося левыми радикальными заявлениями, и Кирога стал министром горнорудной промышленности.

Созданная Кирогой в начале мая 1971 г. на съезде единомышленников *PS* заявляла о себе как о партии революционного авангарда: «Это — новая идеология, идеология класса трудящихся, это — новое главное действующее лицо — рабочее движение, это — новый освободительный проект — социализм, это — новый инструмент революционной борьбы и революционных действий — Социалистическая партия Боливии». Такой вариант социализма состоял в новой «народной институционности» — в «демократическом режиме масс и ликвидации бюрократической диктатуры при сохранении политического плюрализма» при опоре на «социалистические формы производства». Партия заявляла, что является участником общеконтинентальной социалистической революции [20, р. 385].

На учредительный съезд соцпартии приехало впечатляющее число делегатов со всей страны — 573 человека. Это было слияние четырех организаций, крупнейшей из которых была левонационалистическая Группа Фронта рабочего революционного действия (*Grupo FARO*) во главе с министром здравоохранения в правительстве Торреса Гильермо Апонте Бурела. Новая партия представлялась перспективной альтернативой «старым левым». К социалистам ушли многие члены других левых партий и даже часть правых фалангистов [21, р. 303].

После переворота Бансера в августе 1971 г. и установления террористической диктатуры левые силы переживали кризис. Тем не менее у многих левых сохранялась иллюзия способности к вооруженному сопротивлению. Социалисты, миристы и *ELN* совместно с бывшими деятелями режима Торреса пытались договориться о координации действий по подготовке восстания. Этот курс на революционный переворот активно поддерживали кубинцы, о чем в феврале 1971 г. советскому посольству заявил секретарь ЦК кубинской компартии Хесус Монтане Оропеса [22, л. 209]. Однако репрессивные силы режима были сильнее, а подполье — дезорганизовано.

Социалисты, как и коммунисты, характеризовали режим Бансера как фашистский, но опять же, как и коммунисты, отвергали фокизм и герилью. Они провозглашали курс на подготовку вооруженного восстания для решительного удара по диктатуре в союзе с другими левыми партиями при руководящей роли пролетариата, признавая плюрализм и большие идеологические разногласия в лагере боливийских левых [23, л. 286]. Специально

оговаривалось, что восстание может произойти только при наличии объективных и субъективных условий.

В ноябре 1971 г. в Сантьяго-де-Чили боливийские левые, в том числе социалисты и миристы, создали Революционный антиимпериалистический фронт (*Frente Revolucionario Antiimperialista, FRA*), принявший стратегию вооруженного сопротивления диктатуре. В 1972 г. представительная делегация *FRA* была принята и поддержана Фиделем Кастро, пообещавшим политическую и материальную поддержку. Куба обязалась поставить оружие, договорившись с чилийцами, которые взяли на себя обеспечение транзита [24, л. 131-132]. После этой поездки партии *FRA* должны были, в соответствии с договоренностями с кубинцами, организовать вооруженные действия. Следовало решить следующее: какие партии выдвинут бойцов, в каком районе и под чьим командованием они будут действовать, каков будет общий план операций [25]. На эти вопросы члены *FRA* не смогли дать четкого ответа, и под грузом внутренних противоречий и разногласий данное объединение вскоре перестало существовать.

Период диктатуры и подпольного существования новых и старых левых партий, многие лидеры которых были вынуждены отправиться в эмиграцию, привел к их идейно-политической трансформации, к расколам и принятию новых программных тезисов. Часть молодых миристов, оказавшись в эмиграции в Европе, поступила в Лувенский университет в Бельгии, являвшийся бастионом христианских демократов [10, р. 102]. Их деятельность и теоретический вклад в новую доктрину *MIR* были значительны и оказались схожими с эволюцией Паса Саморы, отказавшегося от идей революционного насилия и вовлеченного в политический круг европейской социал-демократии (впоследствии он был избран вице-президентом Социал-демократии). В результате партия выработала реформистскую программу, что усилило тенденции к расколу и уходу революционного левого крыла.

Начало 1980-х годов ознаменовалось возникновением мощного массового индейского движения — катаризма, названного так по имени Тупака Катари — вождя крупнейшего индейского восстания XVIII в. Оно зародилось в конце 60-х годов в среде интеллектуалов-индеанистов. Это был вариант «новых левых» с особым этническим и социальным содержанием. В 1973 г. движение выпустило «Манифест Тиуанаку», в котором впервые ставились задачи национально-экономического освобождения индейцев в союзе с рабочим классом и беднейшими средними слоями. Катаристы считали себя частью общенационального движения за социальное освобождение, выступавшего за «включенность» индейского населения в новое мультикультурное общество Боливии, за крестьянский социализм [26, р. 187].

В 1979 г. катаристам удалось создать Единую профсоюзную конфедерацию крестьян Боливии (*Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia, CSUTCB*) во главе с Хенаро Флоресом Сантосом, действовавшую в союзе с левыми партиями. Катаристская программа предусматривала построение децентрализованного и самоуправленческого государства, опирающегося на объединения ассоциативного труда и проф-

союзы, которым отводилась роль новых органов власти [27, р. 17]. Идеи катаризма представлялись полезными миристам, искавшим контактов с последним [18, р. 92]. Результатом такого взаимодействия стала интеграция лидеров катаристов в креольскую политику, что проявилось в их редкой политической неразборчивости — предпочтении союза с более сильными, нежели *MIR*, партиями.

НА ПУТИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ

В результате объединения антидиктаторских сил в период диктатуры Бансера родилось Демократическое и народное единство (*Unidad Democrática y Popular, UDP*). Формально оно было создано после подписания так называемого Пакта Каракаса — соглашения левого крыла *MNR*, ставшего самостоятельной партией — Левое националистическое революционное движение (*Movimiento Nacionalista Revolucionario de Izquierda, MNRI*), — во главе с экс-президентом Эрнаном Силесом Суасо (1952, 1956—1960, 1982—1985 гг.) и *MIR* Хайме Паса Саморы. К этому соглашению присоединились коммунисты, а также другие левые партии и движения. Как откровенничал впоследствии Пас Самора, он пошел на альянс с *MNRI*, поскольку только в этом союзе видел возможность оказывать влияние на крестьянство, а союз с *PCB* являлся средством связи с рабочим классом, главным образом горняками, чего невозможно было бы достичь, используя возможности *MIR* [13, р. 85].

В июле 1979 г. состоялись всеобщие выборы. Левые были представлены в победившей коалиции *UDP*. Вне блока осталась *PS* Марсело Кироги Санта Крус. В 1978 г. социалисты раскололись: левое крыло партии во главе с Кирогой создало *Partido Socialista-I (PS-I)*, а правое во главе с Гильермо Апонте сохранило прежнее название. На выборах последнее присоединилось к *UDP*. *PS-I* отказывалась входить в блок, так как видела в нем переиздание «революционного национализма». Сами же социалисты порывали с политическим прошлым, говорили о будущих «возможных социализмах» в Боливии. Кирога предлагал левым объединяться вокруг его партии, оставив в прошлом старые обиды и разногласия [28, р. 415]. Перед лицом реальной угрозы прихода к власти *UDP* по результатам всеобщих выборов самые реакционные военные во главе с генералом Луисом Гарсиа Месой (1980—1981) 17 июля 1980 г. совершили государственный переворот (его еще называют «кокаиновым», поскольку он происходил при активной поддержке наркомафии). В его ходе был убит, в частности, М.Кирога Санта Крус.

В период наркодиктатуры лидер миристов Пас Самора по предложению панамского правителя генерала Омара Торрихоса, дружившего с Уго Бансером и высоко ценившего националистические взгляды последнего, пошел на переговоры со своим лютым врагом и бывшим диктатором с целью создать союз для свержения режима Гарсии Месы [18, р. 108]. Пас Самора уже тогда не видел никаких идейно-политических преград для соглашений любого рода.

После ряда переворотов и контрпереворотов военные передали власть *UDP*. Единство альянса удалось поддерживать очень недолго: *MIR* вышла из правительства. Политические кульбиты Паса Саморы не устраивали многих в партии, от которой откололся ряд групп. Движение распалось: за правым социал-демократическим, либеральным крылом во главе с Пасом Саморой пошла большая часть партии; левые создали две группы: Движение свободная Боливия (*Movimiento Bolivia Libre, MBL*) во главе с Аранибаром собрало все самые интеллектуальные кадры старого *MIR*; другая — синдикалисты, возглавленные Вальтером Дельгадильо — создала объединение *MIR-Masas*. Крах политики *UDP* привел к досрочным выборам 1985 г. На выборах Пас Самора стал третьим с 8,84%. Левым досталось не более 2,2% голосов. Это был неутешительный итог правления левоцентристской коалиции *UDP*.

ОТ «НОВЫХ ЛЕВЫХ» К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Изменение настроений в обществе, общее поправение масс и дискредитация самой идеи левонационалистического варианта развития при сотрудничестве марксистских партий и профсоюзов привели к глубокому кризису на левом политическом фланге. Множились расколы в старых партиях, возникали и исчезали новые группы и блоки партий. В действительности все левые искали новые инструменты в политике в условиях не только своего поражения на выборах, но и при фактической ликвидации профсоюзов горнорудных рабочих — бастиона левых партий.

Крах *UDP* стал концом не только всех «старых» левых Боливии, но и «новых левых» партий. С проведением правительством В.Паса Эстенсоро неолиберальной политики влияние «социал-демократической» партии *MIR*, политический проект которой разделяли многие боливийцы, было подорвано тем, что она молчаливо приняла общий экономический курс. Переход *MIR* в категорию институционных партий, готовых на самые невероятные компромиссы и союзы, не мог не привести к выходу из нее левых фракций, которые ставили задачу вернуться к прежним идеалам и вновь объединиться под революционными знаменами [29, p. 64].

То, что осталось от прежнего объединения *MIR* — Левое революционное движение — Новое большинство (*MIR—Nueva Mayoría*) Паса Саморы, — эволюционировало в сторону популизма, сохранило социал-демократический курс, при этом вступая в беспринципные союзы с правыми партиями [30, p. 136]. Объединение покинуло левый лагерь. Пас Самора выдвинул идею «боливийской трансформации», включавшей в себя и наследие прошлых революционных теорий, и прагматический взгляд на «новую проблематику», которая никак не была связана с идеологией партии и не вытекала из ее программы, а представляла собой широкий процесс постоянных и прогрессивных изменений. Лидер *MIR—Nueva Mayoría* признавал, что четкого представления о том, какую демократию надо создавать, не существует — «оно появится само в процессе политического развития» [31, pp. 147-149]. Он открыто заявлял о своем полити-

ческом прагматизме и «всеядности», якобы при сохранении верности прежним, левым идеалам. С середины 1980-х Пас Самора провел полную «деидеологизацию» партии.

Перед угрозой усиления оппозиции в обществе в отношении системы «пактовой демократии», одним из основателей которой был *MIR—Nueva Mayoría*, и перед лицом появления нового гегемона в боливийской политике — политического индеанизма — Пас Самора сделал поворот влево: он выступил с новым политическим проектом «тотальной (целостной) Боливии», проектом создания политического инструмента, который включал бы в себя все социальные и этническо-культурные группы в общем деле строительства новой страны. Понимая, какие политические тренды преобладали на тот момент, Пас Самора объявил о том, что «двери» партии открыты для индейской молодежи [18, р. 91]. Однако было поздно, потому что эту задачу уже решили другие политические силы, а *MIR—Nueva Mayoría* и сам Пас Самора исчезли с политической сцены.

Один из последних осколков «новых левых» — *MIR-Masas* В.Дельгадильо — пытался вернуть революционное содержание объединения. Целью этой партии было создание нового социал-революционного блока как прообраза общей левой партии [32, pp. 73-74]. В программе, принятой в марте 1986 г., утверждалось: «Социал-революционный блок — это сложная и противоречивая система межклассового и межкультурного единства всех эксплуатируемых зависимым капитализмом классов и культур, то есть — рабочих, крестьян-кечуа, аймара, гуарани и других, а также средних слоев, которые связаны между собой экономическими, социальными, политическими и культурными интересами, входящими в единый проект национального и социального освобождения. Социал-революционный блок является материальной опорой народной воли, а следовательно — существенным фактором превращения боливийского пролетариата в национальный класс» [29, р. 30].

С конца 80-х годов левомарксистское крыло миристов потерпело поражение в собственном движении, пошло на союз с другими мелкими левыми партиями, прервав миристскую традицию «новых левых», но заложив при этом фундамент для появления совершенно нового, альтернативного традиционной политике объединения левого индеанизма, связанного с именем Эво Моралеса.

Созданная левыми миристами и коммунистами в феврале 1986 г. Ось патриотической конвергенции (*Eje de Convergencia Patriótica, ECP*) подвергла резкой критике исторический опыт боливийских левых, фокизм, электорализм и синдикализм [33, р. 28]. В программе этой партии были сформулированы принципы, которые отчасти будут положены в основу движения Э.Моралеса и эпохи «культурной и демократической революции» 2000-х годов. Речь шла о том, что помимо потерпевшей крах тактики левых, поражение переживали и формы революционной организации: партия, движение и единый фронт. Отсюда — предложение нового политического инструмента, свободного от бюрократизма и сектанства предшествующих форм организации. Руководство, авангард должны были играть

синтезирующую роль для автономного движения масс; предлагалось создать партию народных движений [33, pp. 35-37]. Это была важная декларация для понимания вызревания нового видения организации левых сил в новых политических условиях, что станет реальностью в XXI в.

Политическая смерть левых в 90-е вызвала к жизни новые антисистемные течения, опиравшиеся на крестьянское, индейское движение и городских интеллектуалов. В 1986 г. появляется марксистская группа Альваро Гарсии Линеры, будущего вице-президента страны, которая после поражения рабочего движения в эти годы ищет нового субъекта революции в лице индейского крестьянства [34, p. 112]. Не только Гарсия Линера, но и различные представители «новых левых» 60—70-х годов в условиях деиндустриализации и поражения обреризма в левом лагере обратили свои взоры к потенциально антисистемному и революционному классу — индейскому крестьянству. Бывший мирист и основатель *Espartaco* П.Рамос Санчес в 1989 г. призывал обратить внимание на индейские народы как на опору будущей революции. На первый план выходили ценностные и культурные факторы, солидарность и коллективизм индейцев, их противостояние постоянно внедряемому капитализмом индивидуализму. Эти левые ввели в оборот модное у латиноамериканских «новых левых» понятие «национального народного проекта». Данный термин использовали и Савалета Меркадо и Рамос Санчес, а затем он был принят всем левым флангом боливийской политики. Суть его состояла в противопоставлении «революционному национализму» *MNR* и классово-обреристскому подходу традиционных марксистских партий, коммунистов и троцкистов более широкого термина — «народный». Впоследствии этот термин был развит и преобразован Гарсией Линерой в понятие «плебейская Боливия». Отсюда — широкий, не классовый, но культурно-социальный подход к понятию «народ», объединившему все угнетенные и исключенные из системы группы населения. Именно эти исключенные группы признавались революционными силами, основой будущей народной власти [35, p. 187]. Идеино-политические поиски старых «новых левых» готовили почву для радикальной смены парадигмы боливийской политики, появления мощного левого движения в XXI в., возглавленного Эво Моралесом.

Вся история поражения левых в 80—90-е годы в Боливии, резкое изменение их социальной базы заставили искать новые формы и новые социальные группы поддержки. Исчезновение традиционного горнорудного пролетариата после фактической ликвидации этой отрасли переориентировало левые силы на иных угнетенных — индейское крестьянство, представлявшееся единственной силой, способной противостоять неолиберальному капиталистическому проекту. Переосмысление собственного опыта и теории революции дали неожиданно хороший результат, выразившийся в создании новых политических форм мобилизации и идейных основ движения, приведшего к власти правительство Моралеса, объявившего начало «демократической и культурной революции» в Боливии, начало эпохи «других новых левых».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Meza Bazán M. La Nueva Izquierda y la competencia por la revolución en el Perú durante el gobierno de Velasco. 1968 – 1975. *Izquierdas*. Santiago, 2020, N 49, pp. 3160-3204.
2. Thompson E.P. La Nueva Izquierda. *Contrahistorias*. 2010, N 14, pp. 79-94.
3. Terán O. Nuestros años sesentas. La formación de la nueva izquierda intelectual argentina, 1956-1966. Buenos Aires, Cielo por Asalto, 1993, 288 p.
4. Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano. Oscar Terán coord. Buenos Aires, Siglo XXI, 2008, 424 p.
5. Hall S. Life and Times of the First New Left. *New Left Review*. N61, 2010. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii61/articles/stuart-hall-life-and-times-of-the-first-new-left> (accessed 17.02.2021).
6. Jeifets V., Jeifets L. ¿Moscow, Beijing or Havana? The Conflicts within the Latin American Left around the insurreccional struggle. *Izquierdas*, Santiago, 2020, N 49, pp. 2752-2776.
7. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 50, Д. 692.
8. Mitre A. Consideraciones generales sobre las guerrillas de los años sesenta y setenta en América Latina. *Políticas de la Memoria*. N18. 2018/2019. Available at: <https://ojs.politicadela memoria.cedinci.org/index.php/PM/article/view/9> (accessed 18.02.2021).
9. Camacho Peña A., Camacho Calizaya F., Moeller Schroeter H. El MIR histórico en la recuperación y construcción de la democracia contemporánea. 1964-1984. S.l., Impresión digital SRL, 2018, 726 p.
10. Montaña Daza C. De Paz a Paz. Historia del MIR. La Paz, Bolivia Dos Mil, 1990, 202 p.
11. Suárez H.J. ¿Ser cristiano es ser de izquierda? La Paz: Muela del Diablo, 2003, 210 p.
12. Peñaranda del Granado S., Chávez O. El MIR entre el pasado y el presente. La Paz, Latina, 1992, 535 p.
13. Campero A. Jaime Paz Zamora. El pragmático que venció al idealista. *Nueva Sociedad*. N118, 1992. Available at: <https://nuso.org/articulo/jaime-paz-zamora-el-pragmatico-que-vencio-al-idealista/> (accessed 02.03.2021).
14. René Zavaleta Mercado. Ensayos, testimonios y re-visiones. Maya Aguiluz Ibarguen, Norma de los Ríos Méndez coord. México, Flacso, 2006, 296 p.
15. Tapia L. La producción del conocimiento local. Historia política en la obra de René Zavaleta. La Paz, Muela del diablo, 2002, 465 p.
16. El MIR construye una vanguardia. *Punto Final. Suplemento*. Santiago de Chile. N 157, 9 de mayo de 1972, pp. 22-24.
17. Bolivia Libre. Boletín informativo especial. Madrid, 1981 (mimeo), 4 p.
18. Brockmann E., Aparicio F. Partidos políticos y democracia. El MSM y el MIR bajo la lupa. La Paz, FES, 2012, 273 p.
19. Dunkerley J. Rebelión en las venas. La lucha política en Bolivia 1952-1982. La Paz, Plural, 2003, 478 p.
20. Rodas Morales H. Marcelo Quiroga Santa Cruz. El Socialismo vivido. La Paz, Plural, 2008, t. 2, 840 p.
21. Cajías L. Juan Lechín. Historia de una leyenda. La Paz, Los amigos del libro, 1994, 453 p.
22. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 63, Д. 721.
23. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 69, Д. 720.
24. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 64, Д. 686.
25. Trotskismo y lucha armada en Bolivia. Entrevista a Hugo González Moscoso. Entrevista realizada por Diego Cano. 22 de noviembre de 2009, Cochabamba, Bolivia. Available at: <http://www.cedema.org/ver.php?id=5016> (accessed 01.03.2021).
26. Rivera Cusicanqui S. Oprimidos pero no vencidos. Luchas del campesinado aymara y quechua. La Paz, Hisbol, 1986, 225 p.
27. Ley agraria fundamental. La Paz, s.d., 1984, 20 p.
28. Quiroga Santa Cruz M. Hablemos de los que mueren. México, Tierra del fuego, 1984, 420 p.
29. Teoría y acción. *Nueva época*. N3. I Congreso nacional. Tesis programática y resoluciones. La Paz, CONALFAP, 1986, 67 p.
30. Yaksic Feraudy F. La Izquierda en Bolivia: anacronismo o transformación. *Autodeterminación*. La Paz, 1988, N 5, pp. 131-136.

Андрей Щелчков

31. Paz Zamora J. Nueva mayoría y proyecto nacional del MIR en Bolivia. *Nueva Sociedad*. 1989, N 101. Available at: <https://nuso.org/articulo/nueva-mayoria-y-proyecto-nacional-del-mir-en-bolivia/> (accessed 03.03.2021).

32. Delgadillo W. En torno a la crisis, el proyecto de refundación capitalista-dependiente y las alternativas del movimiento popular. Reflexiones del movimiento obrero. La Paz, CUT, 1987, 80 p.

33. Teoría y acción. *Nueva época*. N 2. Propuesta del MIR Masas al Eje de Convergencia Patriótica. La Paz, CONALFAP, 1986, 90 p.

34. Stefanoni P. "Qué hacer con los indios..." Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz, Plural, 2010, 175 p.

35. Ramos Sánchez P. El proyecto nacional popular. La Paz: Andegráfica imp., 1989, 188 p.

Andrey A.Schelchkov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of RAS

Leninsky pr. 32a, 119334 Moscow, Russian Federation

Years of hope: the new left in Bolivia, 1960—1980

Abstract. This work is devoted to the emergence of the "new left" movement in Latin America in the 60s, considering as an example Bolivia. Here it is proposed to analyze the "new lefts" that arose as a result of the crisis of traditional orthodox Marxism and communism, and not those leftists that emerged on the continent after the collapse of the USSR and the dramatic changes in the left political space, the emergence of various variants of "socialism of the 21st century", also called "new". In Bolivia, the "new left" was formed from the search for a synthesis of Marxism and nationalism, the renewal of the ideas of socialism at the expense of Western, unorthodox Marxism, and an alliance with social Catholicism. All the political and ideological currents of the "new left" arose under the dominant influence of the Cuban revolution, the guerrilla of Che Guevara, "theology of liberation" and the "world revolution" of 1968. This phenomenon had a short existence, entering a deep crisis in the late 80s, but at the same time leaving a rich legacy for the next generations of the Bolivian left, and there is a clear continuity between the "new left" of the 60s and 70s and today's Latin American left

Key words: new left, Bolivia, left nationalism, Christian democratic, «Espartaco», MIR.

DOI: 10.31857/S0044748X0016571-7

Received 30.01.2021.

Р.В.Костюк

Левые социалисты в современной Латинской Америке: идеология и политика

Данная работа посвящена феномену левого социализма в странах Латинской Америки в текущий период. Показывается преемственность левосоциалистической идеологии и одновременно выделяются элементы ее новизны. Автор обращается к сюжетам, связанным с историческими аспектами деятельности радикальных социалистов в регионе. Рассматриваются различные формы их организационной деятельности, указывается как на примеры функционирования независимых левосоциалистических партий, так и на участие левых социалистов в более широких политических проектах. Важное место уделяется рассмотрению левосоциалистических предложений в политико-институциональной и социально-экономической областях. Здесь анализ подтверждает, что и сегодня радикальные социалисты продолжают находиться в политической зоне между радикальными левыми и социал-реформизмом. Автор приходит к выводу о том, что левые социалисты активно выступают за укрепление единства левых сил как в целом в Латинской Америке, так и на национальном уровне.

Ключевые слова: левые социалисты, Латинская Америка, политика, партия, идеология, демократия, единство.

DOI: 10.31857/S0044748X0016572-8

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

Исторически международное и, в частности, латиноамериканское левое движение представляет собой плюралистическую гамму, в которой сосуществует большое количество политических течений, тенденций и направлений. В XX в. и в международном, и в латиноамериканском левом движении доминировали социал-реформизм и коммунистическое направление. Сегодня положение дел стало еще более дифференцированным.

Руслан Васильевич Костюк — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <http://orcid.org/0000-0002-7396-9854>, rouslan_k@mail.ru).

При поддержке РФФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Левосоциалистический или радикально-социалистический сегмент никогда не преобладал, но неизменно присутствовал как неотъемлемая часть международного и латиноамериканского левого движения. Находясь в «промежуточном» положении между традиционным марксизмом-ленинизмом и классической социал-демократией, левосоциалистическая тенденция представляла и продолжает представлять собой довольно оригинальное направление левого движения.

Следует отметить, что ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет специальных комплексных работ, посвященных непосредственно как истории, так и актуальным аспектам деятельности латиноамериканского «левого социализма». Если в эпоху холодной войны за рубежом появлялись научные монографии или статьи, посвященные разным аспектам деятельности отдельных национальных партий левосоциалистического толка [1, 2, 3], то в XXI в. исследователи практически обходят тему, связанную с особенностями политической деятельности латиноамериканских социалистов на современном этапе, что и определяет уровень научной новизны данной статьи.

Автор данной статьи представляет читателям «комплексный портрет» современных латиноамериканских левых социалистов, показывая их особенности и выявляя основные черты, характерные для их нынешней деятельности и идеологии. Актуальность предлагаемой темы обусловлена особым местом, которое занимает левосоциалистический сегмент внутри современного левого движения Латинской Америки.

В данном материале автор использует методологию историзма. Учитываются также и методы контент-анализа и сравнительного анализа, без которых невозможно рассмотреть суть и особенности идеологии и деятельности радикальных социалистов в Латинской Америке. При работе над данным материалом автор также руководствовался принципами объективности и системности.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЛЕВОГО СОЦИАЛИЗМА»

Размежевание международного рабочего и социалистического движения на реформистское и революционное крыло, закрепленное образованием в 1919 г. III (Коммунистического) Интернационала, способствовало процессу идеологической самоидентификации левосоциалистического направления. Вне зависимости от его организационной принадлежности на протяжении XX — начала XXI вв. для левых социалистов в целом характерна приверженность определенным идейно-политическим постулатам.

Еще в межвоенный период левосоциалистическая доктрина получила название революционного реформизма, главным теоретиком которого был известный австрийский социал-демократ Отто Бауэр. Для радикальных социалистов было характерно следование тезису о «непротивопоставлении и, тем более, не антитезе революции и реформы...» [4, р. 68]. На протяжении XX столетия левосоциалистическая доктрина ассоциировала себя с марксистским учением и марксовской диалектикой. В первой половине XX в. многие левые социалисты разделяли коминтерновский постулат о том, что

«только советская и пролетарская демократия ведет практически к ликвидации государственной власти» [5, pp. 156-157]. В 1920—1940-е годы большая часть левосоциалистических партий исповедовала принципы диктатуры пролетариата, что сближало данный политический фланг с Коминтерном, руководители которого утверждали, что «все возможно только методами диктатуры пролетариата» [6, p. 86]. В эти десятилетия для революционного реформизма была характерна «ставка на приверженность делу диктатуры пролетариата и бескомпромиссной защиты рабочего класса». [7, p. 88].

Однако левосоциалистические теоретики подвергали критике реальную практику осуществления диктатуры пролетариата сначала в Советском Союзе, а затем в восточноевропейских странах, считая, что установление однопартийной диктатуры с господством правящей партии во всех странах общества противоречит подлинно социалистическим ценностям и марксизму как таковому. В целом твердо поддержав социалистический эксперимент на Кубе, левые социалисты были вынуждены констатировать, что утверждению социалистических принципов в кубинском обществе вредят однопартийная модель и копирование советской политической системы.

С конца 1960-х годов на первый план левосоциалистической политической доктрины выходит идея самоуправления. Как отмечал известный политический обозреватель Жиль Мартине, для радикальных социалистов была характерна «твердая вера в то, что именно самоуправление, социалистическое самоуправление находится в центре их политического проекта» [8, p. 54]. События 1968 г., разнесшиеся гулким эхом и по Латинской Америке, способствовали обращению многих левосоциалистических идеологов к теме самоуправления на производстве, способного, по их мнению, «примирить» плановые и рыночные начала в социалистической экономике. Выступая за расширение государственного сектора, усиление роли государства в финансово-банковской сфере и в стратегических секторах экономики, радикальные социалисты одновременно акцентировали внимание на необходимости развития коллективной формы собственности и кооперативов. В 1970—1980-е годы большинство левосоциалистических партий в мире и Латинской Америке выступали под лозунгами самоуправленческого социализма. В дальнейшем, во многом базируясь на идеях самоуправленческого социализма, левосоциалистические политики в Латинской Америке активно вели теоретические поиски в направлении демократии участия.

Внешнеполитическая повестка левосоциалистической идеологии также в определенной степени переплетается с коминтерновскими традициями. Еще в 1920-е годы революционный реформизм однозначно выступал за разрыв со всеми формами империализма и колониализма, в защиту Советской республики, за установление подлинно равноправных отношений между европейскими и неевропейскими странами. В контексте Западного полушария для латиноамериканских радикальных социалистов во второй половине XX в. были характерны твердый антиимпериализм (носивший практически всегда антивашингтонский характер), критическая солидарность с внешней политикой СССР, последовательная

солидарность с Кубой и левыми политическими режимами в карибско-латиноамериканской зоне.

РАДИКАЛЬНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ В ИСТОРИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

Анализируя исторические особенности деятельности левых социалистов Латинской Америки, следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении примеры показывают, что в XX в. на латиноамериканской почве левосоциалистические элементы нашли свое применение в рамках различных революционно-демократических проектов и экспериментов. Так, считая себя «хорошим марксистом и ленинцем, стоящим на реалистической точке зрения» [9, с. 234], Виктор Рауль Айя де ла Торре, основавший в 1920-е годы Американский народный революционный альянс (*Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA*), был согласен с теоретическими подходами Коминтерна к проблемам Латинской Америки [10, с. 15]. Вплоть до середины XX в. в масштабах Перу *APRA* представляла собой одновременно радикал-популистскую и левосоциалистическую силу, выступавшую за социалистическую национальную экономику, уважение прав коренного населения, установление государственного контроля над промышленностью и приоритет коллективной собственности в сельском хозяйстве.

Серьезный левосоциалистический компонент имелся и в действиях правительства Доминиканской революционной партии (*Partido Revolucionario Dominicano, PRD*) во главе с Хуаном Бошем (27 февраля — 25 сентября 1963). В 1960-е годы сам Х.Бош считался латиноамериканским революционным реформистом. В период его короткого президентства в Доминиканской Республике, благодаря действиям исполнительной власти, были расширены права рабочих, достигнута независимость средств массовой информации, вступили в силу новые законодательные права для женщин, молодежи и крестьян, был принят закон об отделении церкви от государства, происходила деполитизация вооруженных сил, были расширены общие гражданские свободы и ограничено право частной собственности в сельском хозяйстве [11].

Радикально-социалистическая тенденция соседствовала с национал-реформистской и популистской в годы реального доминирования в общественно-политической жизни в Панаме Омара Торрихоса (1968—1981), явившегося также основателем Демократической революционной партии (*Partido Revolucionario Democrático, PRD*). Безусловно, такие действия, как введение прогрессивного трудового кодекса, курс на создание рабочих мест и школ, перераспределение необработанной земли в пользу безземельного крестьянства, свидетельствовали как раз о сильной радикально-социалистической составляющей военно-популистского режима О.Торрихоса.

Находившийся после победы Сандинистской революции у власти в Никарагуа Сандинистский фронт национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*) проводил революционно-демократические преобразования в политико-институциональной, социальной и

экономической сферах. Объективно *FSLN* в 1980-е годы осуществлял именно левосоциалистическую политику, продвигая гражданские и трудовые права женщин, защищая светский характер государства, осуществляя антиимпериалистическую внешнюю политику, ликвидируя неграмотность в духе «культурной революции». Реализуемая сандинистами аграрная реформа подразумевала наличие государственного, кооперативного, коммунального (муниципального) и индивидуального секторов собственности. При власти *FSLN* были национализированы банки, национализирована и экспроприирована собственность у семьи Сомосы и их союзников [12].

В 1970—1973 — периоде нахождения у власти в Чили левого блока Народное единство (*Unidad Popular, UP*) — ведущее место в правительственном лагере принадлежало партии Сальвадора Альенде — Социалистической партии Чили (*Partido Socialista de Chile, PS*). Участвуя в деятельности Социалистического Интернационала, чилийская *PS* одновременно имела профиль революционной, марксистской и левосоциалистической политической силы, выступавшей за построение в Чили аутентичного социалистического общества. Как заявлял сам С.Альенде, «мы не намерены подражать ни Советскому Союзу, ни Кубе, ни Китаю. Мы намерены искать свой собственный путь...» [13, с. 126].

Данные примеры показывают, что, с одной стороны, глубокие внутриполитические перемены не носили интегрально левосоциалистического характера, но во всех указанных случаях радикально-социалистическая идеология присутствовала и наложила явный отпечаток на происходившие общественные изменения. Вместе с тем в эпоху холодной войны в Латинской Америке действовали также аутентичные левосоциалистические партии. Они не имели отношения к управлению, но сыграли немаловажную роль в истории левых сил в своих странах.

Так, к радикально-социалистическому спектру относились бразильская и уругвайская социалистические партии, принимавшие участие в противостоянии правым военным диктатурам и боровшиеся за единство левых и демократических сил в своих государствах. С левосоциалистических позиций в 1970-е — 1980-е годы выступало венесуэльское Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*), превратившееся к 1990-м годам во вторую по влиянию левую силу Венесуэлы и представлявшее «марксистское левое движение, ведущее борьбу за демократический социализм» [14, р. 30].

ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ЛИЦО СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ

В Латинской Америке XXI в. понятие «левые социалисты» что называется собирательное: выделяется несколько направлений партий и движений, которые можно в той или иной степени отнести к радикально-социалистическому спектру. Продолжают существовать традиционные левосоциалистические формации, политическое влияние которых не одинаково. Так, венесуэльское *MAS*, пережившее несколько внутренних расколов, сегодня не имеет ни одного законодателя, тогда как Бразильская соци-

алистическая партия (*Partido Socialista Brasileiro, PSB*), насчитывающая около 650 тыс. членов, имеет в своих рядах 32 депутата, 3 сенаторов, 3 губернаторов, более 300 мэров [15]. К влиятельным в своих странах партиям относится и уругвайское Движение народного участия (*Movimiento de Participación Popular, MPP*). Это — самостоятельные партии, не имеющие в организационном плане отношения к Социалистическому Интернационалу. Разумеется, по сравнению с 1970—1980 гг. политическая идеология таких «традиционных» партий претерпела изменения, но, как и в прошлом, они остаются в левосоциалистическом или левосоциал-демократическом спектре.

Первые два десятилетия XXI в. показали, что радикально-социалистические идеи оказали очень существенное воздействие на эволюцию левопопулистских партий и движений, оказавшихся у власти в Венесуэле, Боливии и Эквадоре. Многие левосоциалистические активисты приняли активное участие в деятельности этих сил в 2000-е и 2010-е годы, находясь, в том числе, на высоких партийных постах и в числе идеологов. Например, вице-президентом Боливии при Эво Моралесе (2006—2019) и, по сути, вторым человеком в иерархии правящего Движения к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) был открыто левосоциалистический интеллектуал Альваро Гарсиа Линьера. Сам Э.Моралес испытал значительное влияние радикально-социалистической идеологии, будучи убежденным, что «наихудший враг человечества — капитализм», провоцирующий «выступление против неолиберализма, который является представителем дикого капитализма» [16, p. 12].

В свою очередь программные установки созданной Уго Чавесом (2002—2013) и продолжающей оставаться правящей Единой социалистической партии Венесуэлы (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*) и правившего при Рафаэле Корреа (2007—2017) в Эквадоре альянса Гордая и суверенная страна (*Altiya y Soberana, PAIS*), а с 2018 г. — новой партии Р.Корреа — Гражданского революционного движения (*Movimiento Revolución Ciudadana, MRC*) в значительной степени пропитаны радикально-социалистическими постулатами, призванными соединить левопопулистские установки и принципы научного социализма.

Как и в других частях планеты, в XXI в. и в Латинской Америке действуют ассоциированные с международной социал-демократией партии, исповедующие преимущественно левосоциалистические принципы. И хотя с точки зрения реальной партийно-политической деятельности социалистические партии Чили и Уругвая имеют вполне умеренный, «левоцентристский» профиль, обе указанные партии принимают участие в действующем в глобальном масштабе левоцентристском Прогрессивном альянсе, чилийская соцпартия является членом Социалистического Интернационала (а уругвайские социалисты принимали участие в его деятельности вплоть до 2017 г.), в программно-политическом дискурсе обеих социалистических партий говорится о приверженности марксистской традиции, сохраняются четко антикапиталистические и антиимпериалистические принципы. На протяжении многих десятилетий идеология Социалистической партии Уругвая (*Partido Socialista de Uruguay, PSU*) «сохраняла свою антикапиталистическую направленность, нацеленность на защиту рабочих и крестьян...» [17, с. 17].

Наконец, левосоциалистический компонент довольно силен в деятельности и в идеологии новых альтернативных и радикальных левых объединений коалиционного типа, которые в 2010-е годы превратились в серьезных политических игроков, в частности, в Чили (Широкой фронт — *Frente Amplio*) и Перу (Широкий фронт за справедливость, жизнь и свободу — *Frente Amplio por Justicia, Vida y Libertad*). Разумеется, эти широкие фронты довольно плюралистичны в организационном плане, но их верность идеям партисипативной демократии, перераспределения благ и собственности, экологизма, феминизма, расширения прав автохтонных народов и т.д. свидетельствует о заметном влиянии радикальных социалистов на идеологию данных объединений. Утверждение, что «мы являемся радикальными этическими социалистами» [18, р. 8], также характерно для гуманистического «багажа» левых социалистов.

Очевидно, что современное «политическое лицо» радикальных социалистов в Латинской Америке весьма отличается от профиля марксистских партий прошлого, в частности, партий коминтерновской традиции: в этих партиях, как правило, отсутствуют жесткая дисциплина и нормы демократического централизма, не существует и подчинения латиноамериканских левых социалистов каким бы то ни было зарубежным центрам. Однако все же их организационный профиль представляется более четким и внятным, чем в случае с большинством классических левоцентристских партий.

ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ

Для всех без исключения левосоциалистических направлений тема широких политических преобразований во имя развития и совершенствования демократии играет важную роль. На протяжении XX в. во многих странах латиноамериканского пространства радикальные социалисты неоднократно подвергались политическим репрессиям со стороны реакционных и правых сил. Для многих левых, в том числе левых социалистов, «демократия означает защиту народов от авторитарных государств и репрессий» [19, р. 15].

Большая часть латиноамериканских левых социалистов поддержала процессы «боливарианских» или «гражданских» революций в Венесуэле, Боливии и Эквадоре прежде всего потому, что им импонировали цель разрыва с прежними институциональными порядками и задача глубокой трансформации либеральной демократии в сторону социалистической парадигмы государства. Принимая участие в деятельности правящих партий в указанных странах, радикальные социалисты, со своей стороны, делали акцент на внедрение норм базовой демократии. В то же время в некоторых случаях (пример венесуэльского *MAS* и части эквадорских левых социалистов) последовал отход от поддержки «революционных» правительств в знак несогласия с авторитарными тенденциями исполнительной власти. Но многим радикальным социалистам в Латинской Америке нравилось, что власть в Венесуэле и в союзных ей странах в результате радикальных преобразований была приближена к народу [20, р. 159].

Выступая прежде всего как защитники интересов трудящихся и, в частности, рабочего класса, латиноамериканские левые социалисты убеждены в том, что проблема демократии носит не абстрактный, а социально-классовый характер, и в большинстве стран их региона политическое устройство и государственные институты служат, главным образом, интересам имущих слоев населения. Как отмечает известный аргентинский левый экономист Клаудио Кац, «многие из нынешних режимов являются плутократическими, состоящими на службе капитала, и они полностью отделились от реальной демократии» [21, р. 34]. Твердо выступая в поддержку свободы слова и мнений, многопартийности и плюрализма СМИ, радикально-социалистическая идеология исходит из тезиса о недостаточности «формальной» буржуазной демократии, что в определенной степени роднит такую точку зрения с пониманием, характерным в прошлом для II Интернационала и Коммунистического Интернационала.

Новейшим же индикатором, характеризующим современные политико-институциональные подходы левых социалистов Латинской Америки, является их твердая ориентация на партисипативную демократию. К слову, этот момент также важен в понимании того «духа солидарности», который изначально сформировался у большинства левых социалистов в отношении левопопулистских режимов: «Одним из центральных направлений политических реформ и государственной демократизации радикальных левых правительств является продвижение основ партисипативной демократии» [22, р. 4803]. Левые социалисты выступают за соединение продвигающей и партисипативной демократии с социальной динамикой и классово-борьбой [23, р. 6].

Отметим также, что важной частью «политической повестки» латиноамериканских радикальных социалистов является борьба за расширение как гражданских, так и социально-экономических прав «уязвимых» категорий населения — коренных народов, афроамериканцев, женщин и т.д. Но данный момент не ставит под сомнение общее для большей части радикально-социалистических сил положение о необходимости борьбы за принципиальное преодоление актуальных политико-государственных форм в пользу подлинно народной демократии участия. С точки зрения левых социалистов именно государство является главным организатором и рычагом таких преобразований. В программе чилийского *Frente Amplio* к всеобщим выборам 2017 г. подчеркивалось: «Крайне важно, чтобы государство взяло на себя роль главного гаранта эффективного осуществления политических прав, поскольку оно является единственным субъектом, который может принять на себя их полную юридическую силу» [24, р. 239].

С точки зрения тех установок, которые в прошлом определяли политическую идеологию II и III Интернационалов (пролетарская революция, ниспровержение капитализма, диктатура пролетариата и т.д.), сегодняшние подходы латиноамериканских левых социалистов к политико-институциональной сфере не выглядят столь радикально. Однако, оставаясь верными методологии революционного реформизма, радикальные социалисты Латинской Америки и сегодня настроены на глубокую трансформацию существующих порядков в сторону подлинно социалистического общества.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА: ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ

Большинство представителей левосоциалистических формаций Западного полушария остаются принципиальными противниками рыночного капитализма во многих его проявлениях. Как и на протяжении XX в., они выступают в защиту общественного сектора, за усиление государственной и кооперативной форм собственности. В частности, как говорится в тексте Программы *PSB*, «в процессе последовательного обобществления средств промышленного производства мы начнем с основных отраслей экономики» [25, р. 3]. Вместе с тем радикальные социалисты подчеркивают, что «транснационализация капитала и его производительных системных сил приводит рабочий класс к борьбе против приватизации воды, нефти, газа, к борьбе за право на труд, сокращение рабочего времени и рабочих дней, за расширение социальных прав» [26, р. 2218].

Не ставя под вопрос собственно рыночную экономику как таковую, социалистические партии Уругвая и Чили также, в свою очередь, прокламируют приоритетность общественных форм собственности. Для тех радикальных социалистов, которые сегодня объединены в альтернативные радикальные левые формации, более важным представляется развитие городских и сельскохозяйственных кооперативов, «индейской» народной собственности и т.д.

На практике в XXI в. многие левосоциалистические социальные и экономические идеи были осуществлены в Венесуэле и союзных ей странах оси «социализма XXI в.». В частности, речь идет о заметном расширении государственного сектора за счет стратегически важных отраслей экономики, природных недр, банковской сферы и кредита. Радикальные социалисты поддерживали эти «революционные реформы» и потому, что руководители данных государств открыто провозглашали необходимость разрыва с капитализмом. Как отмечал, в частности, Рафаэль Корреа в период своего президентства, «мы продолжаем борьбу за то, чтобы упразднить все формы трудовой эксплуатации с нашим социалистическим убеждением: превосходство человеческого труда над капиталом» [27, р. 7].

Социальные преобразования, предпринимавшиеся в странах оси «социализма XXI в.», также находили поддержку у левых социалистов. Как отмечает известный французский левосоциалистический публицист Жерар Филош, «социальная политика, осуществлявшаяся Чавесом и его единомышленниками в других государствах Латинской Америки, носит левое социалистическое содержание» [28, р. 33]. Широкомасштабные социальные программы, направленные на существенное уменьшение числа бедных и ликвидацию нищеты, повышение уровня жизни значительного числа трудящихся, преодоление неграмотности, расширение доступа обычных людей к рабочим местам, бесплатному и качественному здравоохранению и образованию — эти социальные преобразования, осуществлявшиеся в первые два десятилетия XXI в. в Венесуэле, Боливии и Эквадоре, — были одобрены большинством левосоциалистических партий и движений Латинской Америки.

Для традиционных социалистических партий, стоящих на левосоциал-демократической платформе, социальная политика очень важна, в том числе как маркер, отделяющий левых от правых и либералов. В этой связи можно отметить, что уругвайские, чилийские и бразильские социалисты последовательно выступают за совершенствование социальных прав трудящихся и трудовых коллективов, в защиту бесплатных форм образования, за принятие законодательных актов, способных обеспечить реальную «социализацию» автохтонного населения, женщин и молодежи.

Для радикальных социалистов свойственна глубокая, «фронтальная» конфронтация с правыми по социальной тематике. В программе перуанского *Frente Amplio* в данной связи говорится: «Государственная неолиберальная политика продвигает накопление капитала, старомодную иерархизацию общества, культурное отчуждение, потребительский индивидуализм и моральный консерватизм» [29, р. 6]. В качестве «социетальной» альтернативы консерватизму левые социалисты провозглашают модель равноправного и толерантного общества, выступая за решительную демократизацию жизни общества, поддержание культурного, гендерного и межрасового равноправия.

Проанализировав экономические и социальные установки современных латиноамериканских левых социалистов, необходимо подчеркнуть, что экономика и социальная сфера относятся к приоритетным сферам их мировоззрения. Общим положением для современных антикапиталистических левых и приверженцев радикальных левых идей и организационных форм является следование принципу разрыва с капитализмом. Однако, принимая во внимание верность радикальных социалистов приоритету общественного сектора экономики во всех его разновидностях, заметное отличие от прежней коминтерновской стратегии заключается в том, что латиноамериканские левые социалисты XXI в. не отвергают экономическую конкуренцию и не ставят вопроса о насильственной ликвидации капиталистического сектора и буржуазии как класса.

ЗА ЕДИНСТВО ЛЕВЫХ СИЛ НА ВСЕХ УРОВНЯХ

Исторически левосоциалистические партии выступали горячими адептами единства левых сил на всех уровнях — от местного до континентального и международного. Будучи твердыми приверженцами интернационализма, латиноамериканские левые социалисты и сегодня остаются сторонниками укрепления единства левых и левоцентристских сил.

В данной связи совершенно логично, что с самого начала существования Форума Сан-Паулу (*Foro de São Paulo, FSP*), вот уже три десятилетия объединяющего абсолютное большинство левых партий и движений Латинской Америки и Карибского региона, левосоциалистические силы оказались его активными участниками. С точки зрения радикальных социалистов *FSP* является важным рычагом в деле усиления кооперации между прогрессивными силами стран Латинской Америки в поисках общей левой альтернативы и единого ответа на угрозы со стороны крупного капитала и империализма.

Радикальные социалисты разделяют господствующий внутри *FSP* тезис о том, что единство левых и прогрессивных сил позитивно влияет на осуществление структурных реформ, реализация которых необходима для государств регионов, «чтобы привести нас к демократии, которая является партисипативной и играющей главенствующую роль как инструмент власти народа, который решит местные и национальные проблемы» [30, р. 2].

Однако нельзя сказать, что абсолютно все левосоциалистические силы Латинской Америки согласны с деятельностью *FSP*. Так, в 2019 г. *PSB* покинула ряды этой организации, протестуя против системной поддержки с его стороны исполнительной власти Венесуэлы во главе с Николасом Мадуро, которую бразильские социалисты упрекают в авторитаризме и третировании политической оппозиции.

Будучи принципиальными сторонниками единства левых и прогрессивных сил в латиноамериканском масштабе, левые социалисты, как правило, решительно выступают за единение левого фланга на национальном уровне. Фактически «быть левым социалистом в Латинской Америке означает быть поборником единства левых сил» [28, р. 34]. Конкретных примеров этого тезиса довольно много. В частности, в Уругвае *PSU* и левосоциалистическое *MPP*, по сути, являются самыми влиятельными субъектами в единой национальной левой коалиции — *Frente Amplio*. Кандидатами на президентских выборах от уругвайского *Frente Amplio* регулярно выступали социалисты или представители *MPP*. В Венесуэле и Эквадоре самостоятельные радикально-социалистические формации в своем большинстве в 2000-е и 2010-е годы принимали участие в широких политических союзах, оказывавших поддержку У.Чавеса, Н.Мадуро и Р.Корреа. В Аргентине левые социалисты поддерживали широкие левоцентристские проекты во главе с левыми перонистами.

В Бразилии представители *PSB* принимали участие в качестве министров во всех правительствах Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003—2010 гг.) и Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.). И даже с учетом последовавшего разрыва с Партией трудящихся (*Partido dos Trabalhadores, PT*) бразильские социалисты во втором туре президентских выборов в 2018 г. однозначно поддержали левого политика Фернанду Аддада: «В это трудное время в стране в условиях поляризации и с учетом национального единства демократических сил мы предлагаем преобразовать кандидатуру Аддада в кандидатуру демократического фронта, объединяющего личности и институты, защищающие демократию» [31].

«Новые» радикально-социалистические структуры — широкие фронты в Чили и Перу — более критично подходят к тезису о необходимости единства всех левых сил в своих странах. Отвергая необходимость организационного единства с социал-либеральными силами, чилийский *Frente Amplio* со своей стороны подчеркивает: «Мы верим в единство в разнообразии сил перемен, имеющих партисипативное, демократическое и плюралистическое измерение, способных действовать независимо от власти бизнеса» [32]. Вместе с тем, и «альтернативные» радикальные социалисты выражают готовность к сотрудничеству с более «системными» левыми силами в деле противостояния правым правительствам в их государствах.

Не ставя, как правило, напрямую задачи борьбы за социальную и политическую гегемонию в широком левом движении латиноамериканских стран, современные левые социалисты Латинской Америки в определенном смысле берут на вооружение коминтерновскую тактику середины 1930-х годов в том, что касалось Народного фронта [33, сс. 57-75]. При этом борьба за единство левых и левоцентристских сил со стороны латиноамериканских левых социалистов ведется также и в масштабах всего региона.

Левосоциалистическая тенденция, как мы видим, продолжает играть активную и деятельную роль внутри современного левого движения Латинской Америки. Речь не идет о гомогенном направлении, поскольку сегодня в регионе имеются собственные левосоциалистические партии, но радикальные социалисты представлены также в единых левопопулистских партиях и движениях, в ряде случаев играют решающую роль в традиционных социалистических партиях и также весьма активны в новых альтернативных объединениях экосоциалистического толка.

Левые социалисты, как и в прошлом, имеют сегодня богатый теоретический багаж, что действительно ставит их в политическом отношении между классическими радикальными левыми и социал-реформизмом. Их установки в политико-институциональной, социально-экономической и внешнеполитической областях имеют ярко выраженную антинеолиберальную ориентацию, что роднит сегодняшних латиноамериканских радикальных социалистов не только с их современными единомышленниками на других континентах, но и с антикапиталистической идеологией II и III Интернационалов. Левые социалисты и сегодня продолжают выступать за преодоление капитализма, но их революционность одновременно носит все же реформистский характер, что, разумеется, отличает их актуальную стратегию от подходов того же Коминтерна.

Приверженность методологии революционного реформизма делает современных латиноамериканских левых социалистов ярыми и принципиальными поборниками единства левых сил. Вместе с *FSP* они заявляют: «Наши силы продолжают работать над процессом социальной трансформации, чтобы достичь полной и окончательной эмансипации и чтобы построить подлинную систему региональной интеграции, чтобы способствовать сотрудничеству в рамках многополярного мира, в котором преобладает соединение сил, благоприятствующих народам» [34].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Gilbert D. *Sandinistas: the Party and Revolution*. Cambridge, Mass., USA, Blackwell Publishers, 1988, 252 p.
2. Nolan D. *The ideology of the Sandinistas and the Nicaraguan Revolution*. Miami, University of Miami, 1984, 203 p.
3. McCoy J.L. Venezuela's Movimiento al Socialismo: From Guerilla Defeat to Innovative politics. *Journal of Interamerican Studies and World affairs*, Vol. 31, 1989, Winter, N 4, pp. 243-245.
4. Ferrié Ch. *Le réformisme et la révolution*. La pensée, Paris, 2016, N 2 (386), pp. 64-77.
5. *Premier Congrès de l'Internationale Communiste*. Paris, 1919.

6. Broué P. L'histoire de l'Internationale communiste 1919-1943. Paris, Fayard, 1997, 1120 p.
7. Zorgbine Ch. L'Internationale socialiste : structure et idéologie. *Politique étrangère*, Paris, Vol. 34, 1969, N 1, pp. 81-107.
8. Martinet, J. La conquête des pouvoirs. Paris, Seuil, 1968, 188 p.
9. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка: Люди, структуры, решения. М., Политическая энциклопедия, 2019, 759 с. [Jeifets L.S., Jeifets V.L. Komintern i Latinskaja Amerika: Ljudi, struktury, reshenija [Comintern and Latin America: People, structure, solutions]. Moscow, Politicheskaia enciklopdia, 2019, 759 p. (In Russ.).
10. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Аяя де ла Торре – латиноамериканский коммунист? *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2011, № 6, сс. 14-15 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Aya de la Torre – latinoamerikanskii communist? [Haya de la Torre, A Latin American Communist?] *Electronic Educational and Scientific Journal "Istoriya"*, 2011, N 6, pp. 14-15. (In Russ.).
11. Lesis P. Juan Bosch, 92, freely elected Dominican President, Dies. *New York Times*, 02.11.01.
12. Sandinista Revolution. Available at: <http://vianica.com/go/specials/15-sandinista-revolution-in-nicaragua.html> (accessed 15.07.2020).
13. Григулевич И. Сальвадор Альенде. М., Молодая гвардия, 1974. 288 с. [Grigulevich, I. Salvador Allende]. Moscow, Molodaia gvardia, 1974, 288 p.
14. Arguedas, S. "Socialdemocracia" y "eurocomunismo" en América Latina. *Estudios Políticos*, México, 1978, N 3, pp. 29-31.
15. Nossa História. Available at: <http://psb40.org.br/quem-somos/nossa-historia-2/> (accessed 16.05.21).
16. Kozloff N. Revolution! SouthAmerica and the Rise of the New Left. New York, Palgrave Macmillan, 2008, 256 p.
17. Андреев А.С. Коминтерн и формирование идеологии левого движения Уругвая. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. М., 2021., т. 12, № 3(101), сс. 1-23. [Andreev A.S. Komintern i formirovanie ideologii levogo dvizhenija Urugvaja [The Comintern and the formation of the ideology of the left movement of Uruguay]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi jurnal "Istoriia"*. Moscow, 2021, t. 12, N 3(101), pp. 1-23. (In Russ.). DOI 10.18254/S207987840014873-9
18. FA. Ideario y Principios. Lima, FA, 2018, 36 p.
19. Carosio, A. Treinta años de democracia en América Latina. Procesos de democratización y amenazas. Documentos de trabajo, Caracas, 2014, 24 p.
20. Чавес Фриас У.Р. Строки размышлений Чавеса. М., Глобус, 2010, 563 с. [Chaves Frias U.R. Stroki razmyshlenij Chavesa [Lines of Chavez's reflections]. Moscow, Globus, 2010, 563 p. (In Russ.).
21. Katz C. Socialist strategies in Latin America. *Monthly Review*, New York, 2007. Volume 59, N4, pp. 25-41.
22. Kostjuk R. ¿Como democratizar el Estado? Las propuestas de la izquierda latinoamericana en el siglo XXI. *Izquierdas*, Santiago, 2020, N 49, pp. 4793-4817.
23. Maciás, D.A. Crisis or end of Socialism in Latin America? *Religación, Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. Quito, vol. 1, 2016, N 1, pp. 6-8.
24. El Programe de muchos. Santiago, 2017, 346 p.
25. Programa. Available at: http://psb40.org.br/cms/wp-content/uploads/2016/09/PROGRAMA_PSB.pdf (accessed 26.05.21).
26. Antunes R. Socialism, social Struggles and the new way of life in Latin America. *Direito&Práxis*, Rio de Janeiro, Vol. 8, 2017, N 3, pp. 2212-2226. DOI: 10.1590/2179-8966/2017/29906
27. Tortolano E. Revolution on March as Correa Makes History. *Tribune Magazine*, London, 30.04.2009.
28. Filoche G. L'Amérique latine : lieu qui bouillonne. *Démocratie&Socialisme*, Paris, 2015, novembre, p. 33-34.
29. FA. Programa. Lima, FA, 2018, 23 p.
30. 22nd Meeting of the São Paulo Forum: Final Declaration. Available at: http://forodesaopaulo.org/wp-content/uploads/2016/07/2016_07_20-FSP-Declaración-Final-2016_English.pdf (accessed 16.05.19).

Руслан Костюк

31. PSB declara apoio a Fernando Haddad no segundo turno. Available at: <https://pleno.news/brasil/eleicoes-2018/psb-declara-apoio-a-fernando-haddad-no-segundo-tur-no.html> (accessed 01.06.21).

32. Frente Amplio. ¿Quiénes Somos? Available at: <http://frenteamplio.cl/quienes-somos> (accessed 02.06.21).

33. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX века. М., *Латинская Америка*. 2014, № 5, сс. 57-75 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinoamerikanskije levye na puti k Narodnomu frontu v 30-t gody XX veka [Latin American Leftists on the way to the Popular Front in the 1930s]. Moscow, *Latinskaja Amerika*, 2014, N 5, pp. 57-75. (In Russ.).

34. Declaración Final de XXIII Encuentro del Foro de São Paulo. Available at: <http://forodesaopaulo.org/declaracion-final-del-xxiii-encuentro-del-foro-de-sao-paulo-managua-2017/> (accessed 17.03.19).

Ruslan V.Kostiuk (rouslan_k@mail.ru)
Doctor in history, professor, St Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Left socialists in contemporary Latin America: ideology and politics

Abstract. This scientific article is devoted to the phenomenon of left-wing socialists in modern Latin America. The article shows the continuity of the left-wing socialist ideology and at the same time highlights the elements of its novelty. The author turns to plots related to the historical aspects of the activities of radical socialists in Latin America. The author examines the various forms of organized activities of radical socialists, pointing as examples of the functioning of the independent left-wings socialist parties and the participation of left socialists in Latin American countries in broader political projects. An important place is given to the consideration of the left socialist proposals for politico-institutional and socio-economic areas. Here analysis confirms that today the radical socialists continue to be in the political area between the radical left and social reformism. The author comes to the conclusion that the left socialists actively advocate strengthening the unity of the left forces both in Latin America as a whole and at the national level.

Key words: left socialists, Latin America, policy, party, ideology, democracy, unity.

DOI: 10.31857/S0044748X0016572-8

Received 12.02.2021.

Hernán Camarero, Carlos M.Herrera

¿Un largo porvenir? Algunas notas sobre la historia de la izquierda argentina en tiempos recientes

Resumen. El trabajo explora el devenir de las principales corrientes de la izquierda argentina en los tiempos recientes. Nacidas a finales del siglo XIX, la izquierda conoció un poderoso desarrollo y tuvo una notable influencia en la vida política, social y cultural, pero no ocupó nunca posiciones de gobierno, a diferencia de los partidos homólogos en los países vecinos. El populismo significó un reto importante para sus estrategias y programas. La gran crisis en 2001—2002 ha llevado a nuevos desafíos políticos, como el ejercicio del poder a escala provincial o una duradera alianza de partidos trotskistas con cierto peso electoral.

Palabras claves: Argentina, socialismo, comunismo, centro-izquierda, trotskismo, populismo.

DOI: 10.31857/S0044748X0016573-9

Долгое будущее? Несколько заметок о современной истории аргентинских левых

В статье исследована эволюция основных течений аргентинских левых в современный период времени. Родившись в конце XIX в., аргентинские левые пережили период бурного развития и серьезно повлияли на политическую, социальную и культурную жизнь страны, однако никогда им не удавалось занять позиции во власти, в отличие от аналогичных партий в соседних странах. Популизм оказался важным вызовом для стратегии и программ левых. Мощный кризис, испытанный Аргентиной в 2001—2002 гг. сформировал и другие вызовы, такие как реализация властных полномочий на провинциальных уровнях, а также прочный альянс троцкистских партий с определенным электоральным успехом.

Ключевые слова: Аргентина, социализм, коммунизм, левоцентризм, троцкизм, популизм.

Статья поступила в редакцию 18.03.2021.

Hernán Camarero — doctor en historia, profesor titular, Universidad de Buenos Aires (<https://orcid.org/0000-0002-7002-6121>, hercamarero@gmail.com); **Carlos M.Herrera** — doctor en filosofía política, catedrático, CY Cergy Paris Université (<https://orcid.org/0000-0002-5876-1772>, Carlos.Herrera@cyu.fr).

La izquierda argentina se conformó rápidamente como identidad, no muy alejada de las otras temporalidades occidentales. Ya en la segunda mitad del siglo XIX, en parte favorecida por el intenso movimiento de inmigración europea, (en particular de aquellas víctimas de la represión sufridas por el movimiento obrero y socialista en países como Francia o Alemania, o aun, de manera algo más difusa, en España e Italia) surgieron un conjunto de importantes organizaciones obreras, de impronta política y reivindicativa, pero también cultural, que mantendrían contacto incluso con la I Internacional. Estas coagularon en poco tiempo en organizaciones partidarias, que, no sin intensos debates, decidieron actuar en el entonces limitado espacio democrático que el país ofrecía, a la par que se constituían en una intensa fuerza en el campo obrero. Estas fuertes luchas sociales terminaron por abrir el espacio institucional, pero ya antes, en 1904, el Partido Socialista hacía elegir al primer representante en un parlamento en todo el continente [1].

Con la violenta represión al movimiento obrero y a las fuerzas de izquierda (socialistas, anarquistas) que jalonan el primer Centenario se cierra un primer período de la historia de la izquierda en clave política. La ampliación del sistema democrático parecía abrir nuevas promesas, como lo anunciaban los triunfos socialistas en los comicios parlamentarios en la capital del país. Pero estos augurios se mostrarían engañosos en la primera elección presidencial que tuvo lugar en 1916. Tanto el presidencialismo como el sistema federal implicaban poderosas limitaciones para el avance de la izquierda en el ámbito político, sin olvidar que la represión armada podía actuar con la misma violencia, bajo un gobierno democrático, incluso con el concurso de fuerzas parapoliciales, como ocurrió entre 1919 y 1921, a lo largo de todo el país.

Con todo, esos años marcaron la declinación del anarquismo, así como de las ambiciones revolucionarias del *sindicalismo*. Pero aparecería un nuevo actor, el comunismo, visible sobre todo a partir del comienzo de la década de 1930, que dinamizaría el campo de la izquierda. La experiencia del radicalismo en el gobierno se cerraba en esos momentos, con un golpe militar que fracasaría en sus intenciones de construir un modelo corporatista, a tono con lo que acontecía en Europa, pero que restauraría un nuevo sistema limitado de ejercicio del poder por parte de las clases dominantes, que combinaba represión y fraude electoral. Sin embargo, al calor del desarrollo político del movimiento obrero, la izquierda, ahora en sus dos principales expresiones partidarias, recobraría nuevos bríos organizativos. No era ajeno a esta movilización social, que iba más allá de la lucha antifascista, que se produjera un nuevo golpe militar en junio de 1943. Su política intervencionista en el movimiento obrero sentaría las bases de lo que luego sería el peronismo. No sin contradicciones internas, se intentaba construir una nueva — más por su amplitud que por su carácter inédito— relación entre el Estado y los trabajadores, cuya eficacia aparecería ya una primera vez en febrero de 1946 con la amplia victoria electoral del general Perón.

El peronismo en el poder dio inicio a una crisis de las izquierdas que mostraría distintas facetas, pero afectaría sobre todo a su relación con los trabajadores. Su derrocamiento y la posterior proscripción del movimiento abrirían un interregno de tres lustros de gran inestabilidad, donde pronto se vió que la vieja izquierda había perdido su antiguo lugar en la nueva sociedad argentina, aun en una fase de amplia movilización de los trabajadores y de los

sectores juveniles de las capas medias. Podía decirse que eran estas luchas que habían terminado con la dictadura militar que, a partir de 1966 y con el inédito programa de la doctrina de la Seguridad Nacional, se había propuesto refundar el país. Ya habían aparecido por entonces nuevas organizaciones que replicaban los cambios que la lucha en el socialismo estaba viviendo a escala planetaria, y en particular continental con la victoria del movimiento castrista y su posterior conversión a un modelo “comunista”. En particular, la estrategia armada contará con importantes adeptos a finales de los años 1960 y principios de los años 1970, sobre todo provenientes del peronismo, el nacionalismo de izquierda y el guevarismo.

Parecía que las elecciones de marzo de 1973 y el esperado retorno del general Perón cerrarían la crisis abierta en 1955 “por izquierda”, puesto que el regreso al poder del peronismo se hacía con un discurso, más que un programa, de izquierda “nacional”. Pero en los escasos 49 días que duró el gobierno de Héctor Cámpora, esa primavera no conocería verano, ni quizás tampoco otoño, ya que el general Perón no tardó en renovar con la vieja represión hacia las organizaciones de izquierda, y no sólo armada.

Con el golpe militar de 1976 se abriría la etapa de mayor derrota de la izquierda argentina, al menos si se la mide en los términos de la represión que ocasionó y las consecuencias que tuvo para la recepción de un discurso de transformación en la sociedad. Esto se manifestó a las claras a partir de 1983, con el regreso de la democracia, siquiera por su peso electoral. Aunque muy rápidamente, la izquierda de inspiración marxista dará pruebas de una gran imaginación estratégica para superar la situación, dando lugar a una alianza inédita entre comunistas y trotskistas en 1985 y que se reeditará en ese lustro. También se ilustrará con la emergencia, en paralelo, de un partido trotskista masivo como el Movimiento al Socialismo (MAS).

Sin embargo, en el nuevo mundo que nació con la caída del muro de Berlín, la izquierda iba a sufrir un claro retroceso, que fue mucho más que el coletazo de la crisis mundial y cultural nacida del fin del proyecto soviético. La prueba fue la implosión del MAS, que obedecía también a rasgos propios de la propia corriente, cuyos signos había ya aparecido a finales de la década de los 1980. Sin embargo, el nuevo avatar del peronismo en el poder, el menemismo, que asumía un programa neoliberal con su tradicional discurso populista, significaba también un cambio en la estructura de la sociedad argentina, en particular respecto al lugar que había conservado hasta entonces el movimiento obrero industrial y sus modalidades sindicales.

De esas nuevas luchas, que abarcaban ahora trabajadores en el paro pero también poblaciones marginalizadas, surgió un nuevo actor social, el movimiento piquetero, de base territorial. La izquierda mostraba una vez más su capacidad para adaptarse a las nuevas formas de lucha, signadas por la emergencia de la pobreza como factor identitario de esos nuevos y eventuales sujetos del cambio social.

El estallido social que se produce en diciembre de 2001 será vivido por las izquierdas como una nueva oportunidad de entroncar su programa con las demandas de la sociedad, incluso más allá de los sectores populares y obreros. En efecto, la crisis materializada por el lema “¡qué se vayan todos!”, parecería marcar el fin del programa “progresista” que venía desarrollando la centro-

izquierda, en particular a través de las líneas social-demócratas que se desplegaban dentro del radicalismo y el peronismo, y podía alimentar la ilusión del agotamiento del modelo populista. Ambas vertientes se expresaban en las asambleas ciudadanas, fábricas recuperadas o en las organizaciones sociales que aglutinaban a los sectores más marginales de la sociedad. No faltaron observadores, sobre todo europeos, para ver en las nuevas formas de organización que surgían en esas luchas, en particular en el movimiento piquetero, la expresión de una nueva potencia transformadora, que algunos llegaron a parangonar con los Soviets [2].

Pero la victoria electoral del peronismo, en mayo de 2003, confirmaba que la crisis de hegemonía abierta comenzaba a cerrarse. El incipiente líder de esa corriente, que había llegado al poder aliado a uno de los sectores más conservadores del peronismo y que antes había dado muestras de su perfecta adaptación al modelo neoliberal (que lo había favorecido en el ejercicio del poder provincial en Santa Cruz a través de las regalías dadas por la privatización de la producción de petróleo), buscó construir desde el poder un discurso progresista que se fomentaba por un entorno latinoamericano calificado de “Left turn” por el ensayista mexicano Carlos Castañeda [3]. Dicho discurso comenzaba por la reivindicación de los movimientos peronistas de izquierda de los años 1970 y la lucha de los organismos de derechos humanos.

El objetivo de este artículo es examinar el devenir de las izquierdas argentinas, en sus distintas variantes y configuraciones, en los tiempos recientes, privilegiando en la lupa del análisis las últimas tres décadas. Antes que un relevamiento puntual y detallado de fuentes primarias, se propone aquí el diseño de algunas primeras observaciones sobre objetos de estudio que no han merecido mayor atención por parte de la historiografía. La relevancia de este planteo se refuerza con una firme vocación: el análisis ofrece una visión de todo el campo de las izquierdas, de manera global y relacional más que la exploración de algunas de estas corrientes en particular. El propósito de las páginas que siguen, entonces, es esbozar un primer mapa explicativo, que abone con su perspectiva el desarrollo de nuevos estudios específicos.

UN CONTINENTE PERDIDO: EL PARTIDO SOCIALISTA

El Partido Socialista era, sin duda, la organización que más había sufrido las transformaciones en el campo de la izquierda tras la experiencia gubernamental del primer peronismo (1946—1955) y la posterior emergencia de una nueva concepción de la transformación social alimentada por la Revolución Cubana [4]. Desde la normalización del sistema político argentino, en 1912, el socialismo se había constituido en la expresión determinante de la izquierda en el Parlamento — no tanto por el número de sus representantes, sino por la calidad de su trabajo legislativo, amén de la ausencia de otra fuerza de izquierda, a la par que había terminado por influir decisivamente en la central obrera reunificada en los años 1930 y algunos importantes sindicatos de trabajadores (aunque siempre en un marco de permanente inestabilidad por la rivalidad con otras fuerzas de prédica más revolucionaria que la suya). Pero la llegada del peronismo al poder lo desbancaría de esas instancias, y el debate interno que venía recorriendo el partido tras la muerte de su líder histórico, Juan B. Justo,

estallarará en una crisis definitiva en 1958, con la división del socialismo en dos organizaciones. Una de ellas, la más tradicional, adaptó su prédica a las evoluciones liberales de la socialdemocracia europea, llevando incluso su anticomunismo a colaborar con la dictadura militar de 1976. La otra ala intentó conciliar el antiguo proyecto reformista con las nuevas estrategias más radicalizadas, pero terminó astillándose en varios grupos, cada vez más intrascendentes tanto en el movimiento social como en el plano electoral [5].

Con el inicio de la transición democrática de 1982—1983, una de las fuerzas que reivindicaban la dilatada herencia socialista, asentada en Rosario, la tercera ciudad más importante del país, y sobre todo, con una consolidada presencia en la Federación Universitaria Nacional, comienza a destacarse por sobre los otros grupos, aunque más no fuera por el peso de su implantación territorial. En 1987 obtuvo una banca de diputado nacional y se afianzó definitivamente con la conquista de la intendencia de la ciudad de Rosario, dos años más tarde, que conservaría por tres décadas.

Aunque los intentos de reunificar la diáspora se multiplicaban al menos desde los años 1970, la elección presidencial de 1989 permitía nuevamente la presentación de una fórmula socialista, encabezada por Guillermo Estévez Boero, el líder de aquel sector provincial, y Alfredo Bravo, un viejo dirigente del sindicato de maestros, prestigiado por su martirio durante la última dictadura militar. Bajo la bandera de la “Unidad Socialista” reunió poco más de 200.000 sufragios, es decir, un módico 1,31 % de los votos a nivel nacional. Aquel porcentaje fue apenas superior a los de por sí magros resultados que se venían obteniendo sumadas las variadas expresiones del viejo tronco socialista que se habían presentado en los comicios presidenciales de 1973 y 1983.

En verdad, la pérdida de anclaje y de representatividad en los sectores sociales, sobre todo en el mundo del trabajo (siempre conservará, en cambio, cierto peso en el movimiento estudiantil), dificultaba toda implicación del socialismo partidario más allá de las citas electorales. Pero la identidad socialista como ideario reformista, cuyo alcance podía ir desde la probidad en la acción pública hasta el apoyo a la legislación social, pervivía en el imaginario argentino, sobre todo en los asentamientos urbanos, más allá de la debilidad organizativa.

El camino hacia una reunificación en un partido socialista único pareció allanarse, en buena medida gracias a las experiencias de gestión municipal y a la presencia de legisladores socialistas en las cámaras. Este proceso culminaría en septiembre del 2002 con la constitución de un nuevo Partido Socialista (PS) que lograba reunir a casi todos los grupos que se habían fragmentado en la gran diáspora de 1958. El renacido PS presentó la candidatura presidencial de Alfredo Bravo, acompañado por el presidente de la nueva fuerza Rubén Giustiniani, en las elecciones de mayo de 2003, las primeras tras las grandes movilizaciones sociales de la coyuntura 2001—2002. Pese al escenario favorable, los resultados serían similares a los obtenidos 14 años antes, asentando sus mayores apoyos en las ciudades de Buenos Aires y Rosario.

La unidad partidaria tampoco fue duradera. Atraída por las sirenas del poder, en una renovada clave populista, su ala izquierda, tal vez uno de los componentes más dinámicos y promisorios de la nueva fuerza en torno a la Federación de Buenos Aires, ingresó en el gobierno de Néstor Kirchner en mayo de 2007,

ocupando una posición ante todo simbólica y sin real peso o influencia en las políticas públicas.

La nueva fractura, empero, no impidió que el socialismo llegase ese mismo año a la gobernación de la Provincia de Santa Fe, con más del 48% de los votos. No sólo alcanzaba por primera vez el Ejecutivo de una de las principales regiones del país, sino que lo hacía en una provincia donde el peronismo venía ejerciendo un poder hegemónico desde la vuelta de la democracia. La victoria era de por sí un hecho inédito en la historia secular de la izquierda argentina, aunque lo hiciese integrando un frente con uno de los partidos más tradicionales del país, el radicalismo, e incluso con una vieja fuerza liberal. El nuevo gobernador era Hermes Binner, quien se había distinguido en la esfera pública como un eficiente intendente de la ciudad de Rosario desde 1995. Aunque la referencia al socialismo era más bien módica, incluso en su tradición nacional, estas experiencias se destacaron por las políticas públicas inclusivas en materia de salud, vivienda y participación, y por un ejercicio del poder honesto y prudente [6]. Conectaban así con la antigua política municipalista del viejo PS, que se había destacado otrora en la gestión de ciudades medias como Mar del Plata o Bahía Blanca ya en la primera mitad del siglo pasado. El socialismo ocuparía la gobernación de Santa Fe por tres períodos consecutivos y al primer mandato de Binner (2007—2011), le seguirían, ya con menos éxito, el de Antonio Bonfatti (2011—2015) y de Miguel Lifschitz (2015—2019), elección donde incluso no faltaron las acusaciones de fraude.

Finalmente, desgastado por el ejercicio del poder, en un contexto donde el narcotráfico se convirtió en un factor importante de la vida cotidiana, el socialismo perdió sus posiciones de gobierno en la provincia e incluso en su bastión rosarino. Esta larga experiencia del poder — 30 años de gestión municipal en una ciudad de un millón de habitantes, 12 años de ejercicio del poder en la tercera provincia en importancia del país — no generó nuevas perspectivas para el proyecto socialista debido a la debilidad ideológica intrínseca del núcleo del que saliera el nuevo Partido [7]. Sin embargo, le dio, pese a nuevas divisiones en el núcleo dirigente, un nuevo peso en el campo de la centro-izquierda. Ya en 2011, Binner había encabezado la fórmula presidencial de ese espacio, que, con el nombre de Frente Amplio Progresista, había enfrentado a la candidatura de Fernández de Kirchner, ocupando el segundo lugar, delante del ubicuo radicalismo y otras travestidas expresiones republicanas de la centro-izquierda, con el 17% de los votos y cerca de 3.700.000 de votos.

EL PARTIDO COMUNISTA: LAS DESVENTURAS DE UN MOVIMIENTO MENGUANTE

La otra gran referencia en el campo de la izquierda argentina fue representada por el Partido Comunista (PC), hoy en estado de ocaso e insignificancia.

El PC, surgido de un debate interno en el PS, fue expresión de aquellos “tiempos rojos” abiertos por la Revolución de Octubre en Rusia. Hacia mediados de los años 1920 el partido impuso la proletarización y la “bolchevización”, insertándose entre los trabajadores industriales y adoptando los criterios de la Comintern: se rearticuló en torno a células obreras formadas por militantes

entregados a la causa, que impulsaron la formación de sindicatos, colectividades de obreros inmigrantes e instituciones de la cultura proletaria [8]. Tras algunas crisis, a fines de esa década de 1920 el PC logró homogeneizarse en torno a un nuevo núcleo dirigente, polea de transmisión de las directivas cominternistas, y aplicando la estrategia combativa y sectaria de *clase contra clase*. Con el golpe militar de 1930, el PC vivió años de persecución y clandestinidad, con centenares de cuadros detenidos, torturados o deportados. En 1935 giró hacia la estrategia del *frente popular* antifascista y consolidó su programa de “revolución democrática agraria y antiimperialista”. El partido tuvo una gran expansión, sobre todo, dentro del movimiento sindical industrial (construcción, meta-lúrgicos, carne, madera, textiles, vestido), alcanzando desde 1939 la codirección de la Confederación General del Trabajo (CGT). Pero los comunistas perdieron influencia en la clase obrera con la emergencia del peronismo. El PC denunció la política de Perón como demagógica y fascista, y promovió la Unión Democrática en conjunto con socialistas y radicales. Tras las elecciones de 1946, debió procesar su fracaso metabolizando estos cambios en su XIº Congreso Nacional, donde caracterizó las perspectivas abiertas con el gobierno justicialista y abogó por la creación de un Frente de Liberación Nacional y Social [9], [10]. Mientras perdía parte de su composición obrera, la organización comenzó a tener hegemonía en otros sectores, creciendo su militancia en barrios, sociedades de fomento y comisiones populares contra la carestía, en el movimiento estudiantil, intelectual, cultural, de mujeres y de derechos humanos.

Tras el derrocamiento del peronismo, el PC tuvo expectativas de recuperar el espacio entre los trabajadores. Tras un inicial apoyo a Frondizi, el PC a través de la voz de su principal dirigente, Vittorio Codovilla, había descubierto un “giro a la izquierda” del peronismo y exploró la posibilidad de acuerdos con este [11]. Pero la vieja dirección sufrió impugnaciones internas, cuando sectores juveniles e intelectuales se volcaron a las heterodoxias bajo las huellas de la revolución cubana, las guerrillas y la revolución cultural china, sin olvidar los posicionamientos nacidos al calor de nuevas lecturas (en particular de Gramsci). Se sucedieron escisiones en el campo intelectual y, sobre todo, en la juventud que hacia 1968 conformó el Partido Comunista Revolucionario (PCR), el cual luego se identificó con el maoísmo y creció en la vanguardia obrera y estudiantil [12]. Si estas turbulencias cobraron vida era porque el PC había tenido en aquellos años un desarrollo grande entre los sectores medios y estudiantiles y en el campo intelectual-cultural [13]. Con la crisis definitiva del viejo PS, el PC se había convertido en el principal partido de la izquierda argentina, con un poderoso aparato de organización (especialmente en el aspecto financiero y editorial).

El levantamiento obrero y estudiantil conocido como “Cordobazo”, de 1969, abrió un nuevo ciclo de luchas populares y juveniles. En primer término, fomentó el desarrollo de la izquierda peronista y de otras corrientes izquierdistas (maoísmo, trotskismo, guevarismo), así como del “clasismo” en el ámbito sindical y la estrategia de la lucha armada, que descolocaron al PC. Junto a las posiciones cautelosas que tuvo ante el regreso del peronismo al poder y la constitución de una efímera alianza electoral con fuerzas de centro-izquierda (la Alianza Popular Revolucionaria, con la que se presentara a las elecciones de 1973), el PC se empeñó en hacer constantes llamados al respeto de la institucionalidad. Durante la dictadura de 1976—1983, el PC aplicó la línea de

la “convergencia cívico-militar”, es decir, se propuso hacer confluír los intereses de los partidos y de la sociedad civil con el sector supuestamente “democrático” y “antipinochetista” de las Fuerzas Armadas, que habría estado representado por el general Videla... Esta actitud política no evitó que el partido fuera objeto de la feroz e implacable represión y le acarreó luego un fuerte cuestionamiento de buena parte de su militancia [14].

Con el regreso de la democracia, si bien el PC conservaba un alto número de militantes, quedó desacreditado por su comportamiento vacilante ante los anhelados comicios de 1983, cuando retiró su candidatura presidencial propia para apoyar la fórmula peronista, derrotada, inesperadamente para sus cálculos, por el radical Raúl Alfonsín, la misma actitud que adoptó el maoísta PCR, bajo el nombre legal de Partido del Trabajo y el Pueblo (PTP). El PC fue incubando una crisis, pero se esforzó por contenerla mediante un giro a la izquierda. Ante las elecciones legislativas de 1985 construyó el Frente del Pueblo (FP) con el trotskista Movimiento al Socialismo (MAS) y algunos grupos peronistas, que cosechó un resultado modesto pero promisorio. Un año después, iniciadas las discusiones del XVI Congreso partidario, el viraje cobró nuevos bríos: se hizo una dura autocrítica por las posiciones frente a la última dictadura, se pretendió relanzar la lucha por la “conquista del poder” como objetivo estratégico y se atacó al sector que defendía las posiciones anteriores del partido. El PC reestructuró su dirección en torno a los cuadros de la Federación Juvenil Comunista de Patricio Echegaray, junto a algunos viejos dirigentes del Comité Central precedente [15, pp. 678-709]. La “vieja guardia dirigente” concluyó retirándose del partido. El PC parecía ganar con la renovación y a la vez perdía mucha militancia y pedazos del aparato partidario.

Tras la ruptura del FP un nuevo acuerdo con el MAS pudo ser posible, formando la Izquierda Unida (IU) para las elecciones presidenciales de 1989 (en las que algunas pocas izquierdas apoyaron al candidato peronista Carlos Menem, como el maoísta PCR-PTP. La creación de IU le permitió un nuevo respiro al PC, pues obtuvo resultados electorales expectables (unos 410.000 votos a presidente y 580.000 a cargos legislativos, el 2,5% y 3,5% de la totalidad de los sufragios emitidos, respectivamente). Parecía poder sobrevivir en el enfrentamiento a las políticas de Menem (como se evidenció en los cien mil manifestantes de la llamada “Plaza del No” en mayo de 1990). Pero al PC le resultó prácticamente imposible sobrellevar el derrumbe del muro de Berlín y la caída de la URSS. La ola de desmoralización fue inevitable, conduciendo a un debilitamiento extremo de la FJC y la casi virtual desaparición de cuadros obreros en el partido.

Desde mediados de los años 1990 la organización quedó amenazada por una tendencia a su disolución. La ruptura de la IU había lanzado al PC a una aventura electoral que por poco lo extingue: la formación del Frente Grande (FG), con sectores peronistas y de centro-izquierda. El partido fue casi conminado por sus aliados en el frente a disolverse. Varios dirigentes lo aceptaron y se desprendieron de una identidad que resultaba un lastre incómodo, pasándose a otras organizaciones de centroizquierda. No obstante, el núcleo dirigente en torno a Echegaray alcanzó a mantener buena parte del aparato partidario (todavía poderoso en términos de recursos financieros). Desde 1997 volvió a reconstruir una segunda IU, en alianza con el trotskista MST y la

candidatura independiente de Patricia Walsh, que logró sostener durante otro lustro, obteniendo resultados electorales algo alentadores, al calor de la grave crisis nacional. El PC pudo animar algunas agrupaciones estudiantiles, una presencia sindical en la Central de Trabajadores de la Argentina (CTA) y el Movimiento Territorial de Liberación (MTL), una tendencia del movimiento de desocupados (piqueteros) en el que también se había hecho fuerte la presencia de la Corriente Clasista y Combativa del maoísta PCR (que en el noroeste del país proyectaba un líder sindical, dirigente de los empleados públicos jujeños, Carlos “Perro” Santillán).

La aparición del fenómeno kirchnerista ubicó al PC, inicialmente, en una posición de simpatías hacia algunas de sus posiciones, pero manteniendo un perfil autónomo. A partir de 2008, con la llamada “crisis del campo”, que galvanizó el apoyo centroizquierdista y progresista al peronismo kirchnerista, el PC, finalmente, pasó a orbitar en torno a ese espacio. Si realizó ciertos intentos por montar alianzas y presentar candidaturas propias o en conjunto con sectores afines durante los años siguientes, aunque en claro respaldo al kirchnerismo, desde 2019 abandonó esas pretensiones y se incorporó formalmente al Frente de Todos, bajo las candidaturas de Alberto Fernández y Cristina Fernández. El PC hoy representa una estructura exigua, con escasísima militancia (predominantemente, anciana), muy débil inserción en el movimiento social y casi nula representación electoral, una suerte de fenómeno residual de una antigua identidad.

LA UTOPÍA DE LAS CAPAS MEDIAS: LA CENTRO-IZQUIERDA

La crisis del Partido Socialista en 1958 y la radicalización de las capas juveniles de las clases medias en los años 1960, que había dado nacimiento a múltiples formaciones de izquierda revolucionaria e incluso a un conjunto de organizaciones armadas, permitió a su vez el surgimiento de un espacio que reivindicaba una identidad autodenominada de “centro-izquierda”. Algo ambigua, tal vez por ello se consolidó en las décadas sucesivas, en torno a un programa de liberación nacional, en base a consignas antioligárquicas y antiimperialistas [16].

Una de sus principales figuras por entonces, Oscar Alende, antiguo gobernador de la provincia de Buenos Aires en tiempos de proscripción del peronismo, provenía del viejo partido radical, pero su marco de intervención en la legalidad permitía a su denominado Partido Intransigente tejer alianzas con fuerzas a su izquierda, como el PC e incluso sectores del PRT-ERP, que terminaron incluso integrándose a él tras su descalabro político-militar. Esta peculiar posición, que combinaba un reformismo tradicional con algunas consignas radicalizadas hizo que saliese fortalecido al final de la dictadura militar, donde su dinamismo se expresaba predominantemente en los sectores juveniles y en los ligados a los movimientos de defensa de derechos humanos [17]. Empero, su desempeño en las primeras elecciones libres, en octubre de 1983, fue decepcionante, pese a ocupar un simbólico tercer lugar, al alcanzar menos de 3% de los votos, por efecto de la extrema polarización. El giro socialdemócrata del partido radical hegemónico por el presidente R. Alfonsín, en verdad más social-liberal que otra cosa, dificultó la construcción de una

identidad más sólida, en parte también porque una inusual alianza entre comunistas y trotskistas podía disputarle a partir de 1985 la prédica de izquierda, que terminó desdibujándose aún más cuando, tras una nueva decepción electoral, decidió aliarse con el “nuevo” peronismo que se preparaba a regresar al poder en 1989.

Los intentos de construcción de un ideario nacionalista revolucionario, que se alimentaba de la reivindicación de algunas experiencias tercermundistas por entonces en boga, en particular la Nicaragua sandinista (pero que podían abarcar también los modelos socialistas de Cuba o Vietnam), no lograban cuajar en un país donde la presencia del populismo seguía siendo determinante para invocar con mayor eficacia los discursos nacionalistas. En efecto, aunque se buscaba confluir con ciertas identidades de la vieja izquierda (el siempre disponible socialismo, huérfano en esos años de fuerza partidaria, e incluso el dúctil PC, que podían llevar a conformar alianzas electorales como la mencionada APR de 1973), el componente nacional-burgués, tanto mejor expresado en el viejo radicalismo como en el peronismo, esmerilaba todo perfil de izquierda sólido, más allá de la reivindicación de la liberación nacional o del castigo por las masivas violaciones de derechos humanos, acaecidas durante la sangrienta dictadura militar de 1976. El apoyo a la candidatura peronista en 1989 marcaba acaso el final de una evolución más claramente de la izquierda.

Pero la crisis del propio peronismo, en su versión neoliberal de la década de 1990, alimentó dentro del universo de centro-izquierda nuevos componentes de ese espacio, que privilegiarían ahora una prédica anti-corrupción y de transparencia pública más que un programa de cambio social, ya en un mundo postguerra fría. El compromiso del alfonsinismo con la reforma constitucional impulsada por el presidente Menem en 1994, el eficiente manejo de los medios de comunicación y un discurso formateado ante todo para las capas medias, permitió el surgimiento de nuevos liderazgos bajo el tinglado del Frente Grande, provenientes esta vez de la tradición peronista, pero también en menor medida del PC o aun del movimiento de los derechos humanos [18]. El vocablo “progresista” servía ahora para designar su módico ideario. Empero, la repetida incapacidad de este espacio para generar una identidad propia, e incluso un accionar político autónomo, condujo una vez más a la absorción de la centro-izquierda por uno de los partidos nacionales tradicionales, esta vez el radicalismo, ahora conducido por su ineficiente ala derecha. Con todo, el agotamiento de las políticas neoliberales de la década le brindó la posibilidad de vencer al peronismo en elecciones presidenciales por segunda vez en su historia, en 1999, con la fórmula Fernando de la Rúa-Carlos “Chacho” Álvarez, el líder del espacio, que provenía del peronismo. También encabezaría, con una antigua figura del movimiento de derechos humanos bajo la dictadura, Graciela Fernández Meijide la fórmula en la principal provincia del país, Buenos Aires, aunque con suerte esquiva. Sin que la centro-izquierda tuviera mayor peso en la definición de las políticas públicas, más allá de la administración de la Ciudad de Buenos Aires, para la que pronto mostraría un trágico diletantismo.

Las profundas movilizaciones sociales que se produjeron en 2001 y 2002 pudieron generar nuevos reagrupamientos, en particular en torno a los dirigentes del núcleo fundador de la CTA, surgida en 1992 para oponerse a la capitulación de la vieja CGT ante las políticas neoliberales del peronismo. Pero la irre-

solución de sus hombres desvaneció los anhelos alentados por entonces de reconstruir un proyecto de centro-izquierda con tintes laboristas, buscando seguir en parte la experiencia del Partido dos Trabalhadores que encabezaba Ignacio Lula da Silva en el vecino Brasil.

La aparición de una modalidad “kirchnerista”, tras las elecciones presidenciales de 2003, pudo darle a ese espacio una nueva vigencia, aunque, a decir verdad, más en términos culturales que políticos. Incorporando al viejo relato populista una reivindicación de las experiencias de las juventudes peronistas de los años 1970 y gozando del apoyo de las organizaciones de derechos humanos nacidas bajo la dictadura, el nuevo avatar tuvo una retórica de nuevo aliento, pero que decantó términos ideológicos más explícitos sobre todo a partir de 2008, tras un conflicto del Gobierno con los productores agrarios en materia fiscal. En su renovada orientación fue amalgamando una nueva agenda, como la ampliación de derechos sexuales y reproductivos y, de manera más general, una política de identidades, pero sin desatender los movimientos territoriales a través de la distribución de planes sociales, sumado a algunos ecos del “chavismo” en el plano continental (materializados en la UNASUR conformada en 2008 y hoy paralizada). Pero la realidad de sus políticas — el actual gobernador de la Provincia de Buenos Aires, ya debidamente convertido en peronista, que aparece como la principal esperanza de ese espacio, — no duda en contar con un ministro de abierto perfil represor de las movilizaciones sociales, pareciera contradecir el sueño de sus más entusiastas valedores en materia ideológica. Sin desmedro del activismo que ha generado en sectores juveniles, que no dudan en reivindicar un cambio social. Acaso más entendible porque la otra supervivencia de aquella centro-izquierda de los años 1990, la rama más proclive al modelo social-liberal, se encierra hoy en una vacua prédica republicana que, en la más pura tradición argentina, la lleva a coincidir, la mayor parte del tiempo, con un rancio conservadurismo social y político.

EL TROTSKISMO COMO ANOMALÍA: LA NOVEDAD DEL FRENTE DE IZQUIERDA Y DE LOS TRABAJADORES (FIT)

Argentina representa un caso especial en la historia global del trotskismo. Su precoz surgimiento, durante los años 1930, le confiere la misma longevidad que tuvo el movimiento a nivel mundial. La excepcionalidad está dada por su permanencia y por el hecho que hoy sea la expresión hegemónica de la izquierda local, incluso, considerando el más esquivo campo de la acción parlamentaria. El trotskismo fraguó una cultura política en donde se combinaron una serie de ingredientes: un obrerismo que antagonizó con el peronismo pero que pretendió dialogar con sus bases, un insurreccionalismo discursivo que rechazó la vía guerrillera, un internacionalismo que no desmereció la lucha nacional antiimperialista.

En términos de larga duración, la corriente local de mayor impacto fue la surgida a comienzos de los años 1940 bajo el liderazgo de Nahuel Moreno, que conoció diferentes rupturas, reagrupamientos y nombres y acabó extendiendo su presencia hasta nuestros días, en una constelación de organizaciones que se reconocen, a veces de manera crítica, como parte de esa tradición. Ella convivió con otra tendencia, algo más pequeña, constituida desde 1964 bajo el nombre de

Política Obrera, luego Partido Obrero (PO), con Jorge Altamira como su referente fundamental.

En los años 1970, durante ese curso signado por el ascenso de las masas y la radicalización política, hubo una experiencia de visibilización del trotskismo, con la constitución del Partido Socialista de los Trabajadores (PST), que participó de las elecciones presidenciales de 1973 y que luego logró sobrevivir en la militancia clandestina enfrentando a la dictadura militar [19, pp. 151-184]. Pero fue a partir del regreso de la democracia cuando esta corriente fue alcanzando un protagonismo social y político más acendrado, con la fundación del ya recordado MAS, a mediados de 1982.

Ya el PST había implicado una fuerte presencia en la vida fabril de muchos cuadros militantes pero también en el movimiento de mujeres y la comunidad homosexual [17]. Pero la extensión que logró el MAS en los años 1980 fue mayor, adquiriendo influencia en la clase obrera y en sectores del movimiento estudiantil. Logró la dirección o co-dirección de algunos sindicatos (Construcción de Neuquén, Sanidad de la Capital), tuvo presencia en muchas comisiones internas y cuerpos de delegados, poniendo en pie varias listas antiburocráticas [20]. Su principal portavoz, el abogado Luis Zamora, cobró protagonismo en la vida pública, y el partido participó en procesos electorales, con las coaliciones hechas con el PC, el Frente del Pueblo en 1985 e Izquierda Unida en 1989. Esta última, que alcanzó un expectante cuarto lugar en las elecciones presidenciales de ese año, permitió consagrar a Zamora como el primer diputado nacional trotskista de la historia argentina.

Hacia 1990 la fuerza agrupaba unos nueve mil militantes. Desde aquel año, sin embargo, los exultantes pronósticos del MAS y de la organización internacional trotskista que animaba (la Liga Internacional de los Trabajadores, LIT), acerca del avance de la lucha revolucionaria en el país y en el mundo no se vieron cumplidos. El desenlace procapitalista de los acontecimientos ocurridos en el Este europeo, junto a la exitosa ofensiva neoliberal a nivel global, colocaron al MAS en un proceso de profundo malestar interno. Ya antes, en 1988, militantes de la organización habían producido una escisión, fundando el Partido de los Trabajadores por el Socialismo (PTS). Pero en 1992 la crisis fue mayor, con la salida de casi la mitad del partido, que fundó el Movimiento Socialista de los Trabajadores (MST). El MAS sobrevivió el resto de esos complejos años, marcados por el retroceso de las izquierdas, en constante empequeñecimiento y para inicios del nuevo siglo era una fuerza marginal. En cambio, el MST logró consolidarse y llegar más expandido a la crisis social y política de 2001, aunque conoció una escisión importante de sectores de la vieja guardia. La dispersión de las tendencias morenistas reposicionó al PO en un lugar de preponderancia dentro del trotskismo, sobre todo cuando desde fines de los años 1990 se orientó al trabajo entre los desocupados, montó una estructura territorial para organizar a estos (el Polo Obrero) y participó en la dirección de la Bloque Piquetero Nacional.

La crisis de 2001 potenció el desarrollo de varias organizaciones, en especial, el PO, el MST y el PTS, que tomaron parte en las grandes luchas sociales y políticas, en los movimientos territoriales de desocupados, en el movimiento obrero que se reactivaría tras la caída del plan de convertibilidad, en las ocupaciones y puesta en funcionamiento de fábricas quebradas por la patronal.

Pero tras el advenimiento del kirchnerismo sobrevino cierto bloqueo político para estas corrientes. Aquellos pequeños partidos continuaron manteniendo una militancia destacada y bien inserta en el movimiento social, pero su extrema fragmentación dificultaba su articulación en el sindicalismo y atomizaba su representación electoral.

La organización de los comicios presidenciales de 2011 trajo una novedad: una reforma político-electoral que buscaba preservar el modelo bipartidista, exigiendo que las fuerzas “minoritarias” tuvieran una representatividad de al menos un 1,5%. Ello amenazaba con eliminar al fragmentado trotskismo, impidiéndole su expresión en los comicios de octubre de ese año si antes no alcanzaba aquel porcentaje en las elecciones Primarias, Abiertas y Obligatorias (PASO) de agosto. Para enfrentar este obstáculo tres partidos trotskistas, el PO, el PTS y la Izquierda Socialista (una escisión del MST), conformaron el Frente de Izquierda y de los Trabajadores (FIT) [21, pp. 233-256]. El FIT pudo superar el piso electoral requerido, alcanzando luego medio millón de votos. La coalición se mantuvo y en las elecciones legislativas de 2013 logró 900.000 votos. En Provincia de Buenos Aires y Capital Federal esos porcentajes oscilaron el 4%, pero lo notable ocurrió en el interior: el 11,2% en Salta, el 9,4% en Jujuy, casi el 8% en Santa Cruz y Mendoza, cerca del 7% en Neuquén y Río Negro y del 6% en Córdoba [22]. En los años siguientes se dió el mismo fenómeno: un mantenimiento del espacio del FIT en los comicios legislativos y un declive en los destinados a cargos ejecutivos.

Las caracterizaciones del FIT tendieron a reproducir algunas posiciones trotskistas clásicas sobre las tendencias capitalistas al colapso y al incremento de los fenómenos de miseria y catástrofe ecológica. El FIT denunció una suerte de impostura en el kirchnerismo, que más allá de su convocatoria a una gesta “progresista” y latinoamericanista, y tras casi una década de un crecimiento importante del PBI, siguió conservando al 30% de la población debajo del límite de la pobreza, al 40% de la clase obrera precarizada, y postergó resoluciones a las carencias populares más básicas en salud, educación o vivienda, mientras aseguró el pago de la deuda externa, la reproducción del modelo sojero y extractivista, la entrega de subsidios al gran capital industrial, minero y petrolero. En sus actos y proclamas comunes, el FIT expresó una reafirmación de los viejos tópicos del obrerismo y la necesidad de buscar una alternativa política de “independencia de clase”, junto a las demandas por el derecho al aborto y contra el patriarcado, así como las denuncias de la represión policial sufrida por los jóvenes y sectores populares.

El acuerdo conserva su existencia desde hace diez años, incorporando en 2019 al MST y rebautizando la coalición como FIT-Unidad. A lo largo de esa década logró hacer elegir casi un centenar de legisladores (diputados nacionales, senadores y diputados provinciales, concejales municipales), los cuales rotaron sus mandatos entre los candidatos de las fuerzas que integran el frente. La perduración de esta alianza electoral no tiene antecedente en el campo de la izquierda argentina, incluso, es infrecuente en el sistema político en su conjunto. El FIT logró coincidencias para firmar importantes pero acotadas declaraciones comunes, aunque no pocas veces dispersó su fuerza en listas rivales en sindicatos y organizaciones sociales. No pudo impedir la repetición de querellas

internas fincadas en asuntos meramente tácticos y, a veces, por la preservación simbólica de sus identidades y tradiciones partidarias.

El FIT-U expresa la existencia de un pequeño espacio alternativo consolidado electoralmente que, con campañas de reclamos concretos y de alto impacto, buscan una doble diferenciación, tanto al kirchnerismo/peronismo como al bloque centroderechista/radical. Ante el debilitamiento o casi desaparición de la expresión electoral socialdemócrata o centroizquierdista, el FIT-U tendió a ocupar un espacio más amplio que el tradicionalmente adjudicado al trotskismo.

Existe en la historia de la izquierda argentina un desfase entre la importancia que tuvo su presencia y su acción en todos los ámbitos de la vida nacional, y su prolongada ausencia en el ejercicio del poder. Esto contrasta más fuertemente cuando se compara a la Argentina con los países vecinos, empezando, claro está, por Chile que conoció desde el Frente Popular de los años 1930 un conjunto de actuaciones gubernamentales, hasta llegar a la experiencia de la Unidad Popular encabezada por Salvador Allende entre 1970 y 1973, sin olvidar su presencia aún las experiencias populistas de los años 1950. Ya en nuestro siglo, el caso del Brasil de Lula y del Uruguay y sus tres mandatos presidenciales del Frente Amplio aumentan esta especificidad argentina.

La respuesta que se da a menudo al enigma radica en la dimensión central del populismo en los sectores populares (ya en sus formas incipientes con el radical Hipólito Yrigoyen y luego, con mayor amplitud, bajo el peronismo) que conllevaba una nueva relación con el movimiento obrero organizado y que no tuvo comparación con lo ocurrido con esas formas en el caso chileno o brasileño, y menos aún en el uruguayo.

La última estación del populismo en Argentina, con la variante kirchnerista, permitió absorber las movilizaciones sociales del período 2001-2002. Por cierto, presentaba características propias, tanto por el entronque con la retórica derivada de la experiencia del chavismo (que algunos observadores calificaron algo apresuradamente de “populismo de clase”), como por la dimensión que conectaba de manera compleja con las transformaciones de la izquierda en clave mundial (en particular, en las tradiciones socialistas y socialdemócratas) expresada por la aparición de un discurso de derechos en clave emancipatoria (colectivos gay, feminismos, etc.) y ya no sólo de defensa de las libertades públicas.

De algún modo, el kirchnerismo significó el declive de algunas corrientes surgidas de la llamada Nueva Izquierda (maoísmo, guevarismo y uno de sus receptáculos en los inicios de la restauración democrática, el PI). Pero tampoco las dos principales tradiciones de la vieja izquierda supieron mostrar prácticas alternativas, siendo absorbidos, de manera inédita, en la estructura del populismo realmente existente (como vimos con el PC y algunos de los restos del socialismo). Los intentos de reflotar el viejo espacio de centro-izquierda desde el nuevo PS no han podido salir de una clave republicana, incapaz de generar un discurso de transformación social autónomo y sin contar con un real anclaje en el universo de los trabajadores o de los dominados.

Esto quizás explique la vitalidad central del trotskismo, que, en su alianza FIT-U ocupa un espacio, sin duda, mayor que el que encierra su tradición. Un proceso dialéctico, que lo ha llevado a posicionar su propio accionar más allá de

la corriente, desarrollando por ejemplo una labor importante en los órganos legislativos en favor de los trabajadores y las libertades públicas, que evoca al viejo socialismo reformista. Pero en un caso como el otro, el perfil de la izquierda aparece más nítido en la sociedad argentina que en 1983.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Camarero H., Herrera, C. M. (eds.). El Partido Socialista en Argentina. Sociedad, política e ideas a través de un siglo. Buenos Aires, Prometeo, 2005, 413 p.
2. Chesnais F., Divet J-F. Qué se vayan todos! Le peuple argentin se soulève. Paris, Nautilus, 2002, 230 p.
3. Castañeda C. Latin America Left's Turn. *Foreign Affairs*, may-june 2006, vol. 85, № 3, pp. 28-43
4. Herrera C. M. ¿Adiós al proletariado? El Partido Socialista bajo el peronismo. Buenos Aires, Imago Mundi, 2016, 260 p.
5. Herrera C. M. Las huellas del futuro. Breve historia del Partido Socialista en Argentina. Buenos Aires, La Vanguardia, 2007, 63 p.
6. Quiroga H., Sosa Sálico (eds.). Política y políticas públicas en la provincia de Santa Fe. Santa Fe, Universidad Nacional del Litoral, 2020, 180 p.
7. Suárez F. El Partido Socialista Popular: orígenes, organización y tradiciones políticas (1972-1982), Tesis Maestría en Ciencias sociales, UNLP, 2018. Available at: <http://sedici.unlp.edu.ar/handle/10915/86836> (accessed 04.06.2021)
8. Camarero H. A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935. Buenos Aires, Siglo XXI Editores, 2007, 397 p.
9. Amaral S. La renuencia de las masas: el Partido Comunista ante el peronismo, 1945-1955. CEMA, Documentos de trabajo (n° 379), Buenos Aires, 2008, 47 p.
10. Staltari, S. El Partido Comunista frente al peronismo: estrategia y tácticas políticas, 1945-1955. *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda*, (5), 2014, pp. 11-30. Available at: <https://doi.org/10.46688/ahmoi.n5.112>
11. Camarero H. Tras las huellas de una ilusión: el Partido Comunista argentino y sus planteos del Frente Democrático Nacional (1955-1963). *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda*, (5), 2014, pp. 9-33. Available at: <https://doi.org/10.46688/ahmoi.n5.111>
12. Siskindovich, S. El Partido Comunista Revolucionario y la construcción de la delimitación con el Partido Comunista argentino (1968-1969). *Izquierdas* (49), 2020, pp. 43-57.
13. Petra A. Intelectuales y cultura comunista. Itinerarios, problemas y debates en la Argentina de posguerra. Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, 2017, 441 p.
14. Casola, N. El PC argentino y la dictadura militar. Militancia, estrategia política y represión estatal. Buenos Aires, Imago Mundi, 2015, 312 p.
15. Gilbert I. La Fedé. Alistándose para la revolución. La Federación Juvenil Comunista, 1921-2005. Buenos Aires, Sudamericana, 2009, 800 p.
16. Alende O. ¿Qué es el Partido Intransigente? Buenos Aires, Sudamericana, 1983, 234 p.
17. Cristal, Y., Seia, G. A. (2018). La izquierda estudiantil de la Universidad de Buenos Aires en la transición democrática (1982-1985). *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda*, (12), 2018, pp. 97-118. Available at: <https://doi.org/10.46688/ahmoi.n12.40>
18. Novaro M., Palermo V. Los caminos de la centroizquierda. Dilemas y desafíos del FREPASO y de la Alianza. Buenos Aires, Losada, 1998, 274 p.
19. Pozzi P., Schneider A. Los setentistas. Izquierda y clase obrera: 1969-1976. Buenos Aires, Editorial Universitaria de Buenos Aires-EUDEBA, 2000, 458 p.

Эрнан Камареро, Карлос М.Эррера

20. Mangiantini, M. Itinerarios militantes. Del Partido Revolucionario de los Trabajadores al Partido Socialista de los Trabajadores (1965-1976). Buenos Aires, Imago Mundi, 2018, 336 p.

21. Aiziczon, F. Trayectorias militantes, izquierda y política sindical: la intervención del MAS en Sierra Grande a través de las vivencias de un obrero minero, Patagonia Argentina (1988-1991). *Izquierdas* (31), 2016, pp. 46-70.

22. Castillo C. La izquierda frente a la Argentina kirchnerista. Buenos Aires, Planeta, 2011, 315 p.

Hernán Camarero (hercamarero@gmail.com)
Doctor in History, Full Professor, University of Buenos Aires

Carlos M.Herrera (Carlos.Herrera@cyu.fr)
PhD in Political Philosophy, Professor, CY Cergy Paris Université

A long future? Some remarks on the history of Argentine left in recent times

Abstract. This essay explores the evolution of the main currents of the Argentine left in last times. Born at the end of the 19th century, the left experienced a powerful development and have a notable influence on Argentine political, social and cultural life, but it never held positions of government, unlike with similar parties in neighboring countries. Indeed, populism meant a major challenge to their strategies and programs. The great crisis that the country will experience in 2001—2002 has led to new challenges such as the exercise of power at the provincial level or a lasting alliance of Trotskyist parties with a certain electoral weight.

Key words: Argentina, socialism, communism, centre-left, trotskyism, populism.

DOI: 10.31857/S0044748X0016573-9

Received 18.03.2021.

Mariano D.Montero

¿Camino propio o alianza?

**El Paraguay y la eterna promesa de un ciclo progresista.
Las limitaciones de una izquierda fragmentada
(1989—2021)**

Resúmen: El Paraguay fue el último de los países sudamericanos en integrarse al llamado “ciclo progresista” en el año 2008. Exceptuando los casos de Chile y Perú — con ciclos progresistas demasiado ambiguos, — también fue el primero en quedar afuera, resultado del golpe parlamentario de junio de 2012. De los países involucrados, Paraguay fue el que tuvo el ciclo más breve, con solo cuatro años. Sin embargo, los aprendizajes de la llegada al gobierno y de su destitución fueron escasos dentro de la izquierda paraguaya, predominando en la actualidad una mayor división y multiplicación de agrupaciones que atentan contra el objetivo declarado: lograr la unidad que facilite una vuelta a posiciones de poder. Para analizar las posibilidades presentes de las fuerzas de izquierda en relación a este último punto, abordaremos la actualidad de sus agrupaciones y las lecciones que se pueden extraer de su breve paso por el Estado entre 2008 y 2012, en donde la opción por seguir intentando alianzas electorales con Partido Liberal Radical Auténtico (PLRA) o aventurarse a un camino propio y de construcción a largo plazo, es una disyuntiva crucial.

Palabras claves: izquierda paraguaya, transición democrática, alianzas electorales, ciclo progresista latinoamericano.

DOI: 10.31857/S0044748X0016574-0

**Собственный путь или альянс? Парагвай
и вечное обещание прогрессивного
цикла. Замкнутый круг разобщенных левых
(1989—2021)**

Парагвай стал последней из южноамериканских стран, кто присоединился к так называемому «прогрессивному циклу», сделав это в 2008 г. Если не брать в расчет Чили и Перу — где прогрессивный цикл носил слишком двойственный характер, — он также оказался первым, кто покинул эту группу стран, в результате парламентско-

Mariano D.Montero — Profesor de Enseñanza Media y Superior en Historia, recibido en la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad de Buenos Aires (UBA) (<https://orcid.org/0000-0001-6555-7895>, marianodmontero@yahoo.com.ar).

Мариано Д.Монтеро

го переворота в июне 2012 г.; его участие в «левом поворота» ограничилось четырьмя годами. Однако уроки, почерпнутые парагвайскими левыми из прихода в правительство и вытеснения из него, оказались крайне скудными, в основном они свелись к еще большему расколу и увеличению числа партийных объединений, что работает против заявленной цели единства, которое способствовало бы возвращению левых к власти. Для анализа существующих возможностей левых сил в этом плане мы рассматриваем существующую в партиях ситуацию и уроки, которые они могут извлечь из кратковременного пребывания в правительстве в 2008—2012 гг., при этом главной дилеммой является: рискнуть ли идти собственным путем и выстраивать долговременный проект или же продолжать формировать электоральные союзы с Подлинной Либерально-Радикальной партией (*PLRA*).

Ключевые слова: парагвайские левые, демократический транзит, электоральные альянсы, латиноамериканский прогрессивный цикл.

Статья поступила в редакцию 11.03.2021.

A partir del 5 de marzo de 2021, el Paraguay se vio convulsionado por una serie de manifestaciones ciudadanas causadas por la pobre gestión en salud del gobierno colorado del presidente Mario Abdo Benítez (2018—2023), que surgieron ante el colapso de la estructura sanitaria y la falta de insumos hospitalarios en medio de la pandemia del *COVID-19*. Por unas semanas, la hegemonía histórica de la ANR (Asociación Nacional Republicana, conocida como Partido Colorado) estuvo en crisis. Frente a la presión ciudadana, se sucedieron un intento de destitución del presidente por medio de un juicio político a través del parlamento, la renuncia del ministro de Salud y un clima de efervescencia popular que direccionó su frustración y descontento contra la fuerza política que gobernó el país durante los últimos setenta años¹. Sin embargo, este clima de rebelión y hastío social contra el partido político gobernante, no es capitalizado por ninguna agrupación o frente de izquierda (I) o centro-izquierda (CI).

Pero, ¿de qué hablamos, cuando hablamos de I o CI en el Paraguay?, ¿los paraguayos tuvieron su ciclo progresista durante la primera década del siglo XXI, como muchos de sus vecinos?, ¿todavía existe la izquierda tradicional del siglo XX?, ¿qué I o CI existe hoy con posibilidades de influir en la política nacional?, ¿qué elementos y prácticas de la izquierda “histórica” se mantienen vigentes?, es decir, ¿qué legado pervive, ya sea negativo o positivo?; y ¿qué otros aspectos aparecen como novedad que permitirían tener esperanzas para un futuro progresista en el Paraguay?

Con el fin de abordar estos aspectos, describiremos brevemente la incidencia de la I y CI paraguayas en los 32 años de la democracia (1989—2021), proceso que muchos consideran como una transición *sin fin*. En segundo lugar, analizaremos las lecciones de los cuatro años de la presidencia de Fernando Lugo (2008—2012) dentro del contexto regional del llamado ciclo progresista latinoamericano. A continuación, trazaremos un mapa o radiografía de la I y CI actual en sus diversas expresiones: partidos políticos legales, representantes de la I histórica y de nuevas generaciones; movimientos sociales; agrupaciones marginales que se mantienen fuera del juego electoral; la existencia de guerrillas rurales en el

¹ Con su pico de tensión el día 17 de marzo del corriente, en el que manifestantes quemaron “Colorado Roga”, el principal local céntrico de la ANR, sumado a una campaña con el slogan “ANR nunca más”, que plantea la desafiliación en masa de la agrupación política.

norte del país y como estas afectan directa o indirectamente a la acción política de la I y CI. Por último, intentaremos determinar las posibilidades de acceso al poder que hoy día tiene el colectivo progresista paraguayo.

Con respecto al marco teórico, existieron dificultades para desarrollarlo, debido a la escasez de producción escrita sobre la izquierda paraguaya del pasado y del presente. Se efectuó un análisis de la bibliografía pertinente, a lo que se sumaron los datos extraídos de los estatutos de cada agrupación, provenientes de la página web del Tribunal Superior de Justicia Electoral (TSJE), para poder establecer sus objetivos e ideología. En cuanto al trasfondo sudamericano, se pudo alcanzar un marco teórico más amplio y sólido gracias a la mayor producción académica sobre el ciclo progresista latinoamericano que, sin embargo, deja de lado repetidamente al Paraguay en sus análisis. Precisamente por lo poco abordado del tema que nos ocupa, es que el presente texto adopta una metodología empírico-descriptiva y expositiva, en donde recurrimos en mayor medida a aspectos cualitativos (características de las agrupaciones) y en menor medida a aspectos cuantitativos (resultados electorales, etc.). Del mismo modo, el texto presenta indagaciones diacrónicas y retrospectivas, en cuanto al lazo existente o no de las experiencias de la izquierda histórica con la actual; e intentos prospectivos en relación a las posibilidades del progresismo en el Paraguay.

En este ensayo de análisis político de la coyuntura actual, compartimos el criterio utilizado por González Bozzolasco y Martínez Escobar (2019) con respecto a qué agrupaciones consideramos de I o CI: “Optamos, además, por incluir dentro del campo de la izquierda a los grupos que se autodefinen como parte del mismo, sin entrar en evaluaciones pormenorizadas de su pertenencia o no a este espectro político-ideológico a partir de determinados parámetros preestablecidos — programas, propuestas, postulados ideológicos, trayectorias, etc” [1, p. 57].

Por último, aclaramos que, por una cuestión de espacio, dejamos fuera de nuestra investigación a las organizaciones campesinas paraguayas.

LA TRANSICIÓN *SIN FIN* (1989—2021)

El Paraguay es el país sudamericano en el que más tiempo estuvieron prohibidas por ley las “actividades comunistas”. Entre 1928 — año de su fundación — y 1989, año del retorno a la democracia, el Partido Comunista Paraguayo (PCP) gozó solamente de seis meses (1946) y quince días (1936) de legalidad, actuando el resto del tiempo en la clandestinidad [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Ningún otro partido comunista sudamericano ha sufrido tantos años de proscripción. Tanto antes de la dictadura de Alfredo Stroessner (1954—1989), como en el transcurso de la misma, Paraguay siempre se presentaba como la república más “anticomunista” de la región² [9], [10].

Esta tradición de más de cien años de la clase política tradicional paraguaya, de aversión hacia toda práctica política con un mínimo de contenido progresista, motivó que la reinsertión de las agrupaciones de I y CI en el juego político-electoral, a partir de 1989, no haya sido fácil. La falta de gimnasia electoral,

² Muestras de esta política de estado son la organización en Asunción de la XII Conferencia Anual de la Liga Anticomunista Mundial (WACL), en 1979, y el hecho de que el Paraguay sea el único país sudamericano que todavía mantiene relaciones diplomáticas con Taiwán y evita establecerlas con la República Popular China.

sumada a la coyuntura de la década de los noventa, en donde una ola privatizadora de los servicios públicos cubrió a toda la región, motivó que las fuerzas de I y CI se volcaran más a la protesta social que a la competición electoral, en donde cosecharon magros resultados con algunas excepciones muy puntuales y efímeras³ [1]. A lo anterior se agrega, en el caso de los partidos de identidad marxista leninista, cierta desorientación ideológica a raíz de la caída del bloque soviético que coincide con el fin de la dictadura stronista (1989), y el hecho de que, más allá de las luchas y sacrificios de diversos grupos políticos, gremiales y campesinos, la caída de la dictadura se produjo por medio de un golpe militar comandado por uniformados identificados con aquel régimen. Esto, sumado a que el partido político que fue sostén del mismo (ANR-Partido Colorado), se mantuvo en el poder, terminó significando la continuidad de una burocracia política, militar y judicial identificada con el stronismo que, hasta el presente, mantiene intacto su poder fáctico.

Entonces, mientras un sector socialdemócrata obtiene algunos avances en el campo electoral, la izquierda histórica (como el PCP y el Partido de los Trabajadores, PT) opta por ligar su actividad con los movimientos sociales⁴, tanto gremiales como campesinos. Ejemplo de esta articulación política de lucha, fue el paro general del 2 de mayo de 1994 y especialmente importante fue la unificación de las organizaciones campesinas en la Mesa Coordinadora Nacional de Organizaciones Campesinas (MCNOC) en el mismo año. Sin embargo, el papel del PCP y el PT se limitó a dar apoyo a la huelga, posición adoptada por todo el arco político opositor, siendo las tres centrales sindicales las protagonistas.

Otros autores resaltan la mayor originalidad y vitalidad de los movimientos sociales en los años noventa con respecto a las agrupaciones políticas de I y CI surgidas antes de la caída del stronismo, pese a que no lograron definir una opción política real a la hegemonía neoliberal⁵.

El pico más alto de la articulación entre los partidos políticos paraguayos de I y CI y los movimientos sociales, se plasmó en el año 2002 con la conformación del denominado Congreso Democrático del Pueblo (CDP), “proceso de acumulación, caracterizado por la lucha en la calle, por los cortes de ruta, por las ocupaciones de tierra, por las movilizaciones” [11, p. 17]. Los logros de esta unidad en la lucha fueron, principalmente, impedir el proceso de privatizaciones que ya se había

³ Nos referimos al triunfo en las elecciones municipales de Asunción de Carlos Filizzola (1991—1996) representando a una tendencia de CI, y en 1993 con el Partido Encuentro Nacional, también de CI, logrando un 23% en las elecciones legislativas.

⁴ Entendemos a los movimientos sociales como “actores colectivos que se movilizan para transformar una situación de opresión y/o explotación y que actúan para alcanzar objetivos y/o reivindicaciones específicas en el marco de la construcción de un proyecto de sociedad” [11, p. 25].

⁵ De acuerdo a Marielle Palau “La irrupción de masas que preludió el ascenso de Fernando Lugo a la presidencia del Paraguay y su insólita posterior capitulación, ilustra las dificultades de este proceso de articulación de luchas dentro y fuera del sistema político-electoral, y certifica una vez más que tal como lo señalara Maquiavelo a propósito de la república romana, sin ese “afuera”, es decir, sin la activación de “la calle” y su enfrentamiento con el denso y fraudulento andamiaje institucional del Estado (diseñado tan sólo para garantizar el predominio de las clases dominantes), los procesos democráticos y emancipatorios quedan inevitablemente atrapados en la telaraña conservadora urdida por aquellas” [11, pp. 14-15].

implementado en el resto de la región⁶, y evitar la aprobación de la ley anti-terrorista de inspiración norteamericana (que, sin embargo, y paradójicamente, se aprobaría en 2010 durante el gobierno progresista de Fernando Lugo).

En los siguientes años (2002—2006), motivado por esta exitosa experiencia de unidad popular, el colectivo progresista paraguayo consideró que así como obtuvo logros a través de la lucha social, también podría conseguir conquistas en el plano electoral. De esta forma, de 2003 a 2013 algunos autores advierten un desplazamiento de la protesta social a la competencia electoral [1].

EL PARAGUAY DENTRO DEL CICLO PROGRESISTA SUDAMERICANO: ESE GRAN DESCONOCIDO (2008—2012)

El Paraguay fue el último de los países sudamericanos en integrarse al llamado “ciclo progresista”, en el año 2008, con la asunción a la presidencia del ex obispo Fernando Lugo⁷. El pico del ciclo progresista se dio entre 2009 y 2010, bienio en el que de diez países de la región, en nueve se contaba con gobiernos de I y CI (con la sola excepción de Colombia, único país de Sudamérica que mantiene gobiernos conservadores de derecha hasta el presente). Exceptuando los casos de Chile y Perú — con ciclos progresistas demasiado ambiguos, — también fue el primero en quedar afuera, resultado del golpe parlamentario de junio de 2012. De los países involucrados, Paraguay fue el que tuvo el ciclo más breve, con solo cuatro años, que fueron los únicos en toda la historia del país en que representantes de las fuerzas de izquierda llegaron a posiciones de gestión (exceptuando un breve período en 1936, con el gobierno febrerista).

Sin embargo, el caso paraguayo está muy poco abordado. Las investigaciones publicadas sobre el tema se centran más que nada en los casos venezolano, boliviano, argentino, ecuatoriano, uruguayo y brasileño; quedando Paraguay solo como uno más de la lista y como eslabón medio de la cadena de golpes parlamentarios iniciada en Honduras (2009) y finalizada en Brasil (2016). Extraño olvido, si tenemos en cuenta que así como a partir de 1954 con el golpe de Stroessner, Paraguay se convirtió en el laboratorio sudamericano de la aplicación de la Doctrina de Seguridad Nacional, en 2012 fue el laboratorio sudamericano de los golpes parlamentarios, o de “nuevo tipo”, que luego se ensayaron en Brasil (2016) y en Bolivia (2019).

Regalado [12, p. 8] propone una descripción de las fases de acumulación del ciclo, según la cual, entre 1985 y 1998 se produce el primer proceso de acumulación de poder popular frente al neoliberalismo que, sin embargo, no alcanza para llegar al poder. Le sigue otra fase que abarca el período entre 1998 y 2009 y es caracterizada por la fuerza adquirida por las agrupaciones de I y CI que les permitió la llegada al poder y reelecciones posteriores.

⁶ Es importante remarcar el hecho de que en el Paraguay, las fuerzas sociales lograron lo que no pudieron en la Argentina: evitar el proceso de privatización de las grandes empresas públicas de servicios.

⁷ El dato del caudal de votos que consiguió la I y CI paraguaya en 2003, año que podemos considerar como de inicio fuerte del ciclo progresista con el triunfo de Kirchner en Argentina, nos demuestra lo lejos que se encontraba el país de acoplarse a ese proceso. Apenas se superó el 1% de los votos sumando a todas las agrupaciones.

Pero a estas fases de acumulación, según Regalado [12. p. 8], fueron sucedidas por las de desacumulación. La primera se dio entre 2009 y 2012, sin derrotas electorales, pero con golpes de estado de “nuevo tipo” en Honduras y Paraguay. La segunda tuvo lugar entre 2013 y 2014, cuando las estrategias desestabilizadoras de la derecha cobraron mucha fuerza. La tercera sucedió en 2015—2019, llegando las derrotas a los «eslabones más fuertes de la cadena». Los países donde las fuerzas de izquierda y progresistas fueron desplazadas del gobierno fueron Argentina, Brasil, Ecuador y El Salvador. Esta última fase se complementó con la persecución judicial de las fuerzas de CI ahora opositoras. A esto se sumó el golpe en Bolivia contra Evo Morales a fines de 2019. El panorama para nuestra actualidad es preocupante, al constatar lo que ya podemos denominar un ciclo conservador en la región, con 6 gobiernos de centro y de derecha (Chile, Uruguay, Paraguay, Brasil, Ecuador y Colombia) y solo 4 de I y CI (Argentina, Bolivia, Venezuela y, recientemente, Perú).

En la generalidad de los autores, se constata que en la mayoría de los países que atravesaron este ciclo, los beneficios sociales fueron y la política exterior asumió un perfil más autónomo y antiimperialista [11, 13]. Pero, simultáneamente, el crecimiento de los agronegocios se profundizó, y organismos internacionales como el Banco Mundial y el Fondo Monetario Internacional elogiaban la política económica de muchos países. La estructura agraria no solo siguió igual, sino que se acrecentó la concentración de tierras. Por ejemplo, en el Paraguay, la intención de una reforma agraria quedó solo en el discurso [11, 13].

El ciclo progresista comienza en el Paraguay con el triunfo en las elecciones del 20 de abril de 2008 de la fórmula Lugo-Franco, producto de la alianza entre las fuerzas de CI que apoyaban a Lugo, y el PLRA, partido de centro o centro-derecha, de acuerdo a la coyuntura. Como era esperado, los principales ministerios (Economía, Trabajo, Obras Públicas) fueron ocupados por representantes del PLRA, fuerza que obtuvo la mayor cantidad de votos para el triunfo de Lugo. Pero a partir de 2011 comienzan los cortocircuitos entre el vicepresidente Federico Franco (PLRA) y Lugo. Debido a que la alianza fue de carácter electoral y no programática, la posibilidad de conflictos al interior del nuevo gobierno era previsible.

Claramente, Lugo no modificó el proceso de sojificación y consecuente expulsión del campesinado de la tierra. Durante su mandato los movimientos sociales — cruciales para su elección — terminaron siendo cooptados por las estructuras gubernamentales y perdieron su poder de movilización [14]. El 20 de marzo de 2010, Fernando Lugo impulsó la creación del Frente Guasú (FG) con la intención de fortalecer el espacio de la CI en la alianza gobernante. No obstante, la medida no fue suficiente para poder resistir el golpe parlamentario de junio de 2012.

No le preocupó demasiado a la derecha paraguaya efectuar el golpe parlamentario en un momento en que geo-políticamente se encontraba rodeada de aliados del gobierno depuesto (Brasil, Argentina, Uruguay y Bolivia). Ante las amenazas de ser expulsado del MERCOSUR, la clase política tradicional paraguaya que había destituido a Lugo, apeló al discurso nacionalista, victimizante y de manipulación, haciendo alusión a que aquellos países que se habían aliado para destruir al Paraguay en la Guerra de la Triple Alianza (1865—1870), hoy volvían a querer intervenir en sus asuntos internos.

Luego de lograr solo un 10% en las elecciones presidenciales de 2013 y pese a la experiencia vivida en 2012, para la contienda electoral de 2018 el FG vuelve a formar la alianza con el PLRA, pero esta vez ocupando el lugar subordinado de la candidatura a vicepresidente. Perdieron por apenas 95.603 votos.

Algunas conclusiones del ciclo progresista en el Paraguay se pueden resumir en lo siguiente:

— faltó equilibrio entre la pugna electoral y la lucha social junto a las bases. Al desmovilizar el gobierno a las bases, no hubo actor social que lo defendiera de las acciones desestabilizadoras [11];

— la derecha se adueñó del concepto leninista de “doble poder” o “poder dual” [12, p. 10]. En el período 2008—2012, existió un “doble poder”, con la ANR en el llano, pero controlando el parlamento, la fiscalía, la policía, el ejército y la burocracia enquistada desde hace 70 años en el Estado;

— inconveniencia de alianzas con partidos tradicionales que solo buscan un triunfo electoral sin preocuparse por coincidencias programáticas;

— hubo confianza ingenua en que la derecha respetaría las normas del juego democrático.

En noviembre de 2012, como resultado de la dispersión posterior al golpe parlamentario de junio, se conforma otro frente de CI, Avanza País (Partido Movimiento al Socialismo, Partido Revolucionario Febrerista, Partido Demócrata Cristiano y Partido Popular Tekojoja). Quiere decir que en lugar de conservar la unidad en el FG, la CI se disemina aún más. Sin embargo, este nuevo frente logra ganar la intendencia de Asunción en 2015 (en alianza con el PLRA).

A partir de 2013 comienza el proceso de desacumulación regional de los gobiernos progresistas que hemos mencionado al principio. El desmantelamiento de la Unión de Naciones Sudamericanas (UNASUR) entre 2018 y 2019, fuertemente asociada al ciclo progresista, y su reemplazo por el Foro para el Progreso de América del Sur (Prosur), impulsado por los gobiernos derechistas de Colombia y Chile, es otro síntoma del cambio de época.

La coincidencia en la necesidad de reconocer los errores propios es una observación que se repite en la mayoría de los análisis de diferentes investigadores [11, 12, 15].

MAPA ACTUAL DE LA I Y CI EN EL PARAGUAY: MÁS AGRUPACIONES Y MENOS UNIDAD

Actualmente, existen 28 partidos políticos reconocidos por el Tribunal Superior de Justicia Electoral (TSJE⁸), a los que sumamos 9 más que no figuran en la página de dicho ente, o que este considera extintos, pese a que siguen vigentes y activos más allá de su prácticamente nula influencia en los hechos políticos del país.

De los 37 partidos relevados de nuestra investigación, 24 se consideran de I o CI y solo 13 son de centro, centro-derecha y derecha⁹. Es decir, casi el 70% de

⁸ <https://tsje.gov.py/partidos/> (consultado el 28 de abril de 2021).

⁹ Partido Patria Querida (PPQ), UNACE, Partido Nacional de la Gente 30 A, PLRA, ANR, Partido Hagamos, Partido de la Juventud, Fuerza Joven, Partido Cruzada Nacional, Partido Patria Soñada (PPS), Partido Socialista Democrático Herederos (PSDH), Partido Nacional Unámonos (PNU), Partido Demócrata Cristiano (PDC).

las agrupaciones políticas del Paraguay afirman pertenecer a la I y CI. Claramente, es una cantidad importante, pero solo a nivel cuantitativo. Pero este dato, en vez de indicar la fuerza y el potencial de la izquierda en el Paraguay, lo que hace es, paradójicamente, demostrar su debilidad. La exagerada cantidad de agrupaciones es inversamente proporcional a su cantidad de miembros y capacidad de movilización. Lo único que evidencia este número es una profunda fragmentación y falta de unidad para las luchas sociales y electorales. A continuación, detallamos las 24 agrupaciones.

Izquierda clásica (4)

— Partido Comunista Paraguayo (PCP), fundado en 1928. Formó parte del Frente Guasú a partir de abril de 2008 y lo abandonó a fines de 2010. Miembro del Foro de São Paulo [2], [4].

— Partido Comunista Paraguayo Independiente (PCPI), fundado en 1973, semiclandestino y de nula influencia, resultado de la división partidaria del PCP del año 1965 [4].

— Partido Comunista del Paraguay (PCdelP), fundado en 2004 y cuya zona de influencia política se limita al municipio de Ciudad del Este.

— Partido de los Trabajadores (PT), fundado en 1989, pero con antecedentes en la clandestinidad, desde principios de los ochenta, con la Organización Socialista Revolucionaria (OSR). En su página web propugna la unidad de las fuerzas de izquierda para, a continuación, criticar duramente al resto de las agrupaciones (especialmente al PMAS, PCP y al PCPS), minando toda posibilidad de acercamiento.

Lo único que comparten estas agrupaciones es un discurso anacrónico en muchos aspectos que repiten y mantienen desde mediados del siglo XX (PCP y PCPI). El hecho de la existencia de tres partidos comunistas habla a las claras de la histórica falta de unidad en sus filas, característica que arrastra desde la década de los sesenta [4].

Izquierda post-89 (2)

— Partido Paraguay Pyahurã (PPP), fundado en 1996, y como partido en 2012, luego del golpe a Lugo. Tiene muchos militantes cruzados con la Federación Nacional Campesina (FNC). Tiene una gran capacidad de movilización junto a la FNC, pero todavía no se deciden a entrar a la competencia electoral, ya que consideran que no es el camino para lograr conquistas sociales y sostienen una fuerte crítica hacia lo que ellos consideran una “izquierda electoralista”. Sin embargo, aclaran que no son antielectoralistas, sino que decidirán participar de elecciones siempre y cuando sea una táctica para poder llegar a un objetivo. Tienen una relación muy estrecha con la Organización de Trabajadores de la Educación del Paraguay (OTEP) y con la FNC, con quienes — desde mediados de los años noventa — comparten espacios de articulación [11, p. 76].

— Partido Convergencia Popular Socialista (PCPS), fundado en 2009. Según su estatuto, es una “organización política de carácter nacional, democrático, popular, patriótico, socialista, internacionalista y solidario”¹⁰. Tanto en 2013 como en 2018 logró la elección de un representante al senado a través del FG.

¹⁰ Estatuto disponible en: www.tsej.gov.ar

Uno de sus dirigentes, Hugo Richer, fue ministro de la Secretaría de Acción Social del gobierno de Lugo. Miembro del Foro de São Paulo.

CI y socialdemócratas (18)

— Partido País Solidario (PPS), fundado en el año 2000. Miembro del Foro de São Paulo.

— Partido Participación Ciudadana (PPC), fundado en 1997. Su líder, Esperanza Martínez, fue ministra de Salud Pública y Bienestar Social (2008—2012). Perteneció al Foro de São Paulo.

— Partido Popular Tekojoja (PPT), fundado en 2006 como Movimiento Popular Tekojoja que impulsó la creación del FG. Se transformó en partido en 2008. Es uno de los partidos de CI más representativos. En sus estatutos se declara el “fin de convertirse en herramienta de transformación de la sociedad y del Estado paraguayo a través de la participación de las clases explotadas, oprimidas y excluidas por el sistema capitalista”¹¹. Asegura que su intención es el camino hacia el socialismo, entendiendo que el mismo se realizará como alternativa al actual sistema hegemónico capitalista. Miembro del Foro de São Paulo.

— Partido del Movimiento al Socialismo (P-MAS), fundado en 2006 por grupos estudiantiles, obreros y sectores populares. Formó parte del Frente Guasú, pero en 2013 pasó a integrar otro frente de CI denominado Avanza País.

— Partido del Movimiento Patriótico Popular (PMPP), se funda en el año 2009 y es de origen campesino, identificado con consignas nacionales, socialistas y de distribución equitativa de la riqueza. Miembro del Foro de São Paulo.

— Partido Revolucionario Febrerista (PRF), fundado en 1951 y con origen en el levantamiento armado del 17 de febrero de 1936. Participó en el parlamento tronista desde 1962. Pluriclasista, con elementos de derecha y de izquierda en sus comienzos. Años después adquirió la identidad de un partido socialdemócrata. Se declara “revolucionario, nacionalista, antiimperialista, democrático y socialista”¹². Miembro del Foro de São Paulo.

— Partido de la Unidad Popular (PUP), fundado en 2001. De acuerdo a sus estatutos, hace más énfasis en lo nacional, con alusiones a justicia social, que a una ideología de izquierda. Se reconocen en los próceres nacionales, Gaspar Rodríguez de Francia y Francisco Solano López. Es heredero del Movimiento Paraguayo de Liberación José Gaspar Rodríguez de Francia (MOPALI) surgido en el exilio en 1986.

— Partido del Frente Patriótico Teete (PFPT), fundado en el año 2017. Se define como una “fuerza política nacional democrática y progresista de ideología socialista”¹³.

— Partido Fuerza Común (PFC). Nace como partido en 2018, aunque todavía no está reconocido. Lo conforman predominantemente jóvenes que se reclaman “luchadoras y luchadores por el socialismo, por el feminismo, y por el cuidado del medio ambiente y la justicia social”¹⁴. Algunos de sus integrantes son ex miembros del PCP.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Estatuto disponible en: www.tsej.gov.ar

¹⁴ “Nace el Partido Fuerza Común”. — E’a, periódico digital, 18 de julio de 2018. Disponible en: <http://ea.com.py/nace-el-partido-fuerza-comun/> (consultado el 24.07.2021).

Мариано Д.Монтеро

— Movimiento La Patria Primero (MLPP), agrupación creada por Fernando Lugo en 2017.

— Movimiento Soberanía y Desarrollo (MSD), creado en 2011. Formó parte del FG.

— Partido Frente Amplio (PFA), fundado en 2002. Integró el FG del cual se retiró en 2011.

— Partido Humanista Paraguayo (PHP), fundado en 1985 en la clandestinidad.

— Partido Paraguay Tekopyahu (PPT), reconocido como partido en 2015. Forma parte de la alianza Avanza País.

— Partido Encuentro Nacional (PEN), fundado en 1991. Apoyó a Lugo en 2008. Se retiró de la alianza en 2013.

— Partido Democrático Progresista (PDP), fundado en el año 2007. En sus estatutos, declara que lucha “contra todo tipo de discriminación y explotación, aspirando a transformar la sociedad para convertirla en libre, igualitaria y solidaria”, y que la organización se fundamenta en “los valores, la doctrina y principios del socialismo democrático”¹⁵.

— Partido de la A (PDA), fundado en 2016. Propone un “proyecto progresista” y se basa en los “principios social democráticos”¹⁶.

— Partido Kuña Pyrenda (PKP), agrupación feminista y socialista. Surgió como movimiento en el año 2011, y como partido político en 2014.

El principal problema que debe afrontar la I y CI en el Paraguay es histórico y representa uno de los legados — negativo en este caso — de la izquierda histórica: la fragmentación y falta de unidad generados en un sectarismo que se transmite de generación en generación. El comunismo local es una prueba de ello, dividido en tres agrupaciones actualmente. El legado positivo, es la persistencia y presencia en la lucha, como lo demuestran los 61 años en que tuvieron que actuar en la clandestinidad [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8].

En cuanto a conceptos teóricos y modelos de organización, los partidos históricos se caracterizan por mantener sus tesis y formas de militancia intactas, prácticamente sin actualizarlas, lo que significa un problema importante, ya que muchos elementos de su discurso quedaron vetustos para el presente.

De todas las fuerzas detalladas, las tres más representativas en cuanto al número de militantes y movilización, son el PPP — que por el momento se mantiene al margen del juego electoral, — el PCPS — ya con experiencia de gestión entre 2008 y 2012 — y el PPT. Lo que los une es que todos tienen algún tipo de vínculo con el movimiento campesino paraguayo, aspecto clave para su preeminencia en campo de la I y CI paraguayas.

IZQUIERDA Y GUERRILLA: UNA PRESENCIA INCÓMODA

El análisis de la izquierda en el Paraguay tiene una particularidad que lo diferencia del resto de los países de la región. A excepción de Colombia, el Paraguay es el único país sudamericano que actualmente tiene guerrillas

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

activas en su territorio¹⁷. La más activa y conocida, es la del Ejército del Pueblo Paraguayo (EPP), grupo fundado en 2008, que se declara marxista-leninista y francista¹⁸.

La verdadera naturaleza del EPP sigue siendo objeto de debate. Mientras algunos analistas sostienen que es un grupo funcional a los intereses de los extractivistas y sojeros de la zona norte del país, al permitir, con sus acciones armadas, la criminalización de las luchas campesinas legítimas [16]; otros afirman que se trata de un grupo con claras características insurgentes de izquierda clásicas [17], [18]. Opuesta a Martens y a Nickson, y más cercana a Pereira, Sonia Winer se niega a considerarlos como una guerrilla clásica de izquierda y se refiere a ellos como “presuntos guerrilleros” [19, p. 12] que con sus acciones propician “la profundización de medidas político-jurídicas negadoras de derechos, congruentes con la restauración y reproducción del orden actual” [19, p. 38].

Asimismo, existen otros grupos armados similares. En el 2014 surge la Agrupación Campesina Armada (ACA); dos años después, el Ejército Mariscal López (EML); y en 2019, la Brigada Indígena de Ajusticiamiento a Matones de Estancia (BIAME), autores supuestos del secuestro del ex vicepresidente Oscar Denis en 2020. Las sospechas sobre los orígenes de estos grupos — mucho más pequeños que el EPP — giran alrededor de si se trata de desprendimientos reales del EPP (por diferencias ideológicas u operativas) o si son desprendimientos organizados desde el EPP para ampliar su base de operaciones [20].

Esta breve referencia a los grupos armados que operan en el norte del Paraguay, que se identifican con la izquierda, la hacemos para que el lector pueda comprender el delicado contexto en el que deben manejarse las fuerzas de I y CI en el país ante la amenaza siempre latente de que desde el Ministerio Público se impute a cualquier político o dirigente social de estar vinculado de una u otra forma a la guerrilla. Pese a que el EPP no mantiene vínculos con ninguna fuerza política, la amenaza de ser acusado, en base a pruebas muy débiles, de ser simpatizante de la guerrilla actúa como amedrentamiento hacia muchos dirigentes y militantes.

El autor de este artículo se inclina a la posibilidad de que el EPP sea una verdadera formación insurgente, tal cual lo plantea Martens; pero con la salvedad de que parte de su dirección este parcialmente infiltrada por la inteligencia gubernamental y militar. De otra manera, es muy difícil comprender el objetivo de las acciones que a todas luces significan retrocesos en las luchas populares y que invitan a una intervención militar de la región norte¹⁹.

¹⁷ También en el Perú, siguen operando algunos restos marginales de lo que fue Sendero Luminoso.

¹⁸ Con este término, se refiere a quien fuera dictador perpetuo del Paraguay entre 1814 y 1840, Gaspar Rodríguez de Francia. En sus escritos, propone como plataforma política un “francismo del siglo XXI”.

¹⁹ Por ejemplo, el hecho de que el EPP haya hecho su aparición pública tan solo quince días antes de la asunción de Fernando Lugo al poder, en agosto de 2008; o que en momentos en que una organización campesina está cerca de lograr reivindicaciones por vías legales, aparezca el EPP realizando acciones que generan que luego los fiscales y militares vinculen a los campesinos con el EPP. En 2009, la Organización Nacional Campesina (ONC), gremio de campesinos de Concepción, comenzó a ser ligado al EPP [20].

También es oportuno subrayar que, pese al discurso mediático que distingue entre “víctimas dignas” (los asesinados por la guerrilla) y “víctimas indignas” (dirigentes campesinos asesinados por sicarios que trabajan para la mafia y los sojeros), desde 1989 hasta la fecha fueron asesinados/desaparecidos 124 dirigentes campesinos, frente a 67 víctimas de la guerrilla [20], [21]. Las muertes de los campesinos pasan desapercibidas para la sociedad paraguaya, al no merecer cobertura de los grandes medios, actitud que cambia radicalmente cuando el EPP realiza una acción armada o ejecuta a alguien, transformándose en noticia de primera plana.

REFLEXIONES FINALES

Llegados a este punto, es lícito preguntarse por qué, si se comparten las mismas reivindicaciones (reforma agraria real, inversión en salud y educación públicas, reforma de la justicia, reparación para víctimas de la dictadura, renegociación del Tratado de Itaipú con el Brasil, horizonte socialista, etc) y se comparten las luchas (oposición a las privatizaciones, control de la extranjerización de las tierras de frontera por brasileños, etc.). ¿Cuál es la razón de la existencia de tantas agrupaciones?

Los problemas que tiene la I y CI en el Paraguay — el sectarismo y la falta de unidad, condiciones que se retroalimentan entre ellas, son históricos y no se percibe a futuro que los resuelvan en el corto o mediano plazo. La posibilidad más plausible para que el Paraguay reingrese en un nuevo ciclo progresista es que surja una línea interna radicalizada en uno de los dos partidos tradicionales (ANR o PLRA) que se alíe con este conglomerado de grupos de I o CI. Algo improbable, pero no imposible, ya que en el pasado el PLRA supo contar con un líder de un perfil más social, como Domingo Laíno, durante los últimos años de la dictadura y la década de los noventa. Además, si el PLRA no efectúa un giro hacia posiciones más sociales y sigue sin diferenciarse demasiado de la ANR en cuanto a su política económica, corre el riesgo de desaparecer gradualmente, del mismo modo en que la Unión Cívica Radical (UCR) argentina perdió su lugar de segunda fuerza en el país vecino. En Argentina, el ciclo progresista se pudo dar gracias a que uno de los grandes partidos tradicionales fue hegemonizado por una corriente interna de carácter progresista, como el kirchnerismo. Los intentos anteriores hechos por fuera, como el FREPASO, terminaron mal en 2001, al aliarse con el sector más conservador de la UCR para poder llegar al poder. Situación análoga de lo que sucedió en el Paraguay entre 2008 y 2012. Quiere decir que, sin la existencia de esa potencial línea interna progresista del PLRA o la ANR, la I y CI paraguaya quedarán expuestas nuevamente a una traición de sus aliados más poderosos, como sucedió en 2012 a nivel nacional y en 2019 a nivel municipal en Asunción.

La otra opción, es lo que denominamos el “camino autónomo”, en donde la I y CI tendrían libertad para aplicar su programa, pero eso implicaría un tiempo prolongado de construcción y acumulación política para no tener la necesidad de aliarse con el PLRA. Sin embargo, para lograr esto, es necesaria una unidad de verdad, con un partido que deje de ser un archipiélago de agrupaciones pequeñas. El sectarismo sigue reinando en la I y CI paraguayas, generando falta de unidad y demostrando una falta de evolución desde la época de la dictadura. Para dejar atrás esto, es imperioso que el FG se transforme en el “Partido Guasú” conformado por 21 de aquellas 24 agrupaciones (por la imposibilidad de acuerdo con el PCPI, PT y PPP).

El problema es que en el Paraguay no existe una agrupación política de I o CI que desde 1989 se encuentre acumulando militantes y capital político en forma permanente, como fueron los casos de Brasil, Bolivia y Uruguay. El conjunto de fuerzas de I y CI en el Paraguay deberá decidir si opta por seguir el camino de Bolivia, Brasil o Uruguay, que tras largos procesos de acumulación autónoma de capital político — que llevaron en promedio entre 20 y 30 años — llegaron al poder sin depender de alianzas con fuerzas contrarias a sus interés; o si confiará en una hipotética radicalización política de su incómodo aliado electoral, el PLRA. La inexistencia de esta fuerza de I o CI aglutinadora, por lo menos desde 1989, se debe a muchas razones que diferencian al caso paraguayo del resto de los casos sudamericanos: en primer lugar, haber sufrido la dictadura más duradera de la región (35 años) que persiguió con saña a toda manifestación política cercana a la I o CI; en segundo lugar, la inexistencia de una transición democrática *real*, ya que el partido político que cogobernó con Stroessner — ANR-Partido Colorado — preservó el poder y no prescindió de las prácticas de la época dictatorial, como lo demostró en 2012; en tercer lugar, la continua criminalización de la protesta social, ejecutada por un poder judicial que no superó el año 1989, lo que desincentiva la participación política de la ciudadanía; y en cuarto y último lugar, se podría aventurar la posibilidad de un vacío intergeneracional que una a la izquierda histórica que luchó en los sesenta y setenta contra la dictadura, con la actual, lo cual implicó un comienzo desde cero en 1989. Este conjunto de características históricas y actuales definieron a una I y CI con poca fortaleza para afrontar el inicio de un ciclo progresista en el país, al que ingresó como socio minoritario de una alianza liderada por una fuerza conservadora, y que explican, en parte, el por qué de la corta duración de cuatro años de su experiencia gubernamental, en contraste con el promedio de 8 a 10 años del resto de los países.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. González Bozzolasco, I.; Martínez Escobar, F. Los procesos políticos-electorales de la izquierda paraguaya en los 30 años de democracia. *e-l@tina. Revista electrónica de estudios latinoamericanos*, vol. 17, núm. 68, 2019 Universidad de Buenos Aires, Argentina Disponible en: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=496460991004>.
2. Bonzi, A. Proceso histórico del Partido Comunista Paraguayo. Un itinerario de luces y sombras. Asunción, Arandurã, 2001, 331 p.
3. Montero, M. “Paraguay es un país ideal para la guerra de guerrillas”. El Partido Comunista Paraguayo y el inicio de la lucha armada. Discursos y prácticas 1956-1961, *Historia colectiva, revista interdisciplinaria de Historia y ciencias sociales*, Dossier Latinoamérica en movimiento: actores en los conflictos armados del siglo XX, México (en prensa, 2021).
4. Montero, M. Agapito Valiente. Stroessner kyhyjeha. Reconstruyendo la vida de Arturo López Areco. El Partido Comunista Paraguayo y la Columna Mariscal López. Asunción, Arandura, 2019, 679 p.
5. JEIFETS, V. y JEIFETS, L. La Comintern y el Partido Comunista del Paraguay, una historia de desencuentros. *Izquierdas*, No.45, febrero 2019: pp. 160-184.
6. Barrett Viedma, R. Mis andares en el Partido Comunista Paraguayo y alrededores. Asunción, Arandurã, 2021, 222 p.
7. Treherne, C. The Guerrilla war of the Paraguayan Communist Party. Portsmouth, Prensa Libre, 1982, 68 p.
8. Zamorano, C. Paraguay insurreccional del siglo XX. Buenos Aires, Sapucaí, 1992, 129 p.
9. Nickson, A. La Guerra Fría y el Paraguay. Asunción, El Lector, 2014, 96 p.
10. Soler, L. Redes y organizaciones anticomunistas en Paraguay. La XII Conferencia Anual de la Liga Anticomunista Mundial, realizada en Asunción en 1979. *Páginas, revista digital de la Escuela de Historia de la Universidad de Rosario*, año 10, No.24, septiembre-diciembre 2018, pp. 55-73.

Мариано Д.Монтеро

11. Palau, M. Movimiento popular y democracia. Asunción, BASE-IS, 2014, 179 p.
12. Regalado, R. (comp.). El ciclo progresista en América Latina. Antología del seminario internacional “Los partidos y una nueva sociedad”. México. Partido del Trabajo, 2019, 212 p.
13. Katz, C. Desenlace del ciclo progresista. *Estudios Críticos del Desarrollo*, Primer semestre 2017, volumen VII, número 12 pp. 87-122.
14. Gaudichaud, F., Webber, J. y Modonesi, M. Los gobiernos progresistas latinoamericanos del siglo XXI. Ensayos de interpretación histórica. UNAM Ediciones, 2019, Facultad de Ciencias Políticas y Sociales.
15. Regalado, R. (comp.). Lecciones del ciclo progresista en América Latina. México. Partido del Trabajo, 2020, 300 p.
16. Pereira, H. Violencia extractivista. Criminalización de la pobreza campesina como causa de una supuesta subversión armada. *Novapolis*, No.12, diciembre 2017, pp. 69-103.
17. Martens, J. Aproximaciones a la naturaleza del EPP desde la perspectiva de la insurgencia. *Novapolis*, No.12, diciembre 2017, pp.43-68.
18. Nickson, A. Movimientos insurgentes en América Latina después de la Guerra Fría: El caso del Ejército del Pueblo Paraguayo (EPP). *Novapolis*, No. 15, junio 2019, pp. 63-84.
19. Winer, S. Representaciones e imágenes sobre el conflicto agrario en el Paraguay. *Novapolis*, No.12, diciembre 2017, pp. 11-41.
20. Colmán Gutiérrez, A. EPP: Historia no autorizada. Asunción, Servilibro, 2020, 366 p.
21. Coordinadora de Derechos Humanos del Paraguay (CODEHUPY). Informe Chokokue 1989-2013. El plan sistemático de ejecuciones en la lucha por el territorio campesino. Asunción, CODEHUPY, 2014, 183 p.

Mariano D.Montero (marianodmontero@yahoo.com.ar)

Professor of Middle and Higher Education in History, received at the Faculty of Philosophy and Letters of the University of Buenos Aires

Own way or alliance? Paraguay and the eternal promise of a progressive cycle. The limitations of a shattered left (1989—2021)

Abstract. Paraguay was the last of the South American countries to join the so-called “progressive cycle” in 2008. Except Chile and Peru — with overly ambiguous progressive cycles - it was also the first to get out of it as the outcome of the parliamentary coup in June 2012. Of the countries involved, Paraguay was the one with the shortest cycle, with only four years. However, the lessons of the arrival to the government and the following ouster were not taken into account in a proper way by the Paraguayan left forces that remain divided. There are many fringes and groups within the Paraguayan left movement, which clamps down on the chances to manage the unity as the chief condition for a possible return to power. In order to weight the nowadays possibilities of the left-wing forces, the author gives heed to the current situation in their groups and to the conclusions that should be made on the basis of their brief experience in ruling the State (2008—2012). As a matter of fact, they have two main choices before them: to keep trying electoral alliances with the Authentic Radical Liberal Party (PLRA) or to take their own way framing a long-term political project.

Key words: Paraguayan left, democratic transition, electoral alliances, Latin American progressive cycle.

DOI: 10.31857/S0044748X0016574-0

Received 11.03.201.

С.В.Малявина, А.А.Куракина-Дамир

Российско-испанские научные связи в условиях пандемии

Предлагаем вниманию читателей обзор вступлений участников очередного XVI испанско-российского симпозиума, состоявшегося в онлайн-формате.

Ключевые слова: Испания, Россия, экономическая политика, пандемия, двусторонние отношения, университетское и научное сотрудничество.

DOI: 10.31857/S0044748X0016575-1

Статья поступила в редакцию 18.06.2021.

Организованный Университетом Complutense (Мадрид, Испания), Университетом Валенсии и Центром Иберийских исследований ИЛА РАН XVI испанско-российский симпозиум собрал без малого четыре десятка ученых. Нынешнее мероприятие стало логическим продолжением юбилейного, XV симпозиума, состоявшегося в 2019 г. в Санкт-Петербурге (по его итогам ЦИИ ИЛА РАН выпустил коллективную монографию*), а также монографии, подготовленной ЦИИ ИЛА РАН в конце 2020 г., в которой уже была затронута тема пандемии**).

Право открывать симпозиум было предоставлено научному руководителю ИЛА РАН, чл.-корр. РАН, д-ру экон. наук, профессору **В.М.Давыдову**. Во вступительной речи он подчеркнул важность поддержания традиции проведения российско-испанских семинаров, так как их ежегодный характер и количество участников говорит о том, что рассматриваемые темы вызывают живой интерес исследователей обеих стран. Директор ИЛА РАН, канд. экон. наук **Д.В.Разумовский** вы-

Светлана Владимировна Малявина — д-р .филол. н., профессор кафедры славянской и немецкой филологии Университета Complutense (Испания, 28040 Мадрид, ул. Профессора Арангурен, б\н, <https://orcid.org/0000-0001-7670-6294>, smaliavina@filol.ucm.es); **Александра Андреевна Куракина-Дамир** — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0001-8781-8742>, Kurakina.alex@gmail.com).

* Rusia y España durante la inestabilidad global (Coordinadores P.Yákovlev, I.Gritsenko). Moscú: ILA RAN, 2020, 321 p.

** Испания в новой национальной и международной реальности. Коллективная монография. Под ред. Яковлева П.П., Куракиной-Дамир А.А. Москва, ИЛА РАН, 2020, 223 с. [Ispaniya v novej nacional'noj i mezhdunarodnoj real'nosti. Kollektivnaya monografiya [Spain in a new national and international reality]. Moscow, ILA RAN, 2020, 223 p. [In Russ.]

разил убеждение в том, что вопросы, которые предложено обсудить, являются крайне актуальными. Он пожелал участникам семинара плодотворной дискуссии и успешной работы. Слово перешло к вице-ректору по международному сотрудничеству и взаимодействию Университета Комплутенсе (Мадрид) г-ну **Дамасо Лопесу Гарсии**, поблагодарившему организаторов за проделанную работу.

Секцию «Политика, государство и здравоохранение во времена *COVID-19*» открыла бывший депутат Парламента Королевства Испании, врач **Анхелес Маэстро**, представив доклад «Пандемия *COVID-19* и противоречие между капитализмом и здравоохранением». Подчеркнув, что пандемия выявила неэффективность социального здравоохранения, она указала на зависимость здравоохранения и жизни современного человека от капитала, а также привела ряд фактов коррупции как среди экспертов из ВОЗ, так и среди некоторых политиков, защищающих интересы крупных фармацевтических компаний. Докладчик проанализировала политику правительств Евросоюза во время пандемии, отметив политическую зависимость при принятии решений, игнорирующих или саботирующих соглашения с такими странами, как Россия и Куба.

В докладе «Куда делся «конец истории» канд. ист. наук, профессор МГИМО, Чрезвычайный и Полномочный посол **Е.М.Астахов** представил обзор внешних факторов, с которыми неизбежно сталкиваются Россия и Испания, и которые необходимо учитывать при прогнозировании будущего развития. Пандемия в целом поставила под сомнение процесс глобализации, формулы интеграции, саму концепцию национального суверенитета и существующие экономические модели, особенно в том, что касается социальных проблем.

Специалист по международной политической экономике, профессор Университета Валенсии, д-р наук **Рауль де Арриба Буэно** в докладе «Ответ международной политики на кризис *COVID-19*» отметил, что сегодня «солидарность становится вопросом всеобщего интереса». Рассмотрев экономическую ситуацию и перспективы на ближайшее время, докладчик подчеркнул, что МВФ не скрывает снижения объемов производства в среднесрочной перспективе. Последствия коронакризиса фильтруются по разным каналам и провоцируют общественный кризис, ведя к росту безработицы и экономического неравенства, серьезным проблемам в банковской системе и увеличению госдолга. Ученый предложил ряд собственных мер, направленных на предотвращение сложившегося положения дел.

Д-р ист. наук, профессор МГИМО **Н.Е.Аникеева** в докладе «Россия и Испания: политическое сходство сегодня» указала на множество параллелей в историческом развитии обоих государств. В частности, обе страны играли и продолжают играть роль моста между Западом и Востоком. Сегодня на межгосударственном уровне наблюдается согласие по широкому спектру вопросов, но интенсификация связей во многом зависит от развития отношений России с Европейским союзом и с основными международными экономическими организациями.

В докладе «Российско-китайское стратегическое партнерство» ведущий аналитик Института стратегических исследований Испании, полковник **Хосе Пардо де Сантайана** определил сотрудничество России и Китая как «давние двусторонние отношения между державами, которые создали эффективные многоуровневые механизмы контактов, чтобы противостоять гегемонистскому международному порядку США и их вмешательству во внутренние дела других стран». С 1996 г. благодаря партнерству геополитическая значимость обоих государств усиливается, что позволяет России и Китаю сохранять прочную международную позицию в отношениях с США и со странами НАТО. Россия продолжит поддерживать стратегическое партнерство с Китаем до тех пор, пока отношения с Западом будут оставаться напряженными. Успех российско-китайского союза является одним из важнейших векторов формирования современного мирового геополитического порядка.

Экономист из Университета Валенсии **Сантьяго Лузуриага** в докладе «Экстерриториальные санкции и системные последствия» предложил свое объяснение того, как экономические санкции стали одним из ключевых инструментов для проецирования силы и реагирования на внешние события со стороны США. Послевоенный международный порядок во многом зависел от гегемонистской силы Соединенных Штатов. Централизация финансовых и информационных потоков привела к тому, что США функционируют не только как гарант, но и как привратник системы. Используя это преимущество в качестве оружия для достижения геополитических целей, они могут вводить экстерриториальные санкции и подрывать стабильность системы в целом. Широкое применение экономических санкций вызывает сопротивление и озабоченность в других государствах и может привести к краху мировой экономики, последствия которого трудно предсказать.

Вторая секция симпозиума была посвящена научному межвузовскому сотрудничеству Испании и России. Профессор университета Комплутенсе, д-р филол. наук **Дамасо Лопес Гарсия** в докладе «Пандемия COVID-19 и университет: размышления о разрушительном глобальном явлении» рассказал об основных трудностях, с которыми столкнулось учебное заведение. Ученый отметил, что потребовалось фактически перестроить всю работу университета. Докладчик перечислил меры, принятые для помощи студентам, которые в тот момент оказались за пределами своих стран. Уже сейчас можно констатировать, что изменилась вся система функционирования традиционного очного университета. Будущее покажет, какие изменения окажутся долговременными и трансформируют жизнь учебных заведений, а какие исчезнут, как только закончится пандемия.

Доклад, представленный профессором астрономии и астрофизики Мадридского университета Комплутенсе, руководителем испанской части проекта «Ультрафиолетовый космический телескоп Спектр-УФ / ВСО-УФ», д-р физ.-мат. наук **Аной Инес Гомес де Кастро**, был посвящен одному из самых важных и амбициозных научных проектов, который в настоящее время объединяет ученых Испании и России. Профессор Гомес де Кастро рассказала, на какой стадии развития находится проект и как ограничения, вызванные пандемией, повлияли на его осуществление.

Тему продолжил начальник Международного отдела Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) **И.Н.Школяр** в докладе «Новые формы университетского сотрудничества». Ввиду приостановки программ мобильности для студентов и преподавателей им на смену пришли реализация международных программ виртуальной мобильности и применение цифровых технологий. Наиболее перспективным направлением сотрудничества является создание альянсов: ВАВТ активно участвует в деятельности Альянса университетов России и Испании, в который входят по четыре участника из каждой страны.

Исследователи Международной научной группы изучения преподавания и методики РКИ **АТЕНЕА** — преподаватель Мадридского университета Комплутенсе, д-р филол. наук **С.В.Малявина**, зам. директора Института русского языка и культуры (МГУ), канд. фил. наук **В.В.Частных** и ст. преподаватель ИРЯИК (МГУ) **Ю.М.Рыжих** — представили доклад на тему «Сотрудничество университетов в период чрезвычайной ситуации: новые формы обучения в прямой трансляции». Они, в частности, познакомили участников с международным дистанционным коммуникативным проектом «Соседи», появившимся весной 2020 г. Новые реалии, в которых оказалось академическое сообщество, подтолкнули преподавателей к поиску иных форм обучения, активизировалось сотрудничество между специалистами разных стран, так как дистанционный формат общения помог преодолеть расстояния, сделал возможной совместную работу людей, находящихся в разных точках земного шара. Методика преподавания, заложенная в основу проекта, при-

звана дать учащимся возможность «погрузиться» в языковую среду для формирования и развития коммуникативных навыков.

Работу первого дня симпозиума завершила секция «Общество и культура в эпоху *COVID-19*». Профессор прикладной экономики Университета Валенсии, д-р экон. наук **Маргарита Пор Труцелера** в докладе «Структурные изменения пост-*COVID*-экономики в постсоветских странах» провела анализ форм реагирования постсоветских государств на кризисные ситуации и выдвинула тезис о том, что нынешний кризис, связанный с коронавирусом, положительно влияет на структуру экономики этих стран. Из-за социального дистанцирования и приостановки работы различных компаний (особенно в сфере услуг) спрос на онлайн-услуги значительно вырос, что расширило проникновение цифровых технологий в различные секторы экономики. Ожидается, что этот процесс будет ускорен, и меры, которые считаются временными (например, широкое внедрение видеоконференций или дистанционного обучения студентов), будут сохранены, поскольку они удобны для пользователей и повышают экономическую эффективность.

Тему состояния общества в эпоху *COVID-19* продолжила автор многочисленных монографий и исследований в области религии и общества, д-р ист. наук **Т.Б.Коваль** в выступлении «Религия и пандемия. Католическая церковь в Испании и Русская православная церковь. Сравнительный анализ». Проанализировав позицию церквей в отношении пандемии, автор рассмотрела связь между основными религиозными институтами и мерами, предпринятыми правительствами стран по преодолению кризисной ситуации. Докладчик показала, насколько поразному представители тех или иных религиозных конфессий отреагировали на чрезвычайное положение.

Состоянию культуры в эпоху *COVID-19* был посвящен доклад «Ответ Испании на воздействие пандемии на культуру». Его автор — знаток оперного искусства, сотрудник Мадридского университета Комплутенсе, филолог **Т.З.Соткилава** — проанализировала значимость культуры в критические моменты жизни общества и ее сегодняшнее состояние. Падение финансового оборота в сфере культуры Испании составляет 24%, а в сфере театра и кино — 70%. Важным шагом на пути сохранения доступа к культуре стал тот факт, что в сентябре 2020 г. правительство страны объявило культуру основным благом общества. Детально проанализировав деятельность ведущих оперных театров мира в период с марта 2020 по апрель 2021 г., докладчик отметила меры, предпринятые Королевским оперным театром Испании, которые позволили ему успешно возобновить постановки с июля 2020 г.

Второй день работы симпозиума открылся секцией «Политика и государство». В первом выступлении канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра Иберийских исследований ИЛА РАН **А.А.Куракина-Дамир** «Выборы в период пандемии. Пример Испании» проанализировала три региональные избирательные кампании (в Стране Басков, Галисии и Каталонии), состоявшиеся в период пандемии. Практика показала, что гипотеза о том, что пандемия негативно скажется на явке избирателей, не подтвердилась. Однако новая реальность поставила вопрос о реформировании системы голосования и необходимости расширять альтернативные формы, из которых на данный момент в Испании реально действует только голосование по почте.

В докладе «Турбулентность политической системы Испании» профессор Университета Комплутенсе (Мадрид), автор многочисленных работ по внутренней политике **Хайме Ферри Дура** подчеркнул влияние институционального кризиса, разразившегося в 2008—2009 гг., на слом партийной системы страны. Сегодня часть политических элит ставят под вопрос договоренности, принятые (с их точки зрения слишком поспешно) в период демократического транзита. Под удар попали такие столпы государственности, как Конституция и монархия. Докладчик заклю-

чил, что будущее испанской политики не определено, но правый и левый блоки имеют примерно равный потенциал.

Социолог и политолог, профессор Университета Рей Хуан Карлос (Мадрид) **Роберто Лусьяно Барбейто Иглесиас** представил доклад «Характеристики популизма в Испании». Он рассмотрел это явление как стиль политической риторики, присущий политическому актору любого класса и используемый в целях мобилизации и продвижения политических изменений. Основными характеристиками дискурса популистов являются апелляция к противопоставлению элиты и народа, отказ от политкорректности и спекуляции на тему угрозы, риска, кризиса. В Испании существуют две такие партии: *Unidas Podemos* на левом фланге и *Vox* на правом. По итогам последних парламентских выборов они аккумулировали в сумме четверть всех голосов и представлены как на всех территориальных уровнях, так и на национальном и европейском. Обе поддерживают одну из традиционных партий. Говоря о ключевых характеристиках обеих партий, автор выделил их сходства и различия.

Фернандес Санчес из Автономного университета Мадрида рассказал об отношениях России и Испании и политике левых партий в Испании. Коммунистическая партия в иберийской стране была образована в 1921 г. и в годы гражданской войны стала основным центром сопротивления франкизму. На этот период пришелся всплеск испанско-советского сотрудничества, которое было прервано с приходом к власти диктатора Франсиско Франко в 1939 г. и восстановлено лишь после его смерти. В своем выступлении автор дал глубокий анализ деятельности компартии и ее роли в развитии двусторонних связей как в период франкизма, так и после демократического транзита.

Секция завершилась докладом титулярного профессора Университета Рей Хуан Карлос **Педро Гарсии Бильбао** «Вызовы испанского общества эпохи пост-*COVID*», в котором он очертил взгляды социологов на беспрецедентные вызовы 2020—2021 гг. Несмотря на относительно невысокую летальность (около 1%), коронавирус в той или иной степени затронул 100% населения, абсолютно все сферы экономики и политики. Столь масштабное воздействие этого вируса выявило все недостатки системы (в первую очередь перенос производства, осуществленный в предыдущие десятилетия с целью его удешевления, и, как следствие, рост уязвимости стран). Немаловажным фактором стала власть фармацевтических компаний. Докладчик подчеркнул, что пандемия полностью изменила политическую повестку страны, и сегодня как никогда важно провести комплексное исследование актуального состояния испанского общества.

Вторая секция этого дня была посвящена внешнеэкономическим вопросам. Первой выступала руководитель Центра Иберийских исследований, заместитель директора по научной работе ИЛА РАН, канд. экон. наук **В.М.Тайар**. Ее доклад был посвящен трансатлантическому вектору внешнеэкономических связей Испании, подверженных влиянию институциональных и структурных факторов. Можно выделить такие аспекты, как назначение испанца Жозепа Борреля главой дипслужбы ЕС, усиление протекционизма со стороны США, метаморфозы в традиционных трансатлантических отношениях ЕС — США и фактор Китая, который побуждает испанские транснациональные корпорации задуматься о координации усилий в трансатлантической деятельности. Стоит также отметить фактор торговых соглашений между ЕС и латиноамериканскими торговыми блоками, которые имеют большое значение для Испании и могут способствовать росту либерализации торговли, а также укреплению трансатлантического моста между странами. Коронавирус, конечно, внес свои «поправки» в международные отношения и глобализацию. В новых условиях страны ЕС и, в частности, Испания вынуждены искать взаимопонимание с США, а также укреплять партнерские отношения с латиноамериканскими государствами.

Тему продолжил научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М.Примакова **К.А.Никулин** в докладе «Современная эволюция государственной поддержки внешнеэкономической деятельности испанских компаний». Формирование испанских мультинациональных компаний (МНП) активно сопровождалось государственной поддержкой. Мадрид уделял особое внимание экономической дипломатии, компании получали экономическую и институциональную помощь; была сформирована обширная структура лоббизма. В значительной степени за счет внешнеэкономического сектора, т.е. в контексте увеличения суммы прибыли, получаемой из-за рубежа, испанские МНП ослабили деструктивное воздействие финансово-экономического кризиса. Анализ государственной поддержки внешнеэкономической деятельности испанских компаний приобретает особую актуальность в период проявления новых кризисных явлений в мировой экономике, таких, как *COVID-19* или экономический национализм.

Главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН и ИНИОН РАН, д-р экон. наук **П.П.Яковлев** в докладе «Россия и Испания перед изменениями в мировой экономике» отметил, что пандемия *COVID-19* ознаменовала конец одного из циклов мировой экономики и начало нового периода глобального экономического развития. По мнению различных экспертов, мир вышел из эпохи глобализации и вступил в так называемую «эпоху беспорядка», которая может длиться довольно долго. Докладчик отметил ряд тенденций, которые будут выделять этот суперцикл из ряда других, а также его последствия для России и Испании. П.П.Яковлев подчеркнул, что экономики России и Испании невозможно разрушить, потому что они слишком велики, диверсифицированы и имеют высококоразвитые отрасли. Но экономики этих стран тоже не могут быть запущены быстро, потому что обе страдают от множества серьезных структурных, институциональных и технологических проблем. Кризис, без сомнения, является угрозой, но одновременно он становится стимулом для переосмысления стратегий роста. Таким образом, история дает Испании и России шанс осуществить новаторские программы экономических преобразований.

Ведущий научный сотрудник ИЛА РАН, д-р экон. наук **Н.А.Школяр** и профессор прикладной экономики Университета Валенсии, многолетний партнер ИЛА РАН по научной деятельности **Антонио Санчес Андрес** представили совместный доклад «Российско-испанские двусторонние отношения и международная торговля на фоне пандемии». Ученые проанализировали торговые связи наших стран за последние 20 лет и обозначили свое видение того, что произойдет в будущем и с какими проблемами придется столкнуться. Особое внимание было уделено их включенности в мировые торговые отношения. Исследователи пришли к выводу, что российский экспорт не меняет свою структуру. Что же касается испанского экспорта, то он по-прежнему будет скромным, хотя по отдельным видам продукции возможна определенная динамика. Процесс цифровизации может привести к качественным изменениям во всех сферах не только национальной экономики, но и внешнеэкономической деятельности. Последняя позволит сэкономить административные и логистические ресурсы, экспортно-импортная цепочка между Россией и Испанией станет более конкурентоспособной и позволит интегрировать новых участников двусторонней торговли.

Закрыли работу секции сотрудники Университета Ла Корунья (Испания), экономисты **Мари Елена Санчес** и профессор **Пабло Кастьянос** совместным докладом «Неопределенность экономической политики: сравнительный анализ экономик России и Испании». Анализ, охватывающий период 2001—2020 гг., носил исследовательский характер с использованием описательной статистики и иерархического кластерного анализа. Авторы подчеркнули наличие более высокого уровня неопределенности экономической политики, а также большей его изменчи-

ности в случае России. В обеих странах мировой финансовый кризис и пандемия оказали значительное влияние как на индекс глобальной неопределенности экономической политики, так и на акции. В то время как испанский фондовый рынок показывает отрицательную корреляцию с неопределенностью экономической политики, в случае России эта корреляция оказывается положительной. Это можно объяснить тем, что, когда увеличивается неопределенность экономической политики в стране, акции компаний, интегрированных в Московскую биржу, оказываются «рынком-убежищем» для россиян.

Завершила работу симпозиума секция «Экономика в эпоху пандемии». Первой выступила старший научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН, доцент РУДН, канд. полит. наук **А.А. Андреева**. Ее доклад назывался «Секьюритизация помощи развитию в Испании». Помощь в целях развития считается одним из ключевых инструментов внешней политики государств. Долгое время внедрение связи между безопасностью и развитием в Европейском союзе считалось «табу» из-за опасений экспертов, что сектор безопасности может взять на себя значительную часть бюджета. Однако в 2016 г. была опубликована Глобальная стратегия внешней политики и безопасности ЕС, в которой особое внимание уделялось именно обеспечению безопасности бенефициаров. Докладчик проанализировала, были ли постулаты Стратегии-2016 адаптированы в отношении испанской помощи в целях развития: проводилась ли количественная секьюритизация испанских программ помощи развитию в 2016—2019 гг. в контексте дисбаланса международной стабильности.

Следующий доклад «Последствия коронавируса для развивающихся экономик» был представлен профессором экономики Университета Валенсии **Антони Сеги-Алькарасом**. Пандемия выявила серьезность глобальных рисков, одновременно являясь испытанием устойчивости для общества, экономики и управления во всем мире. Отсюда можно извлечь важные уроки: наиболее очевидным является необходимость включения экспертных знаний в государственную политику. Это особенно актуально перед лицом другой серьезной проблемы, которая, как и коронавирус, связывает людей с их средой обитания, — это изменение климата и ухудшение биосферы.

Тему продолжила группа исследователей из Университета Ла Лагуна (Тенерифе) **Ольга Гансалес-Моралес, Хуан Мануэль Кабрера Сенчес и Лилия Алонсо** в докладе «Эволюция региональных рынков труда в эпоху COVID-19: на примере Тенерифе». Кризис 2019 г. оказал негативное влияние, в первую очередь, на сектор услуг (гостиничный бизнес, художественные, рекреационные и развлекательные мероприятия), а также на строительный сектор. Положительным оказалось влияние пандемии на занятых в сфере государственного управления, обороны, образования, здравоохранения и социальных услуг. Что касается регионов, то лучшие показатели — у мегаполиса, потому что его деятельность более диверсифицирована. В трех регионах южной части острова наблюдается наибольший спад занятости, особенно в юго-западном регионе, где фиксируется наибольшее падение и где сосредоточена значительная часть туристической инфраструктуры острова.

Доклад канд. экон. наук, профессора Национального Университета дистанционного образования (Мадрид) **Хосе Мариа Кордеро** был озаглавлен «Управленческие показатели государственной политики Российской Федерации в Арктике». Использование показателей управления получает все большее распространение как в сфере частных, так и государственных организаций. Для оценки и корректировки принимаемых решений необходимо изучать эти показатели. Указы Президента РФ «Об основах государственной политики в Арктике», по мнению автора доклада, — хороший пример того, как индикаторы управления постепенно вводятся в законодательную сферу. В проанализированном случае показатели соот-

Светлана Малявина, Александра Куракина-Дамир

ветствуют характеристикам *SMART** и в принципе эффективны. России предстоит разработать план мероприятий по реализации программы, а также установить правила и критерии, которые будут регулировать координацию.

Работа симпозиума завершилась докладом независимого исследователя **Луис Дари Рамирес Франко** на тему «Рынок, государство и кризис *COVID-19*. Смогут ли транснациональные корпорации выполнять свою роль регуляторов экономики?». Докладчица представила свое объяснение мер, принятых разными странами для смягчения кризиса в здравоохранении и экономике. В частности, она высказала гипотезу о том, что именно государства, возобновляя свою роль регулятора и защитника экономических секторов, противостояли кризису посредством фискальной и кредитно-денежной политики. Транснациональные корпорации, учитывая их индивидуалистический и конкурентный характер, нацеленные на увеличение прибыли, не могут действовать в пользу общества.

Итоги работы XVI испанско-русского симпозиума подвел **П.П.Яковлев**, долгие годы возглавлявший Центр иберийских исследований ИЛА РАН, бессменный вдохновитель этого мероприятия. Он отметил, что два дня плодотворной работы и научных дискуссий продемонстрировали, что даже пандемия не может остановить научное сотрудничество двух стран. Новый формат мероприятия привлек новых участников, что является безусловным преимуществом. В заключение П.П.Яковлев предложил расширять уже имеющиеся форматы работы.

Svetlana V.Maliavina (smaliavina@filol.ucm.es)

PhD, Professor of Department of German and Slavic Filology, University Complutense

Alexandra A. Kurakina-Damir (Kurakina.alex@gmail.com)

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
B. Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Russian-Spanish scientific relations during pandemic

Abstract: The 16th Spanish-Russian online symposium took place. We bring to the attention of our readers an overview of the entries of its participants.

Key words: Spain, Russia, economic policy, pandemic, bilateral relations, university and scientific cooperation.

DOI: 10.31857/S0044748X0016575-1

Received 18.06.2021.

* *SMART* является акронимом от *Specific* — конкретный, *Measurable* — измеримый, *Attainable* — достижимый, *Relevant* — важный, *Time-based* — временный, т.е. определен промежуток времени на получение результата.

Памяти Бориса Николаевича Комиссарова (1939—2021)

4 сентября 2021 г. в Санкт-Петербурге на 82-м году жизни не стало Бориса Николаевича Комиссарова — выдающегося ученого, крупнейшего специалиста по истории русско-бразильских отношений, истории российской внешней политики и географических открытий.

Борис Николаевич родился 8 декабря 1939 г. в семье ленинградской интеллигенции. Весь его дальнейший путь как историка и организатора науки и образования был связан с Ленинградским (Санкт-Петербургским) Государственным Университетом. А именно, с кафедрой истории Нового и новейшего времени исторического факультета, научная школа которой была представлена такими выдающимися историками как Н.И.Кареев, Е.В.Тарле, В.Г.Ревуненков и многими другими.

Б.Н. Комиссаров работал на кафедре с 1964 г., где в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материалы экспедиции Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. как исторический источник», а в 1980 г. стал доктором исторических наук после защиты диссертации «Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века в Академии наук».

Возглавив кафедру истории Нового и новейшего времени в 1993 г., Борис Николаевич продолжил традиции сложившейся научной школы, в то же время собрав вокруг себя за десятилетие руководства кафедрой целый ряд молодых и талантливых ученых и преподавателей. Приглашая для ведения курсов и спецкурсов видных лекторов с других факультетов СПбГУ и вузов Петербурга, он смог добиться действительно высокого уровня подготовки глубоко и разносторонне образованных выпускников, продолживших традиции научной школы Петербургского университета в области преподавания и исследований истории Нового времени.

Особое внимание Б.Н.Комиссаров уделял работе со студентами кафедры. Многие выпускники помнят совершенно особенные занятия по введению в специальность, когда действительно возникало ощущение приобщения к таинству исторического исследования, к цеху историков. Одновременно с этим студенты-первокурсники получали ясное представление о

сути научного поиска, работе с источниками, понимание, что есть научная новизна исследования. Были учреждены Кареевские чтения, чтения по португалистике (совместно с филологическим факультетом СПбГУ). Сложилось новые подходы к изучению истории Нового времени — то, что Б.Н.Комиссаров называл «новистикой» — расширение междисциплинарного подхода и объединение исследований истории Западного мира с востоковедением.

Вклад Бориса Николаевича в ибероамериканские исследования в России сложно переоценить. Первооткрыватель целых пластов истории российско-бразильских отношений, он своим примером глубокого, основательного, поистине академического подхода к изучению истории международных отношений вдохновлял талантливых исследователей, молодых ученых. Его заслуги были широко признаны в ведущих учебных и научных организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Дальнего Востока, Европы и Латинской Америки, Русском географическом обществе, политических кругах СССР и России, Латинской Америки.

Труды Б.Н.Комиссарова (а это почти два десятка книг и более 600 статей на русском и португальском языках) всегда отличал прекрасный литературный стиль, безупречно сочетавшийся со строгостью научного подхода. Понятие качества научного исследования, лапидарность слога (одно из любимых слов Бориса Николаевича) — это то, что он прививал своим ученикам. До самых последних лет Борис Николаевич принимал активное участие в научной и общественной жизни.

То, чего нам будет не хватать, — это его оптимизма во всех порой сложных ситуациях, энтузиазма, которым он увлекал своих сподвижников и слушателей, прекрасного чувства юмора, заразительного смеха, улыбки и особого, выразительного взгляда первооткрывателя.

ПАВЕЛ ФОМИЧЕВ

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Мартынов Б.Ф.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Дьякова Л.В.* Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Ермольева Э.Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- *Яковлева Н.М.* Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- *Ракуц Н.В.* Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Куба St. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *Давыдов В.М.* Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- *Кодзоев М.А.-М.* США — Куба: эхо холодной войны.
- *Яковлев П.П.* Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

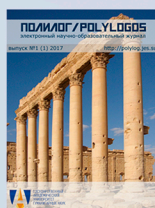
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilagan.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru